

В продолжение всего срока заключения Господь пробуждал меня раньше подъёма и я мог в тишине читать Библию или вспоминать места Писания и молиться. А когда просыпались заключённые и поднимался крик, шум, адская ругань, я выходил на улицу и пел гимны, которые знал наизусть.

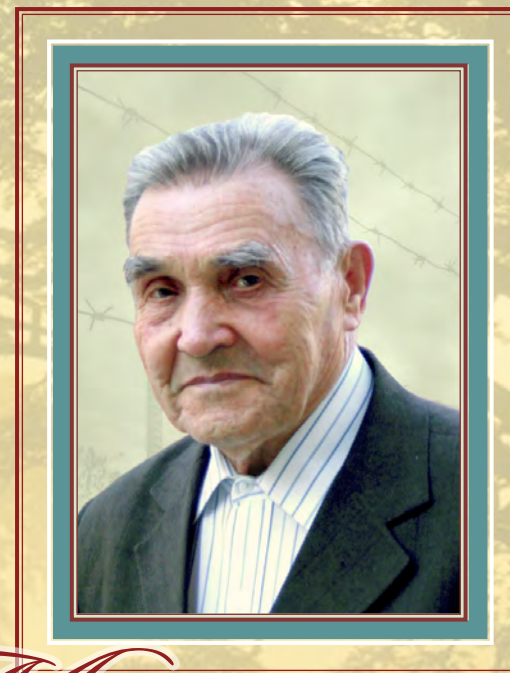
Почти в каждой колонии меня вызывал оперуполномоченный и запрещал говорить о Боге. В беседе он всегда угрожал мне дать новый срок. В моём же сердце всегда звучали слова апостолов: «Судите, справедливо ли перед Богом — слушать вас более, нежели Бога?»

Как я благодарен Богу за Иисуса Христа, Который ценой Своей Крови спас меня от ада, простил мне грехи, подарил покой и жизнь с избытком! Он перевёл меня из царства сатаны в Царство Божье и подарил жизнь вечную. Только Христос силен разрушить дела дьявола, и только Он может освободить от зла. Поэтому христиане, полюбив своего Спасителя, готовы за Него страдать и умирать, как и выразился один поэт:

*Жить для Иисуса, с Ним умирать,—
Лучшую долю можно ль желать?!*

МОЁ СЧАСТЬЕ — В БОГЕ

И. Я. АНТОНОВ

Моё счастье — **В БОГЕ**

И. Я. Антонов

Моё счастье ~ **В БОГЕ**

Автобиографическая повесть

Издательство «Христианин» МСЦ ЕХБ
2010

И. Я. Антонов

Моё счастье — в Боге

Автобиографическая повесть

2010 Издательство «Христианин» МСЦ ЕХБ

Издано на пожертвования верующих

Распространяется безвозмездно

Продаже не подлежит

Моя семья

*Вот, око Господне над боящимися
Его и уповающими на милость Его.*

Пс. 32, 18

Есть в России, между Петербургом и Москвой, деревня Липно. Сорок — пятьдесят домов, выстроенных в две неровные улицы, напоминают гнездо, любовно свитое птицами. Перед деревней раскинулось озеро, а позади — поля и луга. Вдалеке виднеется лес. Озеро и лес щедро кормят жителей деревни своими дарами: в озере водится много рыбы, а в лесу вырастает немало ягод и грибов.

19 августа 1919 года деревня Липно стала моей родиной. В этой тихой деревушке прошло моё детство и отрочество.

Мой отец — Яков Антонович — по натуре был человек замкнутый, угрюмый, строгий. О Боге он никогда не вспоминал, а в тридцатые годы, когда начали повсеместно насаждать безбожие, отец стал атеистом.

Мама — Анисья Ивановна — в противоположность отцу верила в Бога, хотя и по-православному, любила Его и всегда старалась исполнять заповеди любви и добродетели. Она была доброй, милосердной женщиной и усердствовала в том, чтобы вложить в сердца своих детей веру в живого Бога. Мама хотела, чтобы мы выросли хорошими людьми и все свои вопросы решали только с Богом.

У меня было два брата: старший — Миша и младший — Коля.

Семья наша считалась бедняцкой, хотя у нас была лошадь, корова и ещё кое-какая скотина. С самого детства, несмотря на возраст, мы много трудились: помогали родителям

ухаживать за животными, убирать сено, молотить хлеб, собирать урожай.

Родители, особенно мама, учили нас трудолюбию. Они почти никогда не заставляли работать, а заинтересовывали нас, стараясь чем-нибудь вознаградить за труд. В награду за хорошую работу нам иногда покупали что-нибудь из одежды или из школьных принадлежностей. И мы старались таким образом заработать — пилили дрова, собирали грибы и ягоды, ловили рыбу. Правда, не всегда мы работали честно. Мама проверяла, как мы сделали порученное, учила нас и порой наказывала.

Летом, в свободное время, мы играли с сельскими детьми в разные игры. В войну никогда не играли — такой игры для нас просто не существовало.

Самым любимым нашим занятием была рыбалка. Наловив рыбы, мы часто прямо на берегу варили уху и ели. Какая она была вкусная!

Отец наш был рыбаком. Он иногда брал нас в помощники, чему мы очень радовались. Закидывая сети в озеро, рыбаки всегда просили благословения у Бога, хотя сами Его не знали. Когда в невод попадало много рыбы и мужчины

Липно со стороны озера

радовались, я тоже с радостью думал: «Какой Бог добрый, Он послал такой богатый улов!»

Наш отец был участником империалистической и гражданской войны. В 1922 году он вернулся с фронта — худой, голодный, грязный, с незаживающими ранами на ногах. Мама долго ухаживала за ним, пока он окреп и стал трудоспособным.

Зимними вечерами отец часто рассказывал нам о военной жизни. Мы очень любили слушать его. Он рассказывал об ужасах войны, о добрых медработниках в госпиталях и о тех, кто просто из сострадания делился хлебом и одеждой с голодными и плохо одетыми солдатами. Когда я слушал эти рассказы, в моём сердце загоралось искреннее желание быть отзывчивым, хорошим человеком и делать людям только добро.

В нашей семье было заведено есть всем вместе, с одной миски. Мама просила благословения на пищу, потом отец подавал команду, и все приступали к еде. Без папиного разрешения за ложку никто не брался. После еды благодарили Бога за пищу.

Дни рождения в нашей семье отмечались по-особенному. Мы очень любили эти праздники. В день рождения мама освобождала нас от всякой работы, нам дарили подарки. В такие дни мама готовила что-нибудь вкусное и перед едой читала из какой-то книги на церковно-славянском языке. Ни Библии, ни Евангелия в нашем доме не было. После чтения мама произносила благодарственную молитву, просила благословения для нас, осеняя крестом перед иконами. Всё это происходило благоговейно и торжественно.

Нашим воспитанием занималась в основном мама. Своим разумным наказанием и мудрыми поучениями она отвратила нас от многих плохих поступков. На протяжении всей жизни мне никогда даже в голову не приходило, например, присваивать себе чужое. Я очень благодарен маме за такое доброе воспитание.

При всём том я не так уж и редко преступал мамины поучения. Однажды ранней весной я решил наловить рыбы.

В это время она в большом количестве подплывала к берегу метать икру, и её ловили руками. Я снял ботинки, принадлежащие старшему брату, и штаны, чтобы не намочить их и чтобы мама не узнала, чем я занимался, и полез в воду. К сожалению, рыбы я не наловил, а ревматизмом заболел, потому что вода была очень холодной, даже лёд ещё не до конца растаял.

Мои ноги так распухли, что я не мог не только ходить, а даже вставать на ноги. Целое лето я сам мучился, и мама возле меня страдала. Сколько она, бедная, выплакала слёз! Сколько провела бессонных ночей! А я так и не признался, где простыл и почему заболел.

С Божьей помощью мама всё же вылечила меня. По совету добрых людей она парила меня в бочке с хвойным отваром. Вскоре я начал вставать на ноги, потом ходить и, наконец, совсем выздоровел. И только на сердце остались следы былой болезни — прослушивая его, врачи всегда спрашивают, не болел ли я ревматизмом. До сих пор я помню этот серьёзный урок: как дорого стоит непослушание! Оно может оставлять следы на всю жизнь.

В детстве я два раза тонул, но каждый раз в сильном страхе обращался к Богу, и Он спасал меня. Я понимал, что Бог слышит мои молитвы, и это побуждало меня во всяких трудностях обращаться к Нему за помощью.

Жизнь в деревне

*Ибо как высоко небо над землею,
так велика милость Господа к боя-
щимся Его.*

Пс. 102, 11

В дни моего детства народ в деревне был более или менее богобоязнен. Люди жили дружно, как одна семья, разделяя радости и скорби друг друга. Весной, перед посевом, все

открыто молились Богу, просили благословения на труд, а также хорошую погоду и богатый урожай. И Бог слышал молитвы. В своё время шёл дождь, грело солнце, свидетельствуя о Божьем милосердии. Бывало, что весной дождей долго не было. Тогда сельчане, все до одного, выходили в поле вместе со священником и совершали молитву о дожде. Я своими глазами видел, как Бог отвечал на просьбы людей. Шёл дождь, и все радовались и благодарили Бога.

Церкви в нашем селе не было, на богослужение люди ходили в другую деревню. Чтобы попасть на заутреню, надо было вставать в четыре часа утра. Мама старалась не пропускать богослужений. Она с большим благоговением посещала храм и всегда брала кого-нибудь из детей, чаще всего меня.

Летом в церковь мы ходили босиком, обувь брали с собой и обувались уже возле самой церкви.

В престольный праздник в каждый дом нашей деревни заходил священник и совершал молитву. Впереди него всегда шёл какой-нибудь мальчик и нёс икону. Мальчик заходил в дом первым и предупреждал хозяев о приходе священника. Желающие носить икону были всегда, потому что за этот труд священник давал несколько копеек. Когда мне исполнилось пять лет, я тоже носил икону перед священником.

В моём понимании священник был святым человеком, который служит Богу и делает людям добро. Но один случай изменил это понятие и поколебал мою детскую веру.

Был престольный праздник, и я носил икону перед священником. Он в каждом доме совершал службу. Зашли и к нам. Мама говорит:

— Батюшка, у нас сейчас нет денег — мы строимся. Я заплачусь с вами зерном, а позже и деньги отдам.

Наша старая изба стала рушиться, мы начали строить новую, но средств на стройку не хватало.

— Нет, матушка,— ответил священник,— пойди займи у кого-нибудь и отдай мне что положено.

Маме пришлось занимать у соседей, а мне было очень горько от такого отношения батюшки. Какой же он священник,

если у бедных вымогает деньги за службу? Я сказал об этом маме, а она ласково посмотрела на меня и смиренно ответила:

— Ничего, сынок, не переживай. Батюшка — тоже человек, он мог ошибиться и не понять нас. Ты не смотри на людей. Смотри на Бога — Он справедливый, добрый и любящий.

Односельчане всегда заботились о нуждающихся: помогали вдовам и сиротам убирать урожай; на полях, в огородах и садах всегда оставляли что-нибудь нищим. Принять нищего на ночлег считалось долгом каждого жителя.

Всё хорошее, что слышал от взрослых, я старался запоминать и поступать так, как они учили. Однако улица тоже влияла на меня. Мальчики часто рассказывали непристойные анекдоты, их вульгарная речь заходила в мой разум и совесть таким образом осквернялись, я терял мир, и зло наполняло моё сердце.

Однажды за столом папа рассказал маме, что мужа его сестры наградили орденом Ленина. Это была большая награда, и родители восхищались дядиной изобретательностью и умом. Он работал машинистом тепловоза, был простым, неучёным человеком, но изобрёл какой-то тормоз, за что и получил орден. Мама сказала, что это Бог послал дяде мудрость, потому что он двадцать четыре раза в сутки читает молитву «Отче наш».

Мне в ту пору шёл тринадцатый год, и я, слушая разговор родителей, решил тоже молиться двадцать четыре раза в день, чтобы быть мудрым и изобретательным. Не всегда я молился на коленях, потому что не хватало времени. Но молитву «Отче наш» старался читать двадцать четыре раза. Если же к вечеру не успевал, мне становилось страшно.

В тридцатые годы повсеместно стал насаждаться атеизм. Безбожники делали своё дело: закрывали церкви, снимали колокола, священников сажали в тюрьмы или же отправляли в ссыльные места. Люди стали ожесточёнными и непримиримыми. В деревне возникали драки, которые иногда доходили до убийств.

В эти годы нашу семью постигло большое горе. Папа

не только превратился в ярого богопротивника, но и при-
страстился к самогону. Доходило до белой горячки. Маме
пришлось много пережить. Пьяный отец выгонял её из до-
му, и она вынуждена была ночевать в сарае или амбаре и
в дождь, и в мороз. От этого она простыла и заболела воспа-
лением лёгких. Мы, дети, плакали и просили Бога дать маме
здоровье. Отец испугался, думая, что мама умрёт, и перестал
пить. Он начал ухаживать за ней и с нашей помощью делал
всю домашнюю работу.

Бог услышал наши молитвы. Мама выздоровела и прожила
после этого ещё много лет. Папа сильно изменился — бро-
сил пить, стал очень внимателен к маме. Для меня это было
ещё одним свидетельством, что Бог любит нас и слышит на-
ши молитвы. После этого мне ещё больше хотелось любить
Бога и служить Ему.

Родительский дом в Липно

Моя учёба

*Ибо человеку, который добр пред
лицом Его, Он даёт мудрость, и зна-
ние, и радость...*

Еккл. 2, 26

В нашей деревне долго не было школы. Дети ходили в семилетку в соседнее село.

Неподалёку от нас жил один мужчина, которому, как говорили люди, не везло в жизни. Он был тихим, добрым человеком, но очень бедным. Однажды он решился поехать в Петроград на заработки, и там ему крупно повезло — он нашёл хорошую работу, заработал много денег. Вернувшись в деревню, мужчина построил школу. Это было красивое здание с большими окнами и широкой дверью. Я часто подходил к школе и рассматривал её, заглядывал в окна. Как мне хотелось зайти в помещение!

В шесть лет моя мечта сбылась — я пошёл в школу. Классы мне показались очень красивыми, а учитель, на мой взгляд, был добрейшим человеком. Помню, в первом классе нам выдали книгу «Новый путь». На первой странице этой книги было написано: «Учение — свет, а неученье — тьма». Я воспринял эти слова как непреложную истину и твёрдо решил учиться хорошо, чтобы быть добрым и полезным для людей.

Всего два года проучился я в нововыстроенной школе. Однажды ночью мама разбудила нас вся в слезах:

— Мальчики, посмотрите, ваша школа горит!

Мы выскочили во двор и испуганно смотрели на зарево, освещающее деревню. Как ни старались жители спасти здание, оно всё же сгорело. Для нас это было страшной трагедией.

Два года я ходил в школу в другую деревню, потом два года сидел дома, потому что в пятый класс принимали по возрасту, а мне не хватало двух лет.

Наконец пришло время, и меня приняли в школу на станции Медведево. Ездить туда надо было поездом, а до ближайшей станции надо было идти несколько километров,

и мама договорилась с родственниками, чтобы они взяли меня на квартиру. Однако у них была большая семья, и я прожил там только один год. Потом мама договорилась со своей подружкой — бездетной женщиной, — и она приняла меня на квартиру. Эта семья жила богато, и мне у них не было трудно. Они полюбили меня за то, что я верил в Бога, молился Ему, а также был послушным, помогал в работе по дому. Когда они уезжали за покупками в Ленинград (Петроград, переименованный в 1924 году), я оставался на хозяйстве один и всю домашнюю работу делал сам.

В 1932 году, перед тем как идти в пятый класс, я видел интересный сон. Лежу я будто на лужайке и сплю. И вдруг какой-то голос разбудил меня. Я встал. Смотрю — передо мной стоит человек приятного вида. Тот же голос подсказал мне: «Это Ангел!» Ангел положил мне на голову руку и произнёс: «Сынок, если хочешь быть хорошим человеком, ты должен верить в Бога и молиться».

Я рассказал сон маме, и она подтвердила, что это действительно был Ангел, которого Бог послал для укрепления моей веры и для предостережения, чтобы я никогда не отступил от Него. Если я буду молиться Богу и верить в Него, то Он благословит меня в учёбе и я вырасту хорошим человеком. Если же забуду Бога, перестану молиться, то Он не будет меня хранить и я стану злым и негодным человеком.

Когда мне пришлось уехать из дому и жить на квартире, я старался каждое утро молиться, старался слушаться старших, и Бог помогал мне. Я понимал, что у меня не просто так всё складывается хорошо, не своими силами я учусь хорошо, а это Бог благословляет меня.

Ни в октябрюта, ни в пионеры, ни в комсомол я не вступал. Члены этих организаций должны были говорить, что Бога нет, а я не мог этого делать, потому что глубоко верил в Его существование. Мне было страшно не только сказать, что Бога нет, а даже подумать об этом.

Бог удерживал меня от юношеских похотей. Я был занят учёбой и старался всем людям делать добро. Ни кино, ни театры меня не привлекали. Я по сей день благодарю Бога за

то, что Он так милостиво хранил меня в отрочестве от многих грехов.

Мама всегда интересовалась нашей учёбой и за хорошее поведение, хорошие оценки не только хвалила, но и угощала разными лакомствами. Я старался учиться хорошо, и маму никогда не вызывали в школу для того, чтобы выговорить за моё поведение или неуспеваемость. Когда в учёбе возникали трудности, когда не мог решить какую-нибудь задачу, я вставал на колени и просил у Бога мудрости. И Бог помогал мне! Учебный год я всегда заканчивал на отлично. Правда, пение и рисование давались мне трудно — к этому у меня не было способностей.

Однажды меня, как отличника, отправили бесплатно в санаторий под Ленинград, в Царское Село. Там нас водили в Александровский и Екатерининский дворцы, в лицей Пушкина. Я увидел много интересного и каждый раз вспоминал выражение: «Учение — свет, а неученье — тьма». Мне хотелось знать всё, что только доступно человеку, и эти знания употребить на благо людям.

Каникулы я проводил у родителей, в деревне.

Когда появилась игра в карты и деревенские мальчики научились всяким азартным играм, я тоже увлёкся ими. После этих игр на душе у меня всегда было плохо, потому что они часто заканчивались спорами, а то и драками.

Летом я старался заработать хоть немного денег, чтобы помочь семье. Однажды меня пригласил на рыбалку мужчина, вернувшийся из ссылки. Его в своё время раскулачили и отправили в Сибирь, а теперь он приехал домой. Мужчина приглашал ловить рыбу неводом. Мама сильно переживала за меня, так как знала, что это тяжёлый труд, не по моему возрасту и здоровью. Однако я согласился, надеясь, что Бог сохранит меня от болезни.

Я заработал много денег и заготовил рыбы на всю зиму. Мама была очень рада и благодарила Бога за большую материальную помощь.

Во время моей учёбы в стране организовались колхозы. Люди не хотели вступать в них и всячески сопротивлялись

государственным постановлениям, но под большим нажимом и из-за страха перед арестами вынуждены были соглашаться. Зажиточных крестьян раскулачили и выслали в Сибирь, непокорных арестовали и отправили в дальние лагеря. Люди стали недоверчивыми, злыми, к работе относились недобросовестно.

В 1937 году, когда я учился в десятом классе, прошли первые выборы в Верховный Совет СССР. Школьники тоже принимали активное участие в подготовке к выборам, выпускали стенгазеты, в надежде, что предстоящие перемены принесут людям много хорошего.

Выборы проходили в декабре, а через три месяца директор школы велел нам, старшеклассникам, снять со стен портреты депутатов. Оказывается, этих депутатов объявили врагами народа и осудили. Это событие не просто взволновало мою душу, а потрясло. Мой разум не мог понять происходящего. Людям, которых хвалили, которым доверяли, вдруг присудили высшую меру наказания!

Директор нашей школы — умный, рассудительный, знающий своё дело человек — неожиданно исчез. Никто не знал, куда он делся. Вместо него директором стал молодой, неопытный, но зато партийный человек.

Через некоторое время после того, как исчез директор, к нам в класс зашёл учитель истории — всеми уважаемый преподаватель — и взволнованно сказал:

— Дети, я уезжаю в длительную командировку. Прошу, простите меня, если кого чем обидел.

Его тоже не стало. Позже до нас дошли слухи, что и директора, и историка причислили к врагам народа и уничтожили.

Весной нас, выпускников школы, повезли в Москву на экскурсию в железнодорожный институт. Учителя хотели, чтобы после окончания школы мы поступили в этот институт.

Отец мой тоже хотел, чтобы я учился на инженера, а мама видела меня врачом. Я увлекался техникой и решил поступать в железнодорожный институт, куда нас возили на экскурсию. Однако папин брат разубедил меня и посоветовал идти в мединститут. Дядя доказывал мне, что, работая

врачом, я смогу делать людям добро, помогать в несчастьях, да и материально всегда буду обеспечен.

Я послушался дядю и подал документы в Московский медицинский институт. Аттестат у меня был хороший — всего одна четвёрка по русскому языку. Её поставили мне только потому, что я не был комсомольцем. Я не огорчился, но из-за четвёрки целое лето должен был готовиться к вступительным экзаменам.

Декан, принимавший экзамены, похвалил меня за отличные знания и, пожелав хорошего отдыха, пригласил приступить в сентябре к учёбе. Я очень обрадовался. Мне казалось, что, живя в Москве, я стану не только образованным, но и культурным человеком, и все мои жизненные вопросы будут решены. Душа моя тосковала по чему-то возвышенному, я жаждал найти истинный смысл жизни, идеал, к которому нужно стремиться.

* * *

Учиться в институте было трудно. Здесь я уже не был отличником. Экзамены сдавал в основном на четвёрки. Первое время я не участвовал ни в каких мероприятиях и праздники проводил в кругу родственников в Москве. Застенчивый по характеру, я старался быть незаметным и знакомился с Москвой в одиночку. Правда, было у меня два товарища-москвича. Когда они рассказывали мне, как провели выходные дни, я удивлялся их распушенности и говорил, что пить вино и заниматься непотребством — нехорошо. Но они смеялись надо мной, называя деревенским и заверяя, что через год я буду такой же, как и они. Мне было страшно даже подумать об этом.

В комсомол я не вступил и в институте, хотя мне и предлагали. Я старался жить честно, помогал людям где мог, нередко убеждался в том, что добром можно победить зло.

Мне часто приходилось ночевать у своего старшего брата Михаила, который жил в Москве. Как-то раз я шёл к нему и, поднимаясь по лестнице, услышал громкий плач. Плакала соседка — старая, одинокая женщина. Спросив, что случилось, я узнал, что жена сапожника, который жил напротив

моего брата, подала на эту старушку в суд, обвиняя её в том, что она избила её. Это возмутило меня. Как можно так обманывать?! Несколько дней назад я сам видел, как сапожник бил свою жену молотком. Зачем же теперь обвинять невинную, незащищенную женщину? Я стал успокаивать старушку и пообещал помочь ей. Меня записали в свидетели.

На суде я рассказал о том, что видел. Обвиняемую женщину оправдали, а жене сапожника и найденным ею двум свидетелям присудили 500 рублей штрафа.

Жена сапожника два года злилась на меня, на моего брата и невестку за то, что я на суде сказал правду и защитил невинную. Но через два года она вынуждена была обратиться ко мне за помощью, потому что у неё сильно заболел внук. Я полечил больного мальчика, и соседка перестала сердиться. С тех пор мы жили дружно, а я хорошо усвоил, что зло можно победить добром.

Среди студентов были дети высокопоставленных людей. Они позволяли себе всякие вольности, и я одно время попал под их влияние. Священное Писание говорит, что «худые сообщества развращают добрые нравы», так оно случилось и со мной.

Один раз я напился с друзьями допьяна и с большим трудом добрался до общежития. А другой раз, увлечшись карточной игрой, проиграл всю стипендию. Пришлось искать работу, чтобы заработать на пропитание. Родственники помогли мне, но я не сказал им, что заставило меня подрабатывать во время учёбы. После этого случая я твёрдо решил никогда не пить и не играть в азартные игры.

Молился я теперь тайно, утром и вечером. Свободное время проводил в библиотеке. Брал книги русских писателей, в которых много говорилось о Боге, правде и добре, и выписывал себе самые интересные изречения.

Наблюдая за жизнью образованных людей, я часто смущался. Они делали очень много зла и неправды, и я понял, что в институте можно получить лишь специальность, освободиться же от зла посредством науки — невозможно. Спустя годы я познал, что свободу от зла и греха даёт только Иисус Христос.

На втором курсе меня постигло глубокое переживание. Мой

младший брат Коля, закончив среднюю школу с отличием, приехал в Москву поступать в институт. Но его планы не осуществились. Искупавшись в прохладной воде, он заболел двусторонним воспалением лёгких, и его положили в больницу.

Я сильно переживал о Колином здоровье, и мне приснилось, будто мы пришли к нему в больницу, а он, такой радостный, говорит: «Мне совсем хорошо, не переживайте!» Днём мы посетили его, и он действительно сказал, что чувствует себя хорошо. Однако ночью мне снова приснился сон: я увидел, что кровать Коли пуста и покрыта белой простынёй. Утром я в сильной тревоге пошёл в больницу к лечащему врачу. Он сказал мне, что ночью Коля умер.

Это было для меня большим ударом, но предаваться горю я не имел права — нужно было сообщить родным о смерти брата и позаботиться о предстоящих похоронах.

Похороны проходили с участием священника. Во время службы он подошёл к моему отцу и попросил у него денег. Получив их, он снял рясу, пошёл в закусочную, выпил стакан вина и возвратился продолжать службу. Этот поступок окончательно изменил моё мнение о священниках. Даже не зная Писания, я понимал, что они не должны так поступать.

Во время похорон я старался сдерживать себя, чтобы не плакать, и как мог утешал родителей. А ночью дал волю слезам. Мне было непонятно, почему Бог допустил смерть молодого, умного, такого хорошего юноши. «Почему?» — без конца спрашивал я, не находя ответа. Я много молился, искал утешение в классической литературе, с печалью думая о том, что врачи бессильны противостать смерти. И только во время войны, на фронте, мне вдруг стало понятно, от каких ужасов Бог избавил Колю, прервав его жизнь.

Многого я не понимал, но где-то в глубине души чувствовал, что за гробом существует иной мир и когда-то мы встретимся с Колей там, за порогом смерти.

Однажды с группой студентов я зашёл на Новодевичье кладбище, где похоронены великие люди — П. И. Чайковский, Н. В. Гоголь, В. С. Соловьёв и другие. На некоторых памятниках были написаны евангельские тексты, и мне было очень

приятно их читать. Моё сердце тогда наполнилось каким-то особым трепетом и вновь появилось желание понять, в чём заключается истинный смысл жизни.

22 июня 1941 года в нашей стране началась война. Мы как раз сдали экзамены и разъезжались на каникулы. Народ был в смятении и страхе. Когда начали бомбить Москву, мой брат Михаил попросил меня отвезти его жену и детей в Липно, а сам остался работать на авиазаводе. У меня была отсрочка от военной службы, и я, приехав в деревню, остался там.

Когда немцы бомбили расположенный неподалёку от нас город Бологое, моих односельчан охватил ужас, все они переживали за отцов, мужей и сыновей, мобилизованных на фронт. В поисках утешения две соседки однажды обратились ко мне с просьбой почитать им Библию. Их мужей отправили на фронт. Одного из них уже убили. Женщины где-то достали Библию, но читать не умели, поэтому пришли ко мне. Кто-то сказал им, что в Библии указано, когда кончится война.

Я охотно согласился почитать Библию, так как давно слышал, что есть такая Божественная книга. Женщины приходили слушать только по вечерам. А я по восемнадцать часов в сутки сидел над этой книгой и за месяц прочитал её с большим интересом от начала до конца.

Сказав женщинам, что в Библии ничего не написано о конце войны, я выборочно читал им главы из пророческих книг. Меня очень удивляло, как пророки могли предсказывать события, которые потом исполнялись с большой точностью.

Жизнь Иисуса Христа мне очень понравилась, мне хотелось подражать этому Богочеловеку. Однако искупительная жертва Иисуса Христа осталась для меня непонятной. Я признавал себя грешником, но слово о покаянии и оставлении грехов не коснулось моего сердца.

Прочитав в Библии об идолах, я стал говорить маме, что иконы — это идолы и поклоняться им — грех. Мама удивилась: что это за Библия, которая запрещает поклоняться иконам? Ведь священники читают Библию и никогда ничего

подобного не говорят. Меня это тоже удивляло. Тогда мама пообещала мне спросить об иконах у Анны Николаевны — монашки, которая иногда приходила к нам.

Когда Анна Николаевна посетила нас в очередной раз, я сам спросил у нее:

— Скажите, разве иконам поклоняться не грешно? Я вот прочитал в Библии, что это идолы.

— Что это ты читаешь? — удивилась она, взяв у меня Библию.

Полистав немного, она посмотрела на год издания и вернула книгу мне, пообещав:

— Я спрошу у настоятеля и принесу тебе ответ.

Но я так и не дождался ответа. Анна Николаевна больше не приходила к нам.

Я не только прочитал Библию, но и переписал себе много псалмов, а также некоторые главы из пророческих книг. Выучив 90 псалом наизусть, я часто повторял его как молитву, наряду с «Отче наш».

Наступила осень 1941 года. С фронта приходили страшные вести. Мама уговаривала меня не ехать на учёбу, потому что немецкая армия уже приближалась к Москве. Но я всё же уехал. Встретив одного из студентов, я узнал, что наш институт эвакуировали в Уфу. Многие студенты закончили там курсы хирургии, и их отправили в эвакогоспитали.

Служба в армии и война

*Вдали от Бога ты — как в море
Заброшенный грозою чёлн:
Когда достигнут волны горя,
Бессилен и смятенья полн.*

В начале 1942 года меня призвали в армию. Я попал в запасной полк в город Муром Горьковской области. Условия были трудные, кормили плохо. Сначала я служил в миномётной

роте, а потом начальник санчасти, узнав, что я окончил три курса мединститута, взял меня в санчасть фельдшером стрелкового батальона. Меня определили на квартиру, и жизнь стала намного легче.

Больных было много, и работы у меня было более чем достаточно. Когда маршевую роту отправляли на фронт, то солдаты, не желающие воевать, притворялись помешанными, слепыми, хромыми. Моей задачей было выяснить, на самом ли деле человек болен, и вынести какое-то заключение.

Были и другие трудности. В армии организовывались походы, в которых создавали условия, приближённые к фронтовым. Стояла зима. Мороз. Однажды меня вызвал начальник санчасти и приказал быстро собраться и идти в пункт назначения одного батальона, отправленного в поход. Там я должен был дождаться людей и оказать помощь пострадавшим. Я отправился неохотно. Нужно было на лыжах пройти около тридцати километров. К вечеру я был на месте, и тут же начали прибывать отряды.

Мороз был крепкий, и более ста солдат пришли с обмороженными ногами. Лечить их было негде, для этого мероприятия вырыли всего одну землянку. Я обратился к командиру с предложением прекратить поход, но он и слушать не хотел. Пришлось сообщить об этом начальнику санчасти. Он тут же приехал и отменил поход. Но меня всё-таки наказали за то, что я якобы не оказал своевременной помощи обмороженным солдатам.

В запасном полку я пробыл полтора года. Солдаты уже по второму разу уезжали на фронт, а я всё ещё был в тылу. Мне хотелось тоже побыть на войне, и я сказал об этом начальству. Все удивились моему желанию, потому что в основном никто не хотел попадать туда.

Меня отправили на фронт. Попал я в резерв Московского военного округа. Через время меня послали в механизированный корпус, формирующийся под Москвой, и там я пробыл до конца октября 1943 года.

В армии я увидел много зла, неправды, и это плохо повлияло на меня. Я был разочарован в жизни, часто унывал.

Осенью 1943 года я попал на Второй Украинский фронт. За четыре с половиной месяца всего один раз ночевал в хате, а то всё в ямах. Условия были очень тяжёлые. Хотя наша бригада была механизирована, из-за дождей и грязи машины не могли ехать, и мы ходили пешком.

Первый бой для меня был особенно страшным, я очень переживал, что меня тоже могут убить. Потом я стал постоянно молиться, страх прошёл и душа моя успокоилась, появилась вера, что останусь живым. Много раз приходилось смотреть смерти в глаза, но Бог всё же сохранил мне жизнь. Слава Ему!

На передовой процветали всевозможные пороки, особенно пьянство, которое нередко губило людей. Однажды мне нужно было отправить в медсанвзвод раненых и я с шофёром пошёл искать бензин. Мы нашли подбитую санитарную машину. Я решил пополнить медикаменты, а шофёр стал сливать бензин. В это время подъехало наше начальство, все были пьяными. Они направлялись в соседнее село, которое всё ещё занимали немцы. Мы предупредили об этом, но полковник громко крикнул: «Нет! Село наше!» — и дал приказ ехать дальше. На следующий день, когда село было освобождено, мы узнали, что никого из начальства не осталось в живых.

Однажды к вечеру, после боя, я собрал раненых и, оказав им помощь, уложил на куче старой соломы. Моросил дождь, было холодно, и я хотел переправить больных в медсанвзвод. Машина была, но бензин кончился, и водитель не хотел рисковать, потому что мы могли заглохнуть где-нибудь в грязи. Я вместе с ним отправился на поиски бензина. Найдя одну машину, в которой дремал капитан, я

попросил у водителя литров двадцать бензина. Капитан тут же проснулся и отказал мне. Уговоры не помогли. Тогда я приказал своему водителю слить канистру бензина с их бака. Капитан с руганью выскочил из машины и достал пистолет. В этот момент подъехало наше начальство. Узнав о причине шума, начальник политчасти похвалил меня и уехал. А через неделю меня наградили орденом Красной Звезды за добросовестное исполнение долга.

На фронте приходилось переносить много всевозможных трудностей, но я до сих пор удивляюсь тому, как милостив был Бог к людям! В неимоверно тяжёлых условиях, в голоде и холоде, никто из солдат не болел. Около пяти месяцев я был на фронте, и только одного человека мне пришлось отправить в медсанвзвод с высокой температурой от воспаления лёгких. Думаю, это не случайность, а милость Божья к народу.

Когда мы второй раз вышли из окружения, в нашей бригаде осталось всего сто пятьдесят солдат. Нас вывели из передовой на формирование и на фронт больше не отправляли.

Где-то за месяц до этих событий начальник санчасти перевёл меня фельдшером в роту управления.

Знакомство с истиной

О, бездна богатства и премудрости и ведения Божия! Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его...

Рим. 11, 33

Весной 1944 года нашу часть перевели в Кировоград. Роте управления дали улицу, на которой нужно было распределить солдат по квартирам. Прежде чем начать расселение, я пошёл по домам с проверкой, нет ли в какой семье больных, потому что в то время многие болели сыпным тифом.

В одном доме я встретил женщину, которая страдала от

приступов бронхиальной астмы или туберкулёза. Эта пожилая женщина, одетая в чёрное, произвела на меня неприятное впечатление. Она жила с дочерью в большом красивом доме. Узнав у меня, кто я по специальности, женщина попросила достать лекарство, которое не могла купить в городе. Я пообещал сходить в медсанзвод и вечером принести.

— Благодарить меня не нужно, деньги у нас есть,— предупредил я, прощаясь.

— А я не деньгами отблагодарю,— многозначительно ответила больная.

Вечером, когда я принёс лекарство, меня пригласили за стол. Дочь хозяйки поставила передо мной стакан спирта и свежие огурцы. Я удивился: откуда у них огурцы ранней весной? Оказывается, они жили очень богато.

Немного выпив, я сказал, что больше не буду, опасаясь, не подсыпано ли что-нибудь в спирт.

— Пей, не бойся, там ядовитого ничего нет,— словно прочитав мои мысли, сказала хозяйка.

Потом она спросила мою фамилию и год рождения и, достав из-под подушки книгу в чёрном переплёте, стала говорить обо мне, о моих братьях и родителях. Она рассказала, что уже было со мной и что ещё будет. Я сильно удивился, так как не встречал ещё таких людей. В конце женщина сказала, что я собираюсь домой в отпуск, но, вместо отпуска, попаду в казённый дом. Я спросил, откуда она это знает.

— По книге,— коротко ответила женщина.

— Можно посмотреть? — протянул я руку, чтобы взять книгу, но хозяйка спрятала её за спину.

— Если хочешь, я научу тебя предсказывать будущее.

Я отказался. Потом опять спросил:

— Эта книга называется «Чёрной магией»?

— Да,— ответила она.

Женщина попросила меня полечить её, и я недели две ходил к ним, ставил уколы. Каждый раз больная предлагала мне научиться колдовать, но я категорично отказывался.

Хозяйка, в доме которой была расположена санчасть и я жил на квартире, сказала мне однажды:

— Ваня, зачем ты ходишь к колдунье? Мы все боимся её, она может сделать что-нибудь плохое.

Я тоже чувствовал это и, когда шёл ставить укол, всегда читал молитву «Отче наш».

Однажды эта женщина спросила меня, не знаю ли я человека, который вылечил бы её. Она согласна была заплатить любую сумму.

— Никто вас не вылечит,— смело ответил я. — Бросьте все свои чародейства, дьявол оставит вас, и вы перестанете болеть.

После этих слов женщина поднялась с постели с каким-то демоническим видом и хотела броситься на меня. Я испугался и выхватил из кобуры наган. Женщина тут же упала на кровать, задыхаясь в приступе удушья. Через несколько минут она открыла глаза. Я собрал медикаменты и, уходя, сказал:

— Вот вам и всё лечение.

Многие предсказания колдуньи могли бы сбыться, но Бог сильнее тёмных сил, и Он избавлял меня не только от опасностей, но и от смерти.

Лечить приходилось не только солдат, но и гражданских. Заболела сыпным тифом одна девушка. Я делал всё возможное, чтобы она выздоровела, но однажды ночью прибежала её мать и разбудила меня криком: «Нина умерла!» Мне жалко было эту совсем юную девушку, и я поспешил к ней, захватив сумку с лекарствами.

У больной уже не было пульса, она не дышала. Я помолился и попросил у матери разрешения сделать Нине укол в сердце. Она не соглашалась. Бабушка тоже была против, она уже грела воду, чтобы обмыть внучку. Но я всё же убедил их, что укол может помочь, и они согласились.

Я ввёл Нине адреналин прямо в сердце, и через несколько минут оно забилось. Нина всхлипнула и открыла глаза. Это было явное чудо. Сколько радости оно принесло родным! Они называли меня спасителем, не зная, чем отблагодарить, а я от всего отказывался, считая, что просто исполнил свой долг.

К тому времени я подружился с командиром, который вёл разгульную жизнь, и вместе с ним погряз в пьянстве. Однако

безбожная жизнь не была мне в радость. Я понимал, что нужно по-другому относиться к Богу и к своей жизни, но победить себя не мог.

Как-то после очередного застолья, которое, как обычно, закончилось дракой, я задумался о своей жизни, и мне сильно захотелось освободиться от пьянства и от курения. Но сделать это не было сил. Тогда я начал молиться и просить Бога, чтобы Он помог мне избавиться от этих пороков. И Бог ответил мне.

Однажды пришёл я на квартиру к военному почтальону, чтобы отправить домой письмо. Отдал конверт, сел покурить. Смотрю, над дверью на фанерке написано: «Господь — Пастырь мой». Посмотрел по углам — икон нет. На столе лежит Библия и песенник.

— Вы что, верующая? — спросил я хозяйку.

— Да,— ответила она. — А вы верите в Бога?

— Да, верю,— кивнул я, загасив сигарету.

— Хотите, я познакомлю вас с верующей молодёжью? — тут же спросила хозяйка.

Я удивился: неужели молодые тоже верят в Бога? Мне всегда казалось, что верят только старики. От знакомства я отказался. Взяв в руки Библию, я попросил разрешения почитать её, и хозяйка охотно разрешила. Почтальон начал отговаривать меня, но я его не слушал, погрузившись в чтение. Потом я полистал песенник и, прочитав песню «О Боже, Боже, дай мне силы за ближних душу полагать», решил её выучить, она очень понравилась мне.

Когда я уходил, хозяйка попросила обследовать одну девушку — у неё температура, кашель, ночами она не может спать. Я согласился. Мы договорились встретиться в воскресенье утром, чтобы вместе пойти к больной.

В воскресенье командир не отпустил меня одного, думая, что я иду в какую-то компанию погулять. Я объяснил ему, что мне нужно посетить больную и, кроме обследования, там ничего не будет. Но он не поверил мне, взял грузовую машину, сел за руль и повёз меня.

Хозяйка сама не поехала с нами, а послала одну верующую

девушку. С большими происшествиями, как это обычно бывает у пьяных, мы доехали до нужного дома.

Возле больной сидели три девушки и пели. Когда я зашёл, они замолчали. Больная на самом деле была в тяжёлом состоянии, и я пообещал приготовить ей лекарство с условием, что кто-то придёт и заберёт его.

Пока я разговаривал с больной, командир начал рассказывать девушкам анекдоты. Наблюдая за девушками, я заметил, что они совсем не такие, как все те, с кем я был знаком. Этих девушек совершенно не интересовало то, что рассказывал полупьяный военный.

Мы распрощались, но эта короткая встреча не выходила у меня из головы — девушки были какие-то необычные.

Вечером сестра больной пришла за лекарством и принесла мне две книги. Одна из них — «Жизнь Иисуса Христа». В книгу была вложена записка: «Если вы интересуетесь Богом, то прочитайте. Книги просим вернуть».

Я прочитал книги, и моё сердце с новой силой загорелось желанием быть похожим на Иисуса Христа. Однако я со скорбью чувствовал, что на это у меня не хватит сил.

Девушки, которые были у больной во время моего посещения, пожелали встретиться со мной. После большой внутренней борьбы я согласился. Казалось, сам дьявол нащёпывал мне: «Зачем они тебе нужны? С ними вовсе не интересно! Они не умеют веселиться! Не ходи!..»

Но я всё же пошёл. Познакомились. Это были Маня и Надя Корецкие и Лина Королькова. Мы долго беседовали. Я старался защитить свой образ жизни, утверждал, что нужно веселиться и проводить дни в своё удовольствие. А девушки говорили о преимуществе жизни с Богом. Неожиданно одна из них спросила:

— Ты много удовольствия получаешь от того, что куришь и пьёшь? Твоя душа насыщается этим?

Я честно признался, что, кроме вреда, ещё ничего не ощущал и, несмотря на все усилия, никак не могу бросить пить и курить.

— Если ты поверишь в Иисуса Христа и расскаешься в

своих грехах, то бросишь и пить, и курить. Бог даст тебе Духа Святого, ты станешь новым человеком,— сказала Лина. — Когда Дух Святой поселится в твоём сердце, грех станет тебе противен, у тебя появится много добрых желаний, которые ты с радостью будешь исполнять.

Но я не хотел каяться. После этой беседы у меня была ещё встреча с братьями, однако сердце оставалось чёрствым к истине. Христианство мне нравилось, мне хотелось жить по принципам высокой морали, но я знал, что совсем не грешить у меня не получится, поэтому зачем каяться?

Однако после второй беседы с Линой, Маней и Надей я потерял покой. Поздно вечером пришёл в санчасть, помолился и лёг спать. Но молитва не помогла — на душе лучше не стало, наоборот, началась настоящая война. Дух Святой с предельной ясностью напоминал мне мои грехи, перед моим мысленным взором, словно кинолента, прошла вся жизнь. Я увидел себя погибшим грешником, и мне стало страшно. Встав с постели, я оделся и, преклонив колени, стал каяться перед Богом. Всем сердцем я поверил в Иисуса Христа как в Спасителя, и удивительный мир наполнил меня. И тогда я почувствовал, что сердце моё стало другим.

Спустя годы, я узнал, что девушки много молились о моём обращении и даже с постом обращались к Богу, чтобы Он помиловал меня. Увидев, что беседы не касаются моего сердца, они назначили трёхдневный пост и просили Бога, чтобы Дух Святой открыл мне моё греховное состояние.

Утром я встал новым человеком. Даже мысль о водке или сигаретах была противна мне. Когда командир предложил опохмелиться, я сказал ему, что больше никогда не буду пить.

— Ты что, с ума сошёл? — удивился он.

— Я стал верующим,— улыбнулся я. — Больше пить и курить не буду.

— Хорошо, нам больше достанется,— махнул рукой командир, выпил стакан водки и ушёл.

С этого же дня я стал рассказывать офицерам, как Бог освободил мою душу от грехов. Одни удивлялись, другие искренне интересовались, желая больше узнать о Боге.

Конечно, пришлось услышать много насмешек и презрительных реплик. Но это не смущало меня.

Когда покаялись два солдата и старший сержант, меня вызвал для беседы начальник политотдела. Это было в августе 1944 года. Пришлось побывать и в контрразведке. Я везде рассказывал, что уверовал в Бога и свидетельствую об этом другим.

В контрразведке мне сказали, что вера в Бога не запрещена, но предупредили, чтобы я не занимался ничем антисоветским.

Моя душа тянулась к святым, и я каждый вечер ходил на собрания христианской молодежи. Мне очень нравилось пение, и я с наслаждением вслушивался в слова гимнов, которые пела молодежь.

С первых дней новой жизни мне хотелось проповедовать о Господе и страдать за Того, Кто не пожалел Себя ради моего спасения. Когда я высказал своё желание вслух, одна из сестёр постарше сказала:

— Бог может исполнить твоё желание, и ты будешь страдать, но смотри, не кричи тогда: «Господи, довольно!» Ведь страдать — это очень трудно.

Я запомнил эти слова и в течение всей жизни, особенно когда приходилось страдать, вспоминал их, наблюдая за собой, чтобы не было ропота или недовольства. Бог давал мне силы и терпения всё переносить с упованием на Него.

В свободное время я переписывал христианские песни, читал Библию и учил наизусть полюбившиеся отрывки. У меня возникало много вопросов, но задавать их молодёжи я стеснялся. Ко мне часто приходила двенадцатилетняя девочка, дочь хозяйки, у которой жил военный почтальон. Я угощал её сладостями и задавал ей вопросы. Она отвечала как могла, и её ответы радовали меня и успокаивали.

Однажды сёстры пригласили меня на богослужение. Молитвенного дома у них не было, собирались по квартирам. Я пришёл в форме офицера и заметил, что старшие братья смутились, увидев меня. Я же во время собрания каялся со слезами и благодарил Бога за спасение.

В конце богослужения, когда старец ходил с тарелкой, собирая пожертвования, я положил сто рублей. После собрания

руководящие братья подошли ко мне и, предложив мне забрать деньги, сказали, что здесь столько не жертвуют, это очень много. Я пояснил им, что пропивал гораздо больше и для Господа мне ничего не жалко.

Позже я узнал, что сёстрам сделали выговор за то, что привели меня на собрание, не спросив старших братьев. Они считали, что я пришёл в церковь по заданию властей. Однако у меня на самом деле было искреннее желание познать Бога, и позже эти братья убедились в моей чистосердечности.

Испытывая блаженство от полученного спасения, я безмерно радовался той великой перемене, что произошла во мне. Зло исчезло из моего сердца. Я рассказывал людям о Боге и удивлялся их чёрствости и неверию. Действительно, весь мир лежит во зле и люди больше любят зло, чем добро.

Арест

*Молился я Тебе всем сердцем...
Размышлял о путях моих и обращал
стопы мои к откровениям Твоим.
Спешил и не медлил соблюдать запо-
веди Твои.*

Пс. 118, 58–60

В конце августа 1944 года нашу часть перевели на Второй Белорусский фронт. Мне очень не хотелось уезжать от друзей. Я не знал, что ждёт меня впереди, а здесь, в общении, так хорошо! Молодёжь устроила мне прощальный вечер. Друзья обещали молиться за меня и утешали тем, что верующих можно найти везде. Я услышал много добрых напутствий, и в моём сердце крепло желание оставаться верным Богу в любых обстоятельствах.

По дороге я всё время читал Библию, говорил о Боге солдатам и врачам из санбата. Мы остановились под Минском. Там я нашёл одну верующую старушку, и она сказала мне, что в

городе есть большая община баптистов. Она дала мне адрес молитвенного дома и книгу о Духе Святом. Книгу я прочитал с удовольствием. Через неё Бог ответил мне на многие вопросы.

В первое же воскресенье я нашёл молитвенный дом и присутствовал на богослужении. Народу было много, и я радовался и благодарил Бога за спасение и за общение с верующими. Во второе воскресенье я заявил о своём желании принять крещение.

После богослужения старшие братья пригласили меня на беседу. Я рассказал о своём обращении. Выслушав меня, они решительно объявили, что преподавать крещение мне не могут, посоветовав по окончании войны обратиться в общину по месту жительства. Я был неприятно удивлён, но они постарались успокоить меня тем, что военным крещение не преподают.

Посещать богослужения регулярно я не мог, но Библию читал постоянно, многие места Писания учил наизусть. Через некоторое время меня встревожил военный вопрос. Я задумался, можно ли христианину носить при себе оружие и в случае необходимости убивать людей? Иисус Христос ведь определённо сказал: «Не убивай и не клянись». Я, правда, присягу не принимал, но оружие всегда было при мне. Этот вопрос стал сильно беспокоить меня, и я не знал, как правильно поступить.

Верующие не говорили мне ничего определённого по волнующему меня вопросу, и я обратился к старшим братьям. Но и их ответом я остался неудовлетворён. Тогда я стал молиться Богу, чтобы Он открыл мне, как поступить. И Бог пришёл мне на помощь. Два брата пригласили меня в молитвенный дом, угостили чаем и сказали, что я должен искать ответ на свой вопрос у Бога, а не у людей.

— С постом молись Богу, и Дух Святой научит тебя, как поступить,— с любовью сказал один брат. — Это трудный вопрос, потому что за отказ от оружия сажают в тюрьму и даже расстреливают. Пусть Бог поможет тебе правильно поступить.

Я назначил трёхдневный пост и молился Богу. Мне хотелось поступить так, как угодно Ему. Желание отказаться от оружия утвердилось во мне, и я решил объявить об этом

командованию. Если меня оставят фельдшером — буду служить, но оружие больше не возьму.

Это было в начале ноября. В землянке, где я принимал больных, мы с некоторыми солдатами, обращёнными к Богу, вечерами читали Библию, молились, пели. Я сказал им, что решил отказаться от оружия. Некоторые сильно удивились и даже испугались.

В это время в нашей части началась подготовка к маршу на праздник Октября. Я официально предупредил командира роты и начальника сборов, что от оружия отказываюсь и на занятия не пойду. Это их очень удивило. Начальник сборов, расспросив о причине отказа, заявил, что должен доложить об этом вышестоящим. Я не был против этого.

Вечером меня вызвали в штаб, чтобы убедиться, действительно ли я отказываюсь от оружия.

— Да, я на самом деле не могу убивать людей, потому что Библия запрещает это,— подтвердил я.

В штабе поднялся шум. Возмущениям и угрозам, казалось, не будет конца. Командиры наперебой требовали взять слово назад и служить как все. Но я смело заявил, что их требования и угрозы бесполезны, потому что я твёрдо решил жить по Евангелию. Тогда меня отпустили, пригрозив, что на этом дело не кончится.

Я ждал ареста, но за мной никто не приходил. В воскресенье я пошёл в город и сказал братьям, что отказался от оружия. Они ужаснулись. Молодёжи я тоже сказал о своём решении и о готовности страдать за Господа. Мы вместе помолились, попели, и я ушёл.

11 ноября в землянку, где была расположена санчасть, пришли командир роты и заместитель начальника контрразведки и объявили мне, что я арестован.

Сделали обыск. Библии у меня уже не было — в ожидании ареста я отдал её новообращённым солдатам. А блокнот с песнями, письма и фото забрали. Потом меня отвели в землянку, служившую своего рода тюрьмой.

На другой день заместитель начальника контрразведки вызвал меня в частный дом на допрос. Он интересовался, где

и с кем я встречался из верующих, с кем беседовал. Когда я в разговоре упомянул двух братьев, которые посоветовали решать вопрос оружия самостоятельно, перед Богом, он потребовал назвать их фамилии. Я не мог этого сделать, и тогда он в порыве злости начал бить меня по щекам.

— Здесь тебе не молельня, а контрразведка! — яростно кричал он.

Хозяйка дома, услышав, что меня бьют, начала плакать. Заместителю, видно, стало неловко, и он, порвав бумагу, на которой записывал мои ответы, вывел меня в сени и, ударив ногой в спину, велел солдатам отвести меня в землянку.

Я молился и благодарил Бога, за то что удостоился претерпеть поношение за веру в Иисуса Христа.

На другой день меня повели в пустую хату. Там сидел заместитель начальника контрразведки. Я подумал, что здесь уже ему никто не помешает издеваться надо мной, и сразу сказал:

— Если будете меня бить, я вам ни слова не скажу, хоть убейте. Вам не положено это делать.

Но в этот раз он меня не трогал. Более двух часов он спокойно задавал мне всякие вопросы, склоняя отбросить предрассудки и жить как все.

Поздно вечером пришёл начальник контрразведки. Мы были знакомы с ним, я одно время лечил его. Он с сочувствием сказал мне:

— Мы много говорили о твоём ужасном поступке. Тебя будет судить военный трибунал. В лучшем случае дадут десять лет, а возможно, и расстреляют. Ты думал об этом?

— Да, думал,— сказал я спокойно. — Но преступать заповеди Христа не могу. Иисус умер за меня, чтобы избавить от власти греха. Он очистил мою душу, освободил от зла, как же я огорчу Его своим непослушанием? Я люблю Его и ради близкого общения с Ним готов страдать.

— Ты верь, как хочешь, только никому об этом не говори,— вкрадчиво сказал начальник. — Ты же фельдшер, может, тебе и не придётся никого убивать. Просто носи оружие, и всё.

— Нет, лицемерить не буду,— сказал я твёрдо.

— Тогда завтра вечером мы отведём тебя в корпусную

контрразведку, и военный трибунал разберётся с тобой.

Я всё время молился, просил у Бога силы и мудрости, чтобы вынести все испытания, которые выпадут на мою долю. На душе у меня было радостно, хотя для тела условия были очень тяжёлые.

На следующий день, вечером, меня привезли в корпусную контрразведку.

— Последний раз предупреждаем тебя,— строго сказал начальник. — Бери оружие и возвращайся в часть! Мы будем иметь в виду, что тебе убивать нельзя.

Я снова отказался, пояснив, что согласен оказывать помощь больным и раненым, только без оружия.

— Тогда мы тебя расстреляем.

На этом разговор закончился. Меня отвели в землянку, где сидел лейтенант, совершивший убийство. Там было сыро и холодно, кормили плохо. Несколько дней мы сидели вместе, много беседовали.

В землянку приносили дрова два человека — они тоже отказались от оружия, но из-за пожилого возраста их определили на хозяйственные работы. Мы немного поговорили с ними, они пожалели меня, и на том мы расстались.

20 ноября мне велели собираться на суд. На душе у меня было спокойно и даже радостно, празднично. Я хотел петь, но удерживал себя, думая, что меня могут посчитать умалишённым. В сердце моём звучал гимн:

Да, я спасён! Спасён я от блужданий
Пытливого и гордого ума,
Спасён от сердца тягостных страданий
Под ношею житейского ярма!
Спасён от страха смерти, осуждения
За грех давно лелеемых страстей.
Спасён от бездны вечного забвения
Во тьме, среди томящихся теней!

Да, я спасён! Спасён я не делами,
Не мудростью людскою, не умом,

Не жертвою тельцов и не дарами,
Не тленным золотом, не серебром,—
Спасён я безграничною любовью
И силою живительной Христа,
Спасён невинною и чистой Кровью,
Пролитою с Голгофского креста.

Да, я спасён! Пусть лев вблизи рыкает,
Пусть шепчет смертный приговор закон,
Пусть тьма неверья пыткой угрожает —
Я не страшусь! Я знаю: я спасён!
И больше чем спасён: насыщен хлебом,
Напоен я живительной водой,
Обогащён дарами, принят небом
И просветлён негаснущей зарёй.

Да, я спасён! Не гордости то слово,
То песня славы Спасшему меня,
То гимн о вечном счастье жизни новой,
Петь этот гимн не перестану я.
Да, я спасён, поставлен на твердыне,
Скрыт под крыльями любви святой,
И не прервётся песнь моя отныне:
Хвала, хвала Тебе, Спаситель мой!

Суд

*Блаженны изгнанные за правду, ибо
их есть Царство Небесное.*

Матф. 5, 10

Заседание военного трибунала проходило в старом мрачном клубе. Председателем суда был майор, секретарём — старший лейтенант, свидетелями — старший лейтенант, два старших сержанта и три солдата. Один из сержантов,

пожилой мужчина, работавший писарем при штабе, до войны был православным священником. Все эти свидетели читали со мной Библию и уверовали.

Председатель зачитал обвинительное заключение. Меня, старшего лейтенанта медслужбы, обвиняли по ст. 193-13 и 58-10 ч. II УК РСФСР в том, что под предлогом религиозных убеждений я отказался от оружия и призывал других к вере в Бога.

Первый вопрос председатель задал врачу, считает ли он подсудимого умственно здоровым. Врач ответил, что в последнее время за мной замечались ненормальные поступки и рассуждения. Я попросил привести пример. Но врач молчал. Повидимому, он хотел, чтобы суд отложили и меня отправили к психиатру на экспертизу.

Когда я ещё раз спросил, что в моём поведении можно считать ненормальным, председатель уточнил:

— Значит, вы в здравом уме и вас можно судить?

— Да, можете судить, — сказал я.

Тогда он спросил у сержанта, бывшего священника:

— Что вы скажете о поведении Антонова?

Тот испуганно встал и начал говорить ложь, даже произносил глупые слова.

Председатель попросил меня ответить на его обвинения.

— Он говорит неправду, — спокойно сказал я. — Вы же видите, что он боится и из страха говорит что попало.

Когда я был уже в лагере, этот священник прислал мне два письма со следами слёз раскаяния. Он просил у меня прощение за то, что на суде говорил явную ложь. Я ответил, что давно всё простил, а ему нужно просить прощения у Бога. Дальше в письме я пояснил, что военный вопрос решился у меня по воле Божьей, и Господь дал мне силы всё принять без страха и ропота.

Сослуживцы сообщили мне, что этого человека ещё до суда вызывали в штаб и угрожали отправить в штрафную роту за то, что беседовал со мной. Он отрёкся от всего и остался при штабе писарем. Как несчастен человек без живой веры! Я молился Богу, чтобы Он оказал милость этому жалкому

грешнику и помог ему раскаяться в своих грехах.

Остальные свидетели правдиво ответили на вопросы и подтвердили, что действительно уверовали в Бога благодаря моему свидетельству. Все они заверили, что я никого не призывал оставлять оружие. Тогда председатель взял у свидетелей расписку в том, что они не будут рассказывать о моём деле и суде, и их отпустили.

После получасового совещания председатель зачитал мне приговор: десять лет содержания в исправительно-трудовых лагерях и три года поражения прав. Религиозные записи должны были уничтожить, а личные вещи вернуть мне.

Когда мы остались с секретарём вдвоём, он сказал, что в Харькове жил на квартире в семье верующих и едва не уверовал в Бога.

— Очень жаль, что вы отвергли спасение,— сказал я.

Но он несколько отрешённо заметил:

— Какая польза от твоей веры? Ты сейчас получил десять лет, и со мной было бы то же самое.

Я возразил, подчеркнув, что во Христе получил жизнь с избытком и надежду на вечность, поэтому меня не страшат лагеря. Потом я попросил вернуть мой блокнот с песнями, но он ответил отказом и отдал только личные вещи.

Во время суда и после я ощущал покой и радость, понимая, что удостоился бесчестия за имя Господа Иисуса. Вспоминались мне слова Христа: «Блаженны изгнанные за правду» (Матф. 5, 10). Блаженство заключается в том, что в после земных страданий страдальцев ждёт Небесное Царство. В это трудное время я испытал на себе исполнение слова, сказанного Господом: «...возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто не отнимет у вас» (Иоан. 16, 22).

В землянке я молился, благодарил Бога и пел. Особенно дороги мне были гимны: «О Боже, Боже, дай мне силы за ближних душу полагать», «Вышел я на новую дорогу», «Ты знаешь путь, хоть я его не знаю».

22 ноября меня под конвоем повели в минскую тюрьму. Среди моих личных вещей были швейцарские карманные часы, и конвоиры предложили продать их за килограмм хлеба.

Мне показалось это оскорбительным, и я отказался. По пути в тюрьму я просил Бога послать мне навстречу кого-нибудь из верующих, кому можно было бы подарить часы.

Мы шли пешком двенадцать километров. Уже в Минске я встретил пожилого брата, который, увидев меня, спросил, что случилось. Я сказал ему, что меня осудили на десять лет и ведут в тюрьму. Подняв руку вверх, он с состраданием пожелал мне уповать на Бога и пообещал, что они будут молиться за меня.

Я был так увлечён встречей, что совсем забыл о своих часах. Сожалея, что не отдал их брату, я снова стал молиться, чтобы Бог послал мне кого-нибудь навстречу. Уже возле самой тюрьмы я увидел ещё одного брата. Старшина разрешил мне передать ему некоторые вещи. Я с радостью отдал брату часы и фотографии и попросил отнести всё это сестре, которая была в церкви руководителем молодёжи. Она много содействовала моему духовному росту. Перед самым арестом она заметила уныние на моём лице и спросила:

— Ты почему такой печальный? Боишься страданий?

Не успел я ответить, как она предложила друзьям спеть гимн «Будем радоваться, братья». В моём сердце от уныния не осталось и следа.

Передав часы и фотографии, я сердечно поблагодарил Бога за услышанную молитву и за Его великую любовь ко мне.

Тюрьма

...Милость Божия всегда со мною.

Пс. 51, 3

Закружили меня в небольшую камеру, где уже было человек пятнадцать, все политические. Заключённые сидели и спали на цементном полу. Было так тесно, что даже вытянуть ноги никто не мог. Тут же стоял бачок с водой и параша. Воздух был тяжёлый.

Зайдя в камеру, я помолился и сразу услышал вопрос:
— За что тебя, вояку, осудили?

Я коротко рассказал о суде, и начались беседы о Боге. Мне было радостно, что есть возможность свидетельствовать о Господе.

Вечером привезли в бочке ужин. Когда открыли кормушку и подали пару мисок с супом, дышать в камере стало ещё труднее. Суп состоял из мороженого картофеля — грязного и неочищенного, и издавал отвратительный запах. Есть его никто не смог, и мужчины стали доставать то, что у них сохранилось ещё из дому.

После меня в камеру завели солдата, арестованного за какое-то бытовое преступление. У него, как и у меня, никаких съестных припасов не было. Он попросил что-нибудь поесть у тех, кто имел продукты, но получил только несколько сухарей. Видя их нежелание делиться с голодными, я решил ничего не просить. Три дня я не ел, а потом начал пробовать тюремную пищу, приучать себя к ней.

Шинель мне обреза́ли до пояса, чтобы я не убежал из тюрьмы под видом военного.

По милости Божьей я по-прежнему был спокоен, радостен, бодр, с удовольствием свидетельствовал о Господе и хорошо спал, на удивление многим. Бог утешал меня и укреплял мою веру, и я был сердечно благодарен Ему за это.

Дней через восемь нас перевели в большую камеру и стали готовить на этап. Я получил хорошую передачу от верующих и поделился продуктами с нуждающимися.

В тот же вечер нас привезли на железнодорожный вокзал и погрузили в столыпинский вагон, словно зверей. Ещё в тюрьме выдали на два дня хлеб и рыбу, а в вагоне утром и вечером давали по кружке воды. В туалет водили тоже два раза в день — утром и вечером.

В Орше нас выгрузили и привезли в пересыльную тюрьму. Около двухсот пятидесяти человек поместили в большую камеру, на окнах которой стояли только решётки, стёкол не было. Стоял декабрь, а в камере гулял ветер, задувая снег. Спали полусидя, упираясь друг другу в спину.

Когда мы зашли в камеру, старший приказал нам занять отдельный угол, расспросил, кто за что осуждён, а потом заявил, что они будут знакомиться с нашими мешками. Несколько человек по его команде забрали у нас все продукты и хорошие вещи. Кто пробовал сопротивляться, тех безжалостно били.

Питание в этой тюрьме было немного лучше, чем в Минске. Один раз в сутки давали суп из свекольных и капустных листьев или же неопределённого цвета жидкость — ржаную муку, заваренную горячей водой. Мисок и ложек здесь не было, пищу подавали в ржавых консервных банках. Но их тоже не хватало. Один заключённый поест, бросит банку — другой возьмёт, и так далее. Утром и вечером приносили в бочке воду. Хлеб выдавали один раз в три дня.

Свидетельствовать о Боге никто не запрещал, и я был рад рассказывать людям о любви Божьей, о спасении в Иисусе Христе.

Через две недели более ста человек, в том числе и меня, перевели в этапную камеру. Там было душно и тесно, воздух был насыщен махорочным дымом. Ко всем неудобствам добавлялась скверная ругань.

После тщательного обыска стало известно, что нас отправят на Крайний Север.

Этап на север

А я на Тебя, Господи, уповаю; я говорю: Ты — мой Бог.

Пс. 30, 15

Накануне Рождества 1944 года, в десять вечера, нас вывели из камеры во двор пересыльной тюрьмы, посадили на корточки и около часа не разрешали вставать. Кроме вооружённых конвоиров нас охраняли овчарки. Мороз был градусов двадцать, и мы очень замёрзли. Некоторые заключённые стали требовать отправки.

Будто исполняя это требование, нас повели к железной дороге и погрузили в грязные, обледенелые товарные вагоны. Легче и теплее не стало. В вагоне стояла железная печка, но дров и угля нам не дали. Нар не было. Пришлось до утра стоять, даже присесть никто не мог.

Но воры — народ изобретательный. К утру они принялись создавать в вагоне тепло. Спичек не было — перед этапом их забрали. Отломав доску от туалета, заключённые накололи из неё щепок, добыли огонь через выкатывание ваты и затопили печку. У кого были резиновые сапоги или галоши — всё пошло на обогрев нашего жилья. Когда снег и лёд растаял, конвоиры дали метлу, и мы вымели весь мусор. В вагоне стало уютнее — можно было сесть и даже лечь.

Три недели везли нас на север, в Коми АССР. Каждое утро выдавали по норме хлеб, солёную рыбу и сахар, а вместо воды в вагон бросали несколько лопат снега.

Заключённые по-разному переносили этап. Многие сильно унывали, даже отчаивались. Воры рассказывали друг другу свои приключения, а меня почти каждый вечер приглашали к печке, чтобы рассказал о Боге.

В вагоне гулял ветер. Я был в летнем обмундировании, в короткой (обрезанной) шинели, но, на удивление, холода не ощущал и ничем не заболел. Не один раз вспоминал я библейских героев, которые были брошены в печь за то, что не поклонились истукану. Как над ними по Божьему повелению огонь потерял силу, так и надо мной холод не имел никакой власти.

Мучительными были постоянные проверки. Раз, а то и два раза в сутки конвоиры с большими деревянными молотками заходили в вагон и, считая, перегоняли нас с одного конца вагона в другой, ударяя при этом каждого молотком. Больно били пожилых, которые не могли быстро перебегать.

10 января 1945 года нас выгрузили на станции Котлас и повели в баню. Одного заключённого вытащили из вагона мёртвым. В бане, посмотрев в зеркало, я не узнал себя — грязный, закопчённый, небритый, кишачий вшами, я мало был похож на человека. Большое облегчение наступило после

бани, когда нас постригли и прожарили одежду.

После бани снова погрузили в тот же вагон и через сутки высадили на станции Урдома. До колонии мы ещё шли пешком километра три. Измученные этапом, мы были рады тёплому бараку и нарам. Несмотря на голод, мы отказались от еды и почти сутки беспробудно спали.

Знакомство с зонами

*Со Христом — и в тюрьме свобода,
Без Христа — и на воле тюрьма.*

В. Ф. Марцинковский

После адского этапа колония вначале показалась раем. Можно было дышать свежим воздухом, есть в столовой, раз в неделю мыться в бане, писать и получать письма. Во время карантина нам выдали лагерное обмундирование: бушлат, шапку, чуни, чулки, рукавицы. Все эти вещи были уже не новые, ношенные.

На медкомиссии начальник санчасти, узнав, что я был военфельдшером, задал мне несколько вопросов по медицине и пообещал перевести в другую колонию медработником. А пока меня поставили заведующим баней.

Через некоторое время, как и обещал начальник санчасти, меня по наряду отправили вагонзаком в другую колонию.

Перед этапом конвоир посоветовал мне отдать конвою вагона деньги, вещи и продукты, потому что придётся ехать со штрафниками и они всё заберут. Кроме двадцати пяти рублей у меня были ботинки, хорошие варежки из передачи, хлеб и рыба, полученные в колонии. Хлеб и рыбу я отдал конвою, а деньги и варежки оставил при себе.

В вагоне было уже двадцать восемь заключённых из штрафной колонии. Заключённые поинтересовались, кто я и куда еду, а потом попросили у меня хлеба и рыбы, пообещав на следующий день накормить кашей. Я взял у конвоя свои

продукты и отдал им. Пощупав карманы, я обнаружил, что варёжек у меня уже нет.

Мне дали место на нарах возле печки. На другой день мои попутчики сварили кашу и съели её сами, не предложив мне ни одной ложки. Мне было очень неприятно, но я помолился, и огорчение быстро прошло.

Через сутки нас привезли на станцию Светик. Мужчин выгрузили, а меня с женщинами повезли дальше, на юг. Продуктов у меня не было, и я уже целые сутки ничего не ел, а женщины — двое суток. Вспомнив о деньгах, я подошёл к железной решётке, отделявшей нас от конвоиров, и попросил продать на двадцать пять рублей каких-нибудь продуктов. Они очень удивились, что у меня сохранились деньги, и дали мне два стакана ячневой крупы и голову от солёной рыбы. Ни котелка, ни кружки, ни ложки у меня не было, и две женщины дали мне всё это, чтобы я сварил кашу. Я решил угостить их своим обедом, но старшая по вагону что-то крикнула им на воровском языке, и они обе скрылись под нары. Тогда я попросил её разрешить им поест со мной, и она разрешила.

Узнав, что меня везут в женскую колонию лекарским помощником, женщины начали задавать вопросы по медицине. Отвечая, я старался сказать им больше о Боге.

Итак, ещё через одни сутки мы прибыли на станцию Виледь, где была женская колония № 2. Вместо бараков тут стояли большие землянки — тёмные, грязные, неудобные. Бани и столовая располагались за жилой зоной, воду привозили в бочке. Мне выдали матрац с опилками, подушку, набитую травой, и байковое одеяло.

Работать мне предстояло в санчасти фельдшером. Санчастью назывался угол землянки, отгороженный досками. Остальную площадь землянки занимал стационар.

Заведующий медпунктом — Иван Дмитриевич из Ярославской области — принял меня радушно. Накормив меня, он поделился опытом лагерной жизни, а вечером показал, как проходит приём больных.

Лекарств почти никаких не было. На полках лежали только

бинты, градусники и кое-какой инструмент. Санитарка сварила две трёхлитровые банки каких-то корней, и этот отвар заменял все лекарства.

Иван Дмитриевич начал приём больных на целый час позже. В ответ на жалобы женщин он кричал, ругался и выгонял всех, кто приходил с насморком и кашлем, приговаривая, что они находятся не на курорте, а в лагере для заключённых. Правда, одной женщине, страдавшей от приступов кашля, он почему-то налил стакан отвара. Из тех двух банок санитарка наливала лекарство от всех болезней. Многие женщины, увидев такой приём, ушли.

Одна старая лагерница по кличке Кнопка попросила градусник. Я дал ей, и через пять минут она вернула его — ртутный столбик поднялся выше 41°! Я показал градусник Ивану Дмитриевичу, а он взял женщину за воротник бушлата и с руганью вытолкнул её за дверь. Кнопка не скупилась на угрозы. Я испуганно смотрел на эту сцену и думал, как буду здесь жить и работать.

Во время ужина Иван Дмитриевич советовал мне перенять у него опыт работы и относиться к пациентам, как он.

Спали мы прямо в санчасти, на топчанах. Рано утром Иван Дмитриевич спросил меня, не обувал ли я его хромовые сапоги. Ночью они пропали. По-видимому, их украли Кнопка или её подруги, вытащив крючком через перегородку.

Беседуя с женщинами о Боге, я встретил среди них верующую, у которой было Евангелие. Я очень обрадовался. Мы стали вместе читать Слово Божье, молиться. К нам присоединились и другие заключённые, желающие слушать о Боге.

Недолго пришлось мне работать в этой колонии. Месяца через три пришёл наряд, и меня перевели в лесную колонию № 15, на станции Светик.

Заведующий медпунктом Николай Николаевич встретил меня настороженно, подозревая в предательстве и в намерении выжить его. Однако после беседы его подозрения рассеялись, и мы быстро сработались.

Николай Николаевич хорошо относился к больным, и мне

было приятно работать с ним. Я старался помогать людям, как добрый самарянин, старался каждому сказать о мире с Богом и находил в этом радость и утешение.

Здесь было лучше, чем в колонии № 2. В санчасти и в стационаре были медикаменты и инструменты, что по лагерным меркам — весьма хорошо. Колонию составляли в основном «бытовики» — заключённые, совершившие бытовые преступления. Женщины и мужчины работали на лесоповале вместе.

Весть о том, что я верующий и молюсь Богу, быстро облетела лагерь. Начальник колонии по фамилии Ворокута был ярким богопротивником и сразу запретил мне беседовать с людьми на религиозные темы. Я, конечно, не слушал его и охотно исполнял волю Божию.

Через короткое время несколько мужчин и женщин обратились к Богу. Начальник колонии был разъярён и, вызывая меня, угрожал карцером и новым сроком.

Весной 1945 года меня вызвали на вахту для получения посылки от сестёр из Минска. Письма и посылки тогда можно было получать без ограничения. Как только надзиратель вскрыл ящик, я увидел Библию и сильно обрадовался. Он взял книгу в руки, открыл первую страницу и прочитал вслух отпечатанную на пишущей машинке песню:

На Севере, в тундре, в далёкой глуши,
Где так неприглядна природа,
Спеши, благовестник, ты к бедной душе
Забытого всеми народа.

Иди, о иди, иди, брат, скорей,
Будь вестником Иисуса!
Евангельский долг исполняй ты живей,
Будь вестником Иисуса!

— Его же отправили сюда на исправление! — сердито сказал начальник колонии. — Не давать ему Библию!

Сёстры написали мне, что Библия сейчас — разрешённая

книга и мне должны дать её. Надзиратель наедине сказал мне, что спросит у оперуполномоченного, и если тот разрешит, то он отдаст Библию. Я рассказал об этом своим друзьям, и мы решили молиться и поститься, чтобы Бог повелел начальству отдать мне Библию.

Через две недели приехал оперуполномоченный. Надзиратель исполнил своё обещание и, получив разрешение, принёс мне Библию. Сколько у нас было радости! Мы благодарили Бога за то, что Он слышит нас и отвечает на наши просьбы. Мы действительно радовались Слову Божьему, как получившие великую прибыль (Пс. 118, 162).

Недолго длилась наша радость. Через несколько дней начальник колонии забрал у меня Библию, потому что я давал её читать другим, а это в лагере запрещено. Мы снова начали усиленно молиться о том, чтобы у нас была возможность иметь Библию и читать её.

Оперуполномоченный, приехав на зону в следующий раз, вызвал меня и долго расспрашивал, как я работаю, как живу. Узнав, что по работе у меня нет замечаний, он рассказал, что встречал на Дальнем Востоке православных, которые категорично отказывались от работы, заявляя во всеуслышание: «На сатану работать не будем!» Их сажали за это в карцер, раздевали на морозе, лишали пищи, но они оставались непреклонными.

Я сказал оперуполномоченному, что в Библии написано: «Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь» (2 Фес. 3, 10). Он очень удивился, попросил показать это место и задумчиво произнёс:

— А я думал, что это наш лозунг...

Он отдал мне Библию, и мы с друзьями не переставали благодарить Господа и радоваться. Теперь мы уже поступали осторожно — книгу давали читать только тем, кто искренне искал Бога.

Этапом из Белоруссии привезли брата Кулика, осуждённого за отказ от оружия и присяги. Он был очень слаб, от недоедания у него сильно опухли ноги. Мы приняли его и по-братски помогли ему.

Однажды я дежурил на кухне, и ко мне подошёл брат Кулик и попросил что-нибудь поесть. Я сказал, что ничего не могу ему дать, потому что это не моё, а в обед могу от-дать свою пайку хлеба. Брат смутился, извинился и ушёл. А я потерял мир: как нужно было поступить в этом случае?

В обед я заметил, что повар раздал лишние порции своим людям и весело напевал, надеясь получить от них что-нибудь в награду. Мне же показалось кражей накормить голодного брата!

Я отошёл в уголок, слёзно помолился Богу и попросил Его, чтобы Он открыл мне Свою волю. Господь услышал мою молитву. Мне вспомнились слова Иисуса Христа: «Приобретайте себе друзей богатством неправедным, чтобы они, когда обнищаете, приняли вас в вечные обители» (Лук. 16, 9).

В обед, когда брат пришёл ко мне в секцию, я дал ему хлеб и со слезами попросил прощение за то, что не накормил его в столовой. Брат тоже прослезился и вместе со мной поблагодарил Бога за то, что Он внимателен к нашим просьбам. После молитвы брат с любовью сказал, что я похож на малое дитя, которое ещё многому не научено. В дальнейшем я всегда раздавал нуждающимся лишние порции и от этого получал много радости.

Однажды вечером, во время прогулки, меня остановил главарь преступников Иван Кудрявцев. Без всяких предисловий он заявил:

— Слушай, Ваня! Ты хороший человек, но в лагере таким нельзя быть. Здесь же не люди, а звери. Они только и смотрят, где бы тебя взять на крючок. Ты должен защищать себя! С волками нужно по-волчьи поступать.

Выслушав его совет, я посмотрел на него с глубоким сожалением:

— Ты уже шестнадцать лет сидишь, и в будущем тебе не светит счастье. К чему же твоя самозащита? А со мной — Бог, Он защищает меня, утешает и помогает жить в трудностях.

В этот момент мне вспомнились живительные слова: «Господь — свет мой и спасение моё: кого мне бояться? Господь —

крепость жизни моей: кого мне страшиться?» (Пс. 26, 1).

На этой зоне мне пришлось столкнуться с одним интересным фактом. Одна девушка незадолго до своего освобождения искренне покаялась и обрела радость спасения. Звали её Ниной. Она с наслаждением читала Библию, задавала много вопросов. О свободе она говорила с переживанием: найдёт ли там верующих? Когда её срок закончился, она, на удивление многим, двое суток пряталась в зоне — не хотела выходить на свободу, потому что на её родине нет верующих. Мне пришлось много разговаривать с ней, пока она согласилась поехать домой. Через месяц Нина прислала скорбное письмо, в котором сообщала, что верующих не нашла, кроме православных монашек. Как правильно сказал когда-то В. Ф. Марцинковский: «Со Христом — и в тюрьме свобода, без Христа — и на воле тюрьма»!

Я получал много писем и посылок от родных и друзей по вере, особенно из Минска и Кировограда. Это было ярким свидетельством христианской любви. Через письма Бог много утешал меня, вселял в сердце немеркнущую радость.

Культорг не один раз вызывал меня и спрашивал, зачем я пишу в письмах о Боге. Я говорил ему, что нашёл в Боге счастье и смысл жизни и просто не могу не прославлять Его и не говорить о Нём.

Начальника колонии сильно раздражало моё радостное настроение и безбоязненное свидетельство, и он старался не давать мне ни минуты свободного времени. Кроме работы в медпункте, мне приходилось ходить под конвоем в лес и собирать травы, ягоды и грибы для столовой, а также выполнять другие задания. Но Бог всегда утешал меня и давал мне радость. Чувствуя своё бессилие повлиять на меня, начальник добился разрешения отправить меня ещё дальше на север. Мне же не хотелось уезжать из этой колонии, потому что здесь было много приближённых, ищущих Бога. Они тоже не хотели расставаться со мной.

В это время я получил письмо от одного пресвитера, старца, который утешал меня тем, что Бог знает наши скорби и никогда не оставит нас одних.

Прощаясь с друзьями, я прочитал им песню, которую выучил ещё в Минске:

Ты знаешь путь, хоть я его не знаю,
Сознание это мне даёт покой.
К чему тревожиться мне и страшиться,
И день и ночь всегда томясь душой?..

Скитание по лагерям

*У Тебя исчислены мои скитания;
положи слёзы мои в сосуд у Тебя,—
не в книге ли они Твоей?*

Пс. 55, 9

9 мая 1945 года была большая амнистия, но осуждённые по 58 статье под неё не попадали. Правда, праздник коснулся всех: заключённым выдали по банке тушёнки. А потом лагерная жизнь потекла своим чередом.

Мне предстоял путь в шестьсот километров на север. На вахте проверили вещи, а Библия моя была у начальника колонии. Я помолился и попросил вернуть мне книгу. На удивление, он отдал, сказав при этом:

— Поедешь в тундру, к белым медведям, там тебе никакой Бог не поможет!

Я с трепетом взял Библию — своё бесценное сокровище — и спокойно ответил:

— Я верю, что Бог меня не оставит. Он обещал это.

Пожелав начальству всего доброго, я отправился на этап с пением: «О Боже, Боже, дай мне силы... врагам обиды все прощать».

Через сутки нас привезли в лазарет колонии № 11. Как только пробило двенадцать часов ночи, голодные этапники, прибывшие со мной, разбудили счетовода и потребовали выписать продукты. Страшно ругаясь, он всё же пошёл

исполнять требование заключённых, и все отправились в каптёрку за пайком.

Я получал продукты последним и наблюдал за старичком, режущим хлеб. Отрезая кусок, он каждый раз повторял: «И будут есть хлеб весом в печали». Подойдя к нему, я добавил: «И воду будут пить мерою...»

Со слезами радости мы поприветствовались, немного побеседовали, помолились. Старичок дал мне хлеба без весу, на что я возразил, не будет ли это воровством. Он сказал, что начальник колонии, назначая его на это место, разрешил есть самому и кормить своих друзей.

— Нет, брат, это не воровство, а исполнение заповеди Христовой,— радостно закончил старичок.

Три дня я мог общаться с этим пожилым христианином. Он разъяснял мне многие места Писания, учил меня, как уповать на живого Бога. Я был очень благодарен Господу за эту встречу.

Подкреплённого духовно и телесно, меня повезли в вагонзаке дальше на север. В вагоне были врачи, фельдшеры и простые люди. Мужчины и женщины ехали вместе. Несколько суток мы были в пути и много беседовали о Боге, о жизни, о спасении. Условия в пути были трудные, но душа моя ликовала, оттого что была возможность рассказывать людям о Господе. Одна католичка — Нина Дрозд — слушала особенно внимательно.

При распределении я попал в самую северную колонию № 8 на станции Ираэль Ижемского отделения Севжелдорлага. Колония была маленькая, около трёхсот человек. Заключённые занимались в основном строительством. Климат там был суровый. Зимой морозы достигали -50° , кругом — леса и болота. Летом и осенью шли обильные дожди, комары буквально заедали, а мошка залазила даже под одежду и кусала до крови.

Меня назначили в санчасть фельдшером, а через несколько дней привезли врача. До нашего приезда лекарским помощником работал человек, не имеющий медицинского образования. Пришлось приложить много труда, чтобы привести амбулаторию в должный порядок. К тому же ещё нужно было пристроить стационар.

Скоро все узнали, что я верующий, и, естественно, появились интересующиеся, соглядатаи и противники. Начальник колонии — пожилой офицер — неплохо относился к заключённым и ко мне тоже был благосклонен, тогда как нарядчик просто не мог меня терпеть. С желающими слышать о Боге мы собирались почти каждый день — то в бане, то в дезкамере, то в санчасти, а летом — прямо возле барака. В колонии было несколько женщин в хозобслуге, и одна из них уверовала. Обладая музыкальным слухом и хорошим голосом, она руководила пением на наших собраниях. Мы радовались и в простоте славили Бога.

Работать в санчасти мне было трудно. Заключённые часто вредили себе, чтобы избежать работы, а медработник должен определить, на самом ли деле человек болен и какова причина его болезни. Вдобавок ко всему врача, с которым я работал, отправили в другую колонию и заведующим медпунктом поставили художника — человека, очень далёкого от медицины. Он освобождал людей от работы по градуснику, тогда как у ослабевших повышенной температуры не бывает.

Помучившись некоторое время, я помолился Богу и решил уйти из медпункта на общие работы. Когда я сказал об этом начальству, меня не поняли и посчитали ненормальным. Пришлось подробно объяснять начальнику колонии причину своей просьбы, и он временно поставил меня заведующим баней.

Как-то днём пришёл ко мне сильно взволнованный мужчина средних лет. Мы познакомились. Его звали Михаил Архангородский. Рассказав о себе, он ждал моего совета, нервно барабанил пальцами по столу.

Срок его заключения давно истёк, но его не освобождали в связи с приказом И. В. Сталина не освобождать во время войны таких преступников. Больше года уже прошло, как закончилась война, а Михаил томился в неизвестности. К тому же больная мать прислала ему из Кировограда письмо, что умрёт, если он не приедет в ближайшее время. Михаил решил ночью убить охранников и попытаться уехать домой.

Я предложил ему помолиться, но он отказался. Тогда я сам помолился вслух, попросил у Бога милости для Михаила

и мудрости правильно поступить в этих обстоятельствах.

После молитвы я попросил Михаила не делать нового преступления — не убивать людей. Я убеждал его, что нужно ещё немного потерпеть, и Бог пошлёт ему Свою помощь.

Михаил долго сидел возле меня, читал присланные мне письма, время от времени задавал вопросы. В письме от Лины Корольковой было два гимна: «Люби, люби людей» и «О Любовь! Как могу о Тебе всё сказать?». Песни понравились Михаилу, и я много свидетельствовал ему о Божьей любви, проявленной к человечеству.

В конце беседы Михаил глубоко вздохнул и сказал, что ему стало легче — отлегло от сердца и ушли злые мысли.

Через три месяца Михаила освободили без права выезда на юг. Он съездил к матери, привёз её на север, устроился на работу, получил квартиру. Через год он передал мне благодарственное письмо и продуктовую передачу за добрый своевременный совет и за молитвы.

По моей просьбе меня перевели в бригаду строителей. Я возил тачки с песком, копал траншеи. Днём очень уставал, а ночью клопы не давали отдыхать. Проработав в бригаде строителей полгода, я сильно ослаб физически. Но духом я был бодр — молился, беседовал с людьми, читал Библию, черпая силу из этого неиссякаемого источника. Бог помогал мне переносить все трудности безропотно и ободрять других. Утром и вечером я пел свои любимые гимны, и вера окрыляла меня. Письма от братьев и сестёр тоже ободряли меня, молитвы друзей укрепляли в вере.

В конце 1947 года пришёл ко мне в барак десятник Виктор Кремьянский, осуждённый по политической статье. Он предложил мне поехать с его бригадой в Чикшино на стройку дневальным и заодно лечить там людей. Я попросил один час для молитвы, чтобы узнать волю Божью.

После молитвы я согласился поехать на новое место, и уже на следующий день мы прибыли в Чикшино. Старые холодные бараки, тайга. Возле зоны протекала река и проходила железная дорога Воркута — Москва.

Здесь мне было намного легче. Рабочие уходили утром

на стройку, а я колол дрова, топил печи, помогал повару, лечил больных и всем рассказывал о Божьей любви и возможности получить вечную жизнь.

Кто-то сказал мне, что недалеко от нашей зоны живут верующие. Отпросившись у конвоя, я отправился вечером на поиски. Зашёл в один дом. На моё приветствие «Мир вам!» услышал знакомое «С миром принимаем!». Увидев хозяйку, я обрадовался и подумал, что нашёл сестру. Но когда она в молитве стала лепетать непонятные слова и хватать руками воздух, я почувствовал, что это чуждо моему духу, и больше не ходил к этим верующим.

Несмотря на искреннее желание исполнять волю Божью и страдать за имя Господа, мою душу нередко посещали искушения. В Чикшино мне пришлось пережить два трудных момента.

Один раз меня охватило сильное уныние, оттого что здесь люди не каялись, хотя некоторые охотно слушали весть о спасении. Приходили мысли, что я нарушил волю Божью и приехал сюда в угоду своей плоти, чтобы было легче. Мне было так трудно, что я с постом обратился к Богу, умоляя Его ясно указать мне, правильно ли я поступил.

Читая Евангелие, я однажды задумался над словами Христа: «Пойдите вы одни в пустынное место и отдохните немного» (Марк. 6, 31). Рассуждая об этом повелении Господа, я постепенно успокоился, поняв, что Бог Сам распоряжается нашим временем — Он знает, когда нам нужно отдохнуть, а когда и трудиться до усталости. Значит, мысль о том, что я нарушил волю Божью, была не от Духа Святого, и я ободрился, поблагодарил Господа за Его удивительное слово.

Второе искушение Господь тоже помог победить. В большой мороз мне нужно было наготовить дров. Ломать нежилой барак было трудно, помощников у меня не было, и я просто выбивался из сил. В это время мимо прошёл поезд Воркута — Москва. Глядя на мелькающие вагоны, я с горечью подумал: «Люди в тепле едут домой, к родным, а я мучаюсь тут в голоде и холоде. Где же Бог? Почему Он не избавляет меня от этих мучений?»

Эта мысль назойливо сверлила сознание. Уныние вновь охватило сердце, захотелось тихой, спокойной жизни на воле. Не в силах победить искушение, я встал на колени и с воплем обратился к Господу. После молитвы я твёрдо сказал:

— Отойди от меня, сатана! Я служу великому Богу, и Он никогда не оставит меня.

Прошло около пяти месяцев, как я прибыл в Чикшино. Однажды мне приснился интересный сон, и я подумал, что меня, наверное, вернут в колонию № 8, где есть люди, жаждущие истины. Действительно, после работы пришёл ко мне десятник и сообщил, что начальник колонии № 8 приказал срочно отправить меня к нему пассажирским поездом, так как в колонии нужен медработник.

Итак, я вернулся в колонию № 8, где меня поставили заведующим медпунктом. Я был безмерно рад и искренне благодарил Бога за возможность самостоятельно работать с больными, помогать им, а главное — свидетельствовать всем о Христе. В колонии было много жаждущих душ.

Бог заботился и о том, чтобы я не был одинок среди неверующих. С этапа прибыл солдат, отказавшийся от присяги и оружия, а чуть позже привезли одного методиста, эстонца. Мы часто проводили время в общении, а по воскресеньям наше собрание было похоже на настоящее богослужение.

Солдат, прибывший этапом, от тяжёлых условий сильно ослаб и физически, и духовно. Он не мог терпеливо переносить всевозможные придирки со стороны заключённых и часто спорил с ними, раздражался. У меня появилась мысль не считать его братом по вере. Но прежде чем на такое решиться, я с постом обратился к Господу, чтобы Он указал мне, правильно ли я думаю. В этот же день Бог ответил на мою просьбу следующим образом.

По каким-то причинам я оказался в столовой. За дощатой перегородкой разговаривали заключённые, греясь у железной печки. Сидел с ними и тот солдат. Неожиданно кто-то спросил у него:

— Почему Бог не выводит тебя из этого проклятого места? Мы хоть за преступления страдаем, а ты же верующий!

Солдат ответил просто:

— Я не могу объяснить, почему Бог допускает такие трудности, но я верю, что Христос простил мои грехи и моя жизнь в Его власти.

Услышав это свидетельство, я изменил своё мнение о брате и решил оказывать ему больше любви и сострадания. Со временем он духовно окреп, от раздражительности не осталось и следа. Я благодарил Бога за то, что Он остановил меня и я не отвернулся от ослабевшего брата.

Однажды ко мне подошёл только что прибывший заключённый. Звали его Андреем. Узнав, что я верующий, он разрыдался, а потом спросил, может ли Бог простить верующего, впавшего в грех? Я попросил рассказать, что его тревожит. Немного успокоившись, он стал рассказывать.

На войне он попал в плен и работал на заводе, куда время от времени приходил проповедник. Андрей и ещё несколько человек покаяться и приняли крещение. После окончания войны они, выслушав последнее наставление — оставаться верными, вернулись в Россию. Жена Андрея к тому времени умерла. На встречу собрались родственники, предложили выпить. Он отказался и стал рассказывать о Боге и о спасении. Но на следующий день после настойчивых уговоров он выпил сначала одну рюмку, потом другую. Пьяным его женили. Придя в себя через три дня, Андрей возопил: «Боже! Выведи меня из этого ада каким угодно путём!» На следующий день его арестовали и дали двадцать пять лет как изменнику родины.

Выслушав этот рассказ, я прочитал Андрею об отречении и покаянии Петра, о разбойнике на кресте. Слово Божье коснулось измученной души, Андрей искренне раскаялся перед Богом и вновь получил радость спасения.

Немало трудностей было с уголовниками. Один из них часто приходил в санчасть, требуя освободить его от работы. Он обычно подолгу задерживался в санчасти, и я не один раз с раздражением прогонял его. После этого совесть обличала меня, что я таким поведением огорчаю Духа Святого, и я назначил пост и просил у Бога победы над раздражением.

И Бог услышал. Он дал мне силы спокойно отвечать на все требования уголовного. Однажды он даже кинулся на меня с ножом, но Господь и здесь дал мудрости не согрешить и сохранил меня.

Как-то раз начальник колонии послал меня с проверкой на подкомандировку, на станцию Лемью. Там среди физически ослабевших я встретил Волошенко Матвея Семёновича, которого осудили как бывшего военнопленного. Он наедине сказал мне, что у него тётя верующая и сам он тоже хочет получить спасение. По моему ходатайству его перевели в нашу колонию. Здесь он выздоровел, поправился; но самое главное — покался и получил спасение. Освободившись в 1953 году, он женился на Елизавете Корольковой, сестре моей будущей жены.

По субботам в нашей бане мылись вольнонаёмные и охрана. В это время мы в прачечной проводили собрания. Однажды зашёл к нам бухгалтер с женой, бывшей заключённой. Услышав, что мы говорим о Боге, он начал кричать, ругать нас, обвиняя в контрреволюционной деятельности. Как ни старалась жена успокоить его, он всё же пошёл к начальнику колонии и привёл его на наше собрание. Мы как раз пели гимн: «Вышел я на новую дорогу».

Когда в дверях появился начальник, мы прекратили пение и встали. Совсем беззлобно он спросил, что мы тут делаем.

— Читаем Библию, молимся, поём Божественные песни,— ответил я.

Начальник улыбнулся, махнул рукой и ушёл. Однако злые люди не успокаивались и писали на нас жалобы и клевету, требуя запретить собрания. В конце концов начальство, подобно Пилату, исполнило их требования.

В колонию № 8 прислали нового фельдшера, а меня срочно отправили в ЦОЛП* № 1, на станцию Ижма. Это было весной 1948 года.

В это время мы с Неонилой Корольковой (Линой) через письма договорились вступить в брак после моего освобождения. Я написал ей, что до конца моего срока ещё шесть лет, и если за это время она встретит человека, с которым захочет

* ЦОЛП — центральный отдельный лагерный пункт.

создать семью, то я не буду иметь претензий. Я понимал, что это слишком большая жертва — так долго ждать. Однако Лина написала, что будет ждать столько, сколько назначил Бог. Прошло более семи лет, когда, наконец, Бог сочетал нас в Кировоградской церкви.

При ЦОЛПе была больница. Там я встретил брата-латыша, умирающего от сердечной недостаточности. Весь отёкший, он спокойно готовился к переходу в вечность. Ему должна была прийти из Латвии посылка от родных, и он, чувствуя, что не доживёт, написал расписку, чтобы посылку получил я. После его ухода в вечность посылка действительно пришла, но мне её не отдали, сказав, что отправили назад, в Латвию.

В колонии многие знали меня, слышали обо мне как о верующем и при встрече старались хоть чем-то помочь. Однажды я узнал, что в больнице находятся две женщины, ожидая пересылки в сельхоз Шежам. Одна из них была Нина Дрозд. Я попросил дневального пропустить меня к ним, и Бог расположил его сердце исполнить мою просьбу.

Встреча с Ниной была радостной. Мы рассказали друг другу немного о своей жизни, поговорили о Господе. Нина сказала, что после моего отъезда постоянно читала Евангелие, и её подруга Наташа Сидоренко, бывшая учительница, стала интересоваться Богом, искать истину. Нина смущённо призналась мне, что плохо объясняла ей Евангелие, и очень просила, чтобы я как-то связался с Наташей и сам рассказал ей о спасении. Потом мы помолились, я попросил Бога, чтобы Он благословил нас в наших скитаниях, помог нам сохранить веру и не вернуться на греховные пути. После молитвы я попросил адрес Наташи, желая написать ей письмо.

Писать письма из лагеря в лагерь не разрешалось, свидания тоже были категорически запрещены. Я помолился и написал коротенькое письмо, но как отослать его — не знал, хотя женская колония находилась совсем недалеко. Неожиданно ко мне подошёл бухгалтер, бесконвойный заключённый, и спросил:

— Завтра я иду в женскую колонию, ты что-нибудь хочешь передать?

Я был безмерно рад такому быстрому и удивительному ответу на мою просьбу и тут же отдал бухгалтеру записку.

Прочитав фамилию Наташи, он сказал:

— Я знаю эту женщину. Она помогает в бухгалтерии. Хорошая, скромная. Правда, она инвалид, хотя ей ещё нет и тридцати.

Поистине, для Бога не существует невозможного! Слава, слава Ему! Душа моя ликovala, восхищалась близостью Бога и Его вниманием к нам, слабым и ничтожным людям.

Вечером бухгалтер принёс от Наташи ответ. Она была безмерно рада возможности больше узнать о Боге и просила подробно писать ей о том, как можно спастись. Я писал ей о Христе, о Его Голгофской жертве, о покаянии и прощении грехов, о святой жизни и нашем сораспятии с Господом Иисусом.

Летом 1948 года нашу бригаду перевели в строительную колонию, расположенную в трёх километрах от ЦОЛПа. Хотя кормили здесь немного лучше, чем в ЦОЛПе, жить тут было труднее: работа тяжёлая, людей много, бытовые условия плохие.

Однажды после работы подошёл ко мне молодой заключённый Виктор Бельков и сказал, что со мной хочет встретиться вор в законе Миша Волков. Я стал ждать. Минут через десять он пришёл — высокий, крепкого телосложения. Вид у него был угрюмый. Миша рассказал мне о своих весьма трудных обстоятельствах и попросил поговорить с заведующим медпунктом, чтобы тот дал ему направление в лазарет. Я пообещал поговорить, но предупредил, что без согласия оперчасти его никто никуда не отправит.

В конце беседы я предложил Михаилу помолиться, но он отказался. Тогда я сам преклонил колени и стал просить Всемогущего, чтобы Он защитил этого человека от злых людей и переменял обстоятельства. Михаил попросил никому не говорить о нём, кроме лекпома.

На следующий день меня попросили зайти в барак к Михаилу. Увидев меня, он громко сказал:

— Иван Яковлевич, твой Бог на самом деле есть, Он услышал твою молитву! Всех моих врагов сегодня увезли из

колонии! Теперь приходи к нам, рассказывай о Боге, мы хотим слушать!

Две недели я каждый вечер ходил в барак к Михаилу, говорил о смысле жизни, о спасении, о жертве Иисуса Христа. Покаяний не было. Но вопросов задавали много, зёрна истины обильно сеялись в чёрствые сердца обременённых грехом преступников.

От Наташи Сидоренко пришло длинное письмо, облитое слезами. Она писала о своём покаянии, о неопишуемой радости, которая наполняет её сердце. Теперь она искренне желала жить свято и исполнять волю Божию. С письмом она передала двадцать пять рублей и тёплые носки.

Слава, слава Господу! Как удивительно Он спасает нас, дарит свободу и увлекает С собой! Искренне разделяя радость Наташи, я написал ей несколько песен, и на этом наша переписка прервалась.

Наступила дождливая осень. Туманы, утренние заморозки, короткие пасмурные дни угнетали и без того унылый дух заключённых. На развод все шли медленно и угрюмо, работали с такой же неохотой. Я же находил утешение в молитве и чтении Слова Божьего. Ободряли меня и письма от друзей, которых становилось всё больше и больше.

Однажды подошёл ко мне бесконвойный бухгалтер и предложил поехать с ним на новый объект счетоводом. Помолвившись, я согласился, но сразу сказал, что эта работа мне совершенно незнакома. Бухгалтер пообещал научить меня и заверил, что я непременно справлюсь со своими обязанностями.

Перед самым выходом за вахту ко мне подбежал Виктор Бельков и, отозвав в сторону, дал сто рублей. Деньги передал мне в подарок Миша Волков. Я со слезами благодарил Бога за Его удивительную любовь ко мне. Нет, недостойн я всех милостей и благодеяний моего Господа!

Новое место было на сто километров севернее ЦОЛПа. Нас поселили в товарные вагоны, оборудованные двойными нарами, печкой, умывальником. Зимой было холодно, спали не раздеваясь. Но переживших этапы подобные условия не пугали, мы приспособлялись ко всему.

Здесь заключённые строили новую колонию и дома для вольных. Меня определили счетоводом продовольственного стола. С помощью бухгалтера я быстро освоил новую специальность и был благодарен Богу за то, что попал на это место.

Со многими заключёнными я беседовал о Боге и молился, чтобы семя истины попало на добрую почву, выросло и принесло обильный плод.

Быстро прошло короткое северное лето с белыми ночами и множеством комаров и мошек, от которых почти невозможно было найти избавления. К зиме нас перевели в новые бараки — сырые и холодные. Многие начали болеть, и я тоже заболел желтухой. Лечился постом и молитвой, соблюдал диету, никаких лекарств не употреблял. Бог и в этом случае проявил Свою верность и оказал мне величайшую милость — через две недели я выздоровел.

Заведующей медпунктом была девушка, окончившая медучилище. Работать с заключёнными ей было трудно, и она написала заявление, чтобы её перевели в лазарет. Эту просьбу удовлетворили, а мне приказали принять санчасть.

Приходилось лечить и вольных. Однажды меня вызвали на вахту помочь солдату из охраны, который в драке сломал руку. Я наложил шины и написал справку о переломе. Через некоторое время приехал прокурор по надзору, которому я отдал справку. Он долго беседовал со мной о Боге, о моей вере. Впоследствии он делал мне много добра.

Как-то раз я встретился с Иваном Кудрявцевым, который когда-то советовал мне стоять за себя. Он был мрачный и печальный. Вспоминая наш разговор, он с горечью заметил:

— Да, ты был прав, я получил ещё один срок и теперь не знаю, доживу ли до свободы.

Мне было жаль этого человека, находящегося в греховных сетях, и я стал убеждать его обратиться к Богу. Но он молчал. Я молился за него некоторое время, однако не знаю, как сложилась его дальнейшая жизнь.

Поздней осенью, когда наступили морозы и выпал снег, надзиратель сделал у меня в санчасти обыск. Он забрал все книги, письма, блокноты с гимнами и повёл меня на вахту.

У меня в кармане было письмо с фотографией от сестры по вере. Я подумал, что лучше бросить письмо в снег, потому что на вахте меня могут обыскать и отобрать его. Не помолившись, я быстро выбросил письмо. Но за мной следили и, подобрав конверт, передали его оперуполномоченному. А на вахте меня не обыскивали, только коротко допросили и отпустили.

После отбоя меня вызвал оперуполномоченный и около двух часов задавал вопросы. Его интересовало, с кем я общаюсь, о чём разговариваю, от кого получаю письма. Он укорил меня за то, что я выбросил фотографию своей сестры по вере. В конце беседы он прочитал выдержку из письма Лины Корольковой, где она желала мне противостоять сатане твёрдой верой.

— А кто такой сатана? — спросил он.

Я объяснил, что это нечистый дух, который заставляет людей делать зло. Он перебил меня, сказав, что Лина под сатаной подразумевает начальство. Тогда я ответил ему:

— Если вы делаете зло, значит, в вас сатана.

Через несколько дней после этого допроса меня вызвали с вещами и отправили в Ижму, в колонию № 3.

На удивление, на новом месте меня определили лекпомом. Больных было много. На приём приходили вечером, а также утром, перед разводом.

В стационаре тоже лежало много больных. Санитарами были неопытные в лагерной жизни заключённые, поэтому каждый день приходилось слышать ругань из-за того, что у кого-то украли то хлеб, то сахар, то бельё. Я постоянно молился, чтобы Господь хранил меня от плохих мыслей и влияния бранных слов, чтобы мне не терять мира и быть чистым сосудом в Его руках.

Днём под расписку механика колонии меня выпускали за зону лечить его жену. От истощения и многих болезней она не могла передвигаться. Эта мужественная женщина многое перенесла, оставаясь верной своему мужу, осуждённому по политической статье. По окончании срока ему разрешили жить только на Севере, и жена скиталась с ним в этих суровых краях.

Механик колонии напоминал мне библейского Корнилия — был богобоязненным человеком, но придерживался православного вероисповедания. Я никогда не слышал от него ропота или недовольства. Он со слезами рассказывал о верности своей жены и был готов до смерти ухаживать за ней и делать всё, чтобы облегчить её страдания.

Слушая этого человека, я думал о многих и многих жёнах, матерях и невестах, которые годами разделяли скорбную участь своих родных и любимых, являя верность Богу и страдальцам. А сколько братьев и сестёр умерло в тюрьмах и лагерях, так и не дождавшись встречи с дорогими сердцу здесь, на земле?! «Те, которых весь мир не был достоин, скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли» (Евр. 11, 38).

В этой колонии приходилось работать не только до усталости, но и до изнеможения. Многие заключённые калечили себя, чтобы избежать работ. Я смотрел на окружающих меня со скорбью и каждый день непрестанно благодарил Господа за избавление от власти зла. Душа моя воспевала Бога, находя в этом утешение и силу.

Новые страдания

Сила — у них, но я к Тебе прибегаю, ибо Бог — заступник мой.

Пс. 58, 10

Как обычно, без всякого предупреждения меня вызвали на этап. После коротких сборов и тщательного обыска с руганью и угрозами нас привезли в Княжпогост, в лагерный пункт, где находилось управление Севжелдорлага.

Был январь 1950 года, стояли крепкие морозы.

Привезли нас ночью, и я, встретив знакомого нарядчика, узнал, что на меня наряда нет. Значит, я оказался здесь по чьему-то особому распоряжению.

На следующий день меня вызвала врач из лазарета, очень добрая женщина, и спросила:

— Тебя опять за книжечки привезли?

Я видел её впервые, но она уже знала о моей вере в Бога.

— Не знаю,— ответил я. — Мне ничего не говорят.

Врач положила меня в лазарет как больного, хотя я и сопротивлялся вначале. Там пришлось много беседовать, отвечать на вопросы, чему я был очень рад.

Господь предупредил меня во сне, что в лазарете есть предатель, которому нельзя давать Библию. Но он сумел так подойти ко мне, что я дал ему и Библию, и медицинский справочник. Это послужило поводом для очередного допроса и отправки в штрафную колонию.

Ночью меня вызвали в управление. Старший оперуполномоченный потребовал, чтобы я пообещал впредь не говорить о Боге. Я не мог дать ему такое обещание, и он часа три кричал на меня, угрожая новым сроком. Когда он приказал мне идти в барак, я попросил вернуть мне письма, фотографии, медицинскую литературу и Библию. Оперуполномоченный с гневом закричал:

— Ничего ты не получишь, кроме топора и большой пилы в лесу!

Его обещание на следующий же день было исполнено. Грузовой машиной меня привезли в колонию № 3. Здесь зачислили сучкорубом в бригаду, которая валила лес. Снег глубокий — более метра, а мне нужно было обрубать сучки у спиленных деревьев. Это трудная, изнурительная работа.

В конце рабочего дня в мокрой от снега одежде мы около часа стояли посреди леса, пока всех пересчитают. Потом пять километров шли в колонию. Усталость одолевала так, что даже пройти в столовую на ужин было большим трудом. Одежду и обувь сдавали на ночь в сушилку, но она не успевала высыхать.

Прошло около трёх недель. Я сильно ослаб, несмотря на то что получил продуктовую посылку с Украины. Чувствуя, что силы кончаются, я стал молиться, чтобы Господь укрепил меня или изменил условия. Он услышал меня.

В конце одного из рабочих дней нарядчик сказал мне: — После ужина сдавай постель и — на вахту, пойдёшь на этап.

Меня и ещё одного заключённого пешком повели в соседнюю колонию. Шли четырнадцать километров. Там с большими трудностями меня приняли в бригаду, которая колола на реке лёд и грузила его в машины. Эта работа была намного легче, чем на лесоповале, условия жизни тоже были несколько лучше. Я благодарил Бога за эту перемену и облегчение. Ответы на молитвы сильно укрепляли мою веру и упование, мне хотелось петь о моём Господе, в то время как у окружающих бесчеловечные условия вызывали отчаяние и страх.

Через три месяца меня снова этапировали в колонию № 3, но в этот раз не спецнарядом, а вместе с другими заключёнными. По распределению я попал уже не на лесоповал, а в дорожную бригаду по ремонту лежнёвок. Лежнёвка — это дорога из брёвен, проложенная по болотистым местам для проезда машин.

Работа была мне по силам, тем более что наступила весна, снег растаял. Начальник колонии, хотя и был богопротивником, меня не преследовал.

Однажды вечером, когда мы после работы приводили себя в порядок, в бараке послышалась громкая команда:

— Встать!

Обычно это говорило о приходе начальства. В этот раз в секцию пришёл прокурор по надзору. Увидев меня, он спросил, пристально глядя в глаза:

— Где мы с тобой встречались? — И, не дожидаясь ответа, воскликнул: — В Талом, по поводу перелома руки у солдата!

Я удивился его памяти — с тех пор прошло более двух лет. Однако Бог наблюдает за своими искупленными и всё устраивает к их благу. Так и этому человеку не случайно пришлось на память событие двухлетней давности.

— Где ты работаешь? — поинтересовался прокурор и, услышав ответ, сказал начальнику колонии: — Это хороший медработник, определите его в медпункт.

Однако в этой колонии был хороший врач, и начальник не хотел его терять. Тогда прокурор предложил временно перевести меня в хозобслужбу, а потом он даст указание переправить в другую колонию медработником.

Удивлённый таким отношением, я мысленно благодарил Бога за Его неисследимые пути. Когда прокурор покинул барак, я пошёл следом и попросил его посодействовать тому, чтобы оперчасть вернула мне изъятые при обыске письма, фото и литературу.

— Хорошо, тебе всё вернут, кроме Библии,— сказал он. — Её могут отдать только в том случае, если ты пообещаешь никому её не давать. Так положено по лагерным правилам. Но ты такого обещания дать не можешь, поэтому получишь книгу только при освобождении.

Через несколько дней меня отправили в лагерный пункт ждать спецнаряда. Там меня вызвали в спецчасть и предложили поработать нормировщиком в механизированной колонии. Я отказывался, ссылаясь на то, что эта работа мне не знакома. Однако начальник сказал, что грамотного человека можно быстро научить, и прежний нормировщик мне всё объяснит. Я согласился, но попал в трудное положение. Через день, передав мне все документы, нормировщик не вышел на работу. К счастью, мне пришёл на помощь вольнонаёмный бухгалтер, но я всё равно еле-еле справлялся со своими обязанностями.

Как-то раз в воскресенье волейболистам разрешили поехать в соседнюю колонию для игры. Я попросил, чтобы взяли и меня — очень хотел пообщаться с пожилым братом, отбывающим там свой срок. Бог дал нам встречу, и мы целый день наслаждались общением. Брат подарил мне блокнот с выдержками из Библии, которые впоследствии я выучил наизусть.

В продолжение всего срока заключения Господь пробуждал меня раньше подъёма, и я мог в тишине читать Библию или вспоминать места Писания и молиться. А когда просыпались заключённые и поднимался крик, шум, адская ругань, я выходил на улицу и пел гимны, которые знал наизусть.

Как я был рад, что выучил стихи и главы Священного Писания! Они питали мою душу даже в самые трудные дни, когда не было под рукой ни Библии, ни блокнота.

Через некоторое время около пятисот заключённых были собраны в новую колонию для заготовки леса. Меня назначили заведующим медпунктом. По-видимому, это было указание прокурора по надзору.

Вначале было очень трудно — колония необжитая, много больных, а также симулянтов, не желающих работать. Некоторые шли даже на членовредительство, лишь бы освободиться от работы.

Почти в каждой колонии меня вызывал оперуполномоченный и запрещал говорить о Боге. В беседе он всегда угрожал мне дать новый срок. В моём же сердце всегда звучали слова апостолов: «Судите, справедливо ли пред Богом — слушать вас более, нежели Бога?» (Д. Ап. 4, 19).

В беседе с новым оперуполномоченным я попросил вернуть мне Библию, но он сказал то же, что и прокурор по надзору. При этом он заметил, что Библия лежит у него на этажерке и жена с тещей иногда читают её. Мне было радостно слышать, что книга всё же не бездействует.

В конце 1950 года я получил из Кировограда письмо, в котором друзья сообщили, что Неонилу Королькову осудили на двадцать пять лет и отправили на Дальний Восток. Позже пришло письмо от самой Лины. В моём сердце не было ни разочарования, ни безысходности. Я твёрдо верил, что Господь держит наш жребий в Своей любящей руке. Конечно, жалко было Лину, но я молился Богу, чтобы Он дал ей силы всё перенести с глубоким доверием Ему. Письма, которые иногда приходили он неё, свидетельствовали о её бодрости и большой любви к Господу.

Мы уже прожили на новом месте несколько месяцев, немного обжились, как вдруг пришло распоряжение закрыть колонию и перевести людей километров на двести дальше на север.

Время было зимнее — морозы, метели. Нас привезли на станцию ночью и пятнадцать километров вели пешком по

тайге. Местом нашего жительства была теперь старая нежилая колония — бараки не топлены, в санчасти всё заморожено, воды нет, кухня первый день не работала.

Вскоре приехала начальница санчасти и хирург. Осмотрев больных, они отправили некоторых в лазарет и таким образом несколько облегчили мою работу. Больных было много, потому что стояли холода, а работа в лесу тяжёлая.

Однажды вечером меня вызвали на вахту к селектору. Взяв трубку, я услышал мужской голос:

— Приветствую тебя любовью Иисуса Христа!

Я онемел от неожиданности: кто это?

— Не узнаёшь? — добродушно спросил мужчина. — Я Виктор Бельков. Помнишь, в третьей колонии ты проповедовал у нас в секции? Я уверовал и теперь, как и ты, радуюсь спасению.

Я искренне поблагодарил Бога за это чудо. Слава Богу, не напрасны страдания, не пропадает живое семя слова Божьего! Моя душа с новой силой потянулась к Богу живому и истинному, хотелось и дальше нести весть спасения бедным, несчастным грешникам.

Позже Виктор передал мне письмо, в котором подробно рассказал о своём обращении к Богу.

После покаяния он написал родителям, что получил прощение грехов и оставил воровскую жизнь. Мать обрадовалась этим переменам, а отец прислал бранное письмо. Спустя некоторое время отец приехал на свидание и настойчиво убеждал Виктора отказаться от веры в Бога, угрожал, что не будет считать его сыном, если он не изменит своих взглядов.

Выслушав отца, Виктор с печалью напомнил, что в свои двадцать три года уже четвёртый раз осуждён за злые дела. Несмотря на это, отец всегда считал его сыном. Неужели теперь, когда Бог дал блудному сыну чистое, доброе сердце, отец откажется от него?

Виктор остался верным своему Господу, хотя и лишился отца. Мать была рада, что сын стал добрым, порядочным человеком. В конце письма Виктор написал слова Христа:

«И враги человеку — домашние его» (Матф. 10, 36).

Весной нашу колонию расформировали. Я попал в колонию № 1, на станцию Ижма.

В этой колонии я встретил братьев по вере — Артёма Александровича и Владимира из Белоруссии. Они, как и многие другие христиане, были осуждены за проповедь Евангелия — это считалось контрреволюционной агитацией. Нас причисляли к политическим заключённым.

Я был рад и благодарен Богу за возможность сладостного общения с дорогими мне людьми. Почти каждый день мы встречались, вместе молились, читали Евангелие, которое было у Владимира, беседовали на разные жизненные темы, иногда пели. Особенно много я расспрашивал братьев об устройстве церкви, которое оставалось для меня пока ещё тайной. Крещение я не принял и на христианских собраниях был всего несколько раз.

Изредка мне попадались «Братские вестники» — журналы ВСЕХБ, в которых было видно явное смешение Божественного и человеческого. Я много размышлял, почему одни верующие скитаются по тюрьмам, а другие свободно проповедуют Евангелие и даже ездят за границу. Эти и другие вопросы я задавал Артёму Александровичу и Владимиру и был благодарен Богу, что они так мудро разъясняли мне путь Господень и принципы служения Богу.

В беседах с последователями лжеучений я нередко спорил, пытаясь их переубедить. Братья советовали мне не участвовать в таких беседах, напоминая, что по Писанию от еретика после первого и второго вразумления нужно отворачиваться.

В общении с братьями быстро пролетело несколько месяцев. Мне опять приказали собираться на этап в новую строительную колонию. Как никогда, очень не хотелось расставаться с братьями. Они утешали меня, напоминая о всемогущем Господе и о нашей доверии Ему. Благодарю Бога за таких стойких, мужественных героев, которые не только сами стояли в истине, но и своим ближним словом и делом помогали держаться Господа.

Новое место пребывания

И создал там жертвенник Господу, и призвал имя Господа.

Быт. 12, 8

На новом месте, как и везде,— ежедневные изнурительные работы, бесконечная адская ругань, ссоры, драки, игра в карты, вульгарные песни.

Большой радостью для меня были письма и посылки. Я получал их часто, больше всех, и это было ярким свидетельством христианской любви. Некоторые заключённые, несмотря на запреты начальства, читали мои письма, переписывали стихи и песни. Это часто служило поводом к сердечным беседам о спасении.

Много было тайных доносчиков. Я не боялся их, но старался быть с ними осторожным, как и Христос учил: «Остерегайтесь же людей: ибо они будут отдавать вас в судилища...» (Матф. 10, 17). Доносчики почти всегда искажали мои слова, чтобы угодить своим хозяевам.

Через некоторое время меня назначили заведующим медпунктом. Работы там было много, но я мог независимо ни от кого делать людям добро и свидетельствовать о Боге. А ночью можно было в тишине беседовать с моим Господом.

Искушения не обходили меня стороной. Не всегда получалось их побеждать. Как-то привезли в колонию кинофильм «Анна Каренина». Меня соблазнили пойти посмотреть. Фильм дал определённую пищу моему разуму, но душу опустошил. Кроме того, за время моего отсутствия кто-то выставил стёкла в окне медпункта и проник внутрь. Шкафчик, где хранились яды, был открыт, но медикаменты все стояли на месте. Пропали только деньги, которые заключённые собирали на день своего освобождения и хранили у меня.

Сожалея о своём поступке, я с болью в сердце раскаялся перед Богом. После молитвы я вышел на улицу и спросил у часового, кто лазил в окно медпункта. Он, конечно, ничего

не видел. Тогда я пошёл к старшему среди воров и попросил вернуть чужие деньги. Но и он сказал, что ничего не знает.

В результате всяких разбирательств оперчасть распорядилась отправить меня в штрафную колонию, обвинив в собирании денег и подготовке заключённых к побегу. Начальница санчасти, узнав об этом, приложила много стараний, чтобы защитить меня, и после нелёгкой борьбы меня вместо штрафной колонии отправили в колонию № 3 на общие работы.

Через два месяца меня перевели в другую колонию. Там заключённые работали по отсыпке насыпи для второй железно-дорожной колеи. За недостатком медработников меня поставили заведующим медпунктом.

Однажды рано утром я пошёл на кухню снимать пробу с пищи. Рядом с кухней стоял вагон-изолятор. Заключённые через люк в изоляторе стали кричать, чтобы я осмотрел их, потому что их сильно избили. Я пошёл на вахту и попросил открыть мне изолятор. Трое были в тяжёлом состоянии. Их избили надзиратели, за то что они не отдали карты. Оказав необходимую помощь, я составил справку о побоях и ушёл. Пострадавшие заключённые написали жалобу прокурору по надзору.

Примерно через месяц пришли ко мне два надзирателя и настойчиво требовали никому не давать справку, которую я написал в изоляторе. За исполнение их требования они обещали мне много льгот, в противном случае — мне несдобровать.

Когда они ушли, у меня разгорелась борьба: что делать? Я помолился и решил поступить по правде. Буквально через полчаса меня вызвал прокурор и попросил справку. Я отдал, а что было дальше — не знаю. Только на следующее утро, когда я зашёл на вахту, старший надзиратель злобно крикнул другому:

— Открой ему дверь, я видеть его не могу!

Я помолился, зашёл к ним и спросил:

— Почему ты не можешь видеть меня? Я в справке описал только побои, а кто бил — не писал. Теперь понятно, что это сделали вы.

Много зла причиняли мне эти надзиратели в отместку.

В конце концов они написали заявление, требуя отправить меня в штрафную колонию. При встрече со мной начальник колонии попросил рассказать, в чём я провинился перед надзирателями. Я рассказал всё, как было, и он похотатайствовал, чтобы меня никуда не отправляли.

Я продолжал молиться и делать добро всем, в том числе и озлобленным надзирателям. Вскоре один из них заболел — у него появились фурункулы, оттого что пьяным долго пролежал на земле. Я с искренним сочувствием помог ему, посоветовал, как вылечиться, и его отношение ко мне изменилось. Выздоровев, он пригласил меня к себе в кабинет и попросил прощения. Я сказал, что Бог учит меня всем прощать и делать добро, и я стараюсь так поступать, потому и не имею на него зла.

После этого случая и другие надзиратели изменили своё отношение ко мне, и я радовался, что смог победить зло добром по слову Божьему.

Наступило лето 1952 года. Невозможно описать ежедневные искушения и всевозможные нападки на душу, потому что их было очень много. Враг человеческой души на самом деле ходит, как рыкающий лев, желая погубить хотя бы кого-нибудь. Однако силой Божьей возможно побеждать, оставаясь бодрым, довольным, благочестивым.

Питание в лагерях стало намного лучше, появились ларьки, в которых на заработанные деньги можно было покупать продукты.

В этой зоне я подружился с бухгалтером, хорошим баянистом, и попросил его научить меня игре на этом инструменте. Промучившись несколько месяцев, я так и не научился. Уже на свободе один регент мне прямо сказал: «У тебя нет ни слуха, ни голоса, не мучь себя и других. Прославляй Бога тем, что тебе дано,— проповедуй Евангелие». Я принял этот здравый совет и оставил увлечение музыкой и пением.

Осенью, когда закончилась работа, нашу колонию перевезли на новое место. Однако особо нового там ничего не было — тот же режим, та же работа, только одна часть заключённых жила в вагонах, а другая — в бараках.

В марте 1953 года умер И. В. Сталин. Народ ожидал больших перемен. И они действительно начались. Режим в лагерях стал значительно мягче, многих заключённых перестали считать врагами народа, их расконвоировали и даже начали освобождать.

Начальник санчасти, встретив меня, сообщил новость, о которой я уже догадывался. Моё новое лагерное дело было ликвидировано, и теперь я мог рассчитывать на освобождение по окончании десяти лет.

В это время в нашу колонию прибыл с юга этап, и на приём ко мне одним из первых пришёл заключённый с оборванным на плече сухожилием. Я посмотрел и сказал, что это старая травма, и если появится боль, я дам растирание или болеутоляющий порошок.

Он начал одеваться и, улыбнувшись, произнёс:

— Внешний человек тлеет.

— А внутренний со дня на день обновляется,— добавил я, радуясь неожиданной встрече.

Мы познакомились. Это был Михаил Николаевич Коротков. После приёма больных брат снова пришёл ко мне, и мы до отбоя беседовали, молились, утешаясь нашей общей верой.

Михаил Николаевич рассказал, как он по приезду в колонию услышал, что лекпом верит в Бога и не любит, когда ругаются и говорят плохие слова. Он тут же пошёл в медпункт узнать, какой я верующий.

Несколько дней мы наслаждались общением. Михаил Николаевич рассказал, что в лагере, где он отбыл большую часть своего срока, было много братьев, и они поддерживали друг друга в духовной жизни. Почему его отправили на Север, он не знал — до конца срока ему оставалось меньше года. К тому же брата печалило то, что в эту колонию почему-то не прислали его зачётов. Я старался утешить его тем, что Господь всё делает во благо нам, если мы любим Его всем сердцем.

Михаил Николаевич рассказал мне о своём обращении к Богу. Это было довольно интересно. По приглашению соседа он стал ходить на богослужения, ему всё нравилось, но

к покаянию не было побуждения. Как-то раз в воскресенье, после вечернего собрания, Михаил Николаевич лёг спать, но уснуть не мог. Дух Святой начал обличать его в грехах, и он увидел себя погибшим грешником. Соскочив с постели, он, не одеваясь, побежал к соседу. Тот открыл дверь и испуганно вскрикнул:

— Что случилось? Пожар?

— Да, пожар! — услышал он в ответ. — Я ужасный, погибший грешник! Я хочу покаяться!

Тут же, в сенях, Михаил Николаевич упал на колени и с воплем стал просить у Бога прощения, исповедуя свои грехи.

Через некоторое время он принял крещение, начал проповедовать, а потом стал служителем церкви, за что и получил срок.

Михаила Николаевича через несколько дней после нашего знакомства отправили в Ижму. А через короткое время колонию расформировали и меня отправили в Ижму фельдшером в лазарет. Продолжая трудиться, я всегда помнил, что моя задача — лечить людей не только от физических недугов, но и от духовных болезней, помогать им освобождаться от греха.

Бог подарил нам с Михаилом Николаевичем ещё одну встречу. В это время он был сильно опечален тем, что из прежнего лагеря пришли зачёты всем заключённым, кроме него.

Кто может утешить душу и изменить обстоятельства? Конечно, только Бог! Я твёрдо верил в это и предложил Михаилу Николаевичу с постом обратиться к Богу — сильному помочь в любых обстоятельствах.

Молились мы недолго. Как-то раз вечером он прибежал ко мне и с радостью сообщил, что его зачёты пришли и через месяц его отпустят на свободу. В это же время он получил письмо от служителя своей церкви — В. А. Дубровского, который писал, что живёт сейчас в Ухте, в восемнадцати километрах от нашей колонии. Служитель приглашал Михаила Николаевича приехать после освобождения к нему и отдохнуть. Дивны пути Господа!

Один заключённый после нескольких бесед со мной обратился к Богу. Теперь на наших общениях острее ощущалась нужда в Евангелии, а где найти его — мы не знали и стали об этом молиться. Кто-то сказал нам, что у одного старца, православного священника, который вскоре должен был освободиться, есть Новый Завет. Мы попросили его продать нам книгу, но он отказал, заметив, что еретикам ничего не даст. Мы назначили пост. За три дня до освобождения священник оглох и пришёл за помощью в санчасть. Я промыл ему уши, удалил серные пробки, и слух вернулся к нему. Священник был очень благодарен, и я вновь попросил его оставить нам Евангелие. Немного подумав, он пообещал передать, так как книга у него была за зоной. Наша вера не была посрамлена, и мы ещё больше утвердились в том, что Бог слышит нас.

Долго я работал спокойно, время от времени думая о том, что оперуполномоченные давно не вызывали меня. Может, они считали, что не стоит тратить нервы на того, кто не поддаётся перевоспитанию?

Наверное, не зря существует в народе поговорка: «Лёгко на помине». Я думал как раз об оперуполномоченном, когда зашёл дневальный и пригласил меня на беседу в оперчасть.

Старый знакомый встретил меня с улыбкой. Чувствовалось, что перемены коснулись и его.

— На этот раз я хочу сказать вам доброе,— миролюбиво произнёс он. — Мы решили расконвоировать вас и поставить заведующим медпунктом на станции Тобыш. Нарушать режим не будете?

— По своим убеждениям я стараюсь никогда не нарушать режим,— улыбнулся ему и я. — А по-вашим — многое из того, что я делаю, считается нарушением.

— За ваши убеждения преследовать не будем,— серьёзно сказал он. — Настало другое время.

Меня снова отправили в этап, но уже без конвоя. Было удивительно и непривычно. Я мог свободно разговаривать с людьми и ходить, куда хочу, без всяких предупреждений и угроз. Мы по-прежнему жили в товарных вагонах, только хорошо оборудованных, условия были просто прекрасными.

Вдобавок ко всему нам объявили, что при выполнении нормы на сто пятьдесят процентов будет засчитываться три дня вместо одного.

Шёл 1954 год. До конца моего срока оставалось семь месяцев. Пользуясь возможностью свободно передвигаться, я часто ходил в лес, на речку, а то и просто прогуливался по посёлку. Работы в медпункте было мало, потому что каждый заключённый старался набрать больше зачётов, чтобы скорее выйти на свободу.

Наступила Пасха. Утром я беседовал с заключёнными, рассказывал им об истинном значении праздника. А потом пошёл в посёлок. Идя по улице, я молился, чтобы Господь направил меня к желающим послушать о Спасителе.

Когда я проходил мимо одного дома, у меня было побуждение зайти, но что-то остановило: «Зачем? Там пьют, ругаются, тебя никто не будет слушать». Однако через несколько дней мне всё же пришлось зайти в этот дом к больной хозяйке. Женщина с жадной восприняла весть спасения, покаялась и вскоре стала членом церкви. Она рассказала мне, что в день Пасхи просила Бога послать ей человека, который научил бы её верить в Бога и молиться. Я вспомнил, что Дух Святой побуждал меня сделать это, но я заглушил Его голос. Сожалея о своём неповиновении, я просил у Господа прощения и мудрости, чтобы больше так не поступать.

Маленькой группкой (пять — семь человек) мы собирались по домам, изучали Евангелие, молились, пели гимны, придумывая мотивы, и в простоте прославляли нашего Господа.

Мне по-прежнему приходило много писем от родных и друзей. Михаил Николаевич Коротков написал о том, сколько благословений он получил в доме В. А. Дубровского и очень просил, чтобы после освобождения я тоже посетил этого служителя.

Где-то за три месяца до освобождения заключённого уже не стригут, а за месяц — освобождают от работы, чтобы он лучше выглядел. Заключённые перед освобождением обычно много переживают, плохо спят, думая о будущем, потому что у многих разрушены семьи, нет близких. Я же спал хорошо,

будучи вполне уверен, что моя судьба в Божьих руках.

В спецчасти мне объявили, что за время пребывания на бесконвойном положении мне начислено три месяца зачётов и 10 августа меня освободят. Я был безмерно рад и благодарен Богу за это чудо. Он разрушил замыслы врагов, которые вовсе не собирались отпускать меня на свободу и готовили мне второй лагерный срок. По Божьим планам они были вынуждены выпустить меня на три месяца раньше!

Прощальное собрание с приближёнными прошло со слезами. Расставаться не хотелось, хотя все были рады моему освобождению. Я читал им в утешение многие места Писания и убеждал их, чтобы они всем сердцем своим держались Господа и исполняли все Его заповеди. В конце я прочитал дорогие моему сердцу слова апостола Павла: «И ныне предаю вас, братья, Богу и слову благодати Его, могущему назидать вас более и дать вам наследие со всеми освящёнными» (Д. Ап. 20, 32).

Первые месяцы на свободе

Благослови, душа моя, Господа...

Пс. 102, 1

10 августа 1954 года я, как обычно, проснулся рано. Почитал Слово Божье, помолился. Вот и закончился срок моих скитаний, а что будет дальше — знает Господь. Взяв чемоданчик с вещами, я пассажирским поездом поехал в Ижму, в управление. Мне выдали справку об освобождении, а также заработанные за десять лет деньги — около двухсот рублей. Затем я пошёл в отделение милиции, где сдал документы на получение паспорта. Выдать паспорт пообещали на следующий день.

Вспомнив добрую начальницу, которая много раз защищала меня от злых людей, я решил зайти к ней и поблагодарить её.

Она была очень удивлена моему посещению и обрадовалась, что меня освободили. Поблагодарив её за всё доброе,

я подарил ей газовый платок и духи. Подарок она приняла с трудом, смущённая моей искренностью и простотой.

Из беседы с этой женщиной я узнал, почему она делала мне столько доброго. Когда её направили в Ижемское отделение, то начальница из управления позвала её в свой кабинет и попросила по возможности защищать фельдшера, которого несправедливо преследуют за веру. И она добросовестно выполняла эту просьбу.

Я ещё раз засвидетельствовал ей о Боге, и мы сердечно распрощались.

Ночевал я в колонии, в медпункте. Утром мне выдали паспорт, и я мог теперь ехать домой. Снова и снова я благодарил Бога за свободу, за возможность вольно ходить, дышать свежим воздухом, молиться в тиши.

До свидания, лагерь! Ты был для меня огненным испытанием. Здесь я встретил весьма много зла. Прощай, лагерь! Ты был для меня суровой школой, в которой я всё же научился доброму — душа моя в огненных испытаниях льнула к Богу, и это величайшее счастье! Сатана вязал меня верёвками, чтобы погубить, но в твоей печи, о лагерь, эти верёвки сгорали, и великий Бог давал мне свободу духа и отраду в Иисусе Христе!

Я охотно простился с суровым местом своих скитаний и приехал в Ухту, желая исполнить просьбу братьев М. Н. Короткова и В. А. Дубровского.

Целый месяц жил я в гостеприимном доме Дубровских, много читал, молился, постился. Вечера мы проводили в сладостном общении. Подобно Акиле и Прискилле, Владимир со своей женой Антониной точнее объяснили мне путь Господень и рассказали о состоянии церкви.

Узнав, что я ещё не принял водное крещение, друзья предложили мне креститься у них, в Ухте. Я помолился и с радостью согласился. Брат Дубровский рассказал мне, что на крещение в официальных общинах теперь требуется разрешение уполномоченного. Ему после второго срока заключения потому и запретили уезжать с Севера, что он не согласен работать со ВСЕХБ, который находится в тесном сотрудничестве с

атеистами. Я искренне удивился, не понимая, что это за явление.

8 сентября 1954 года, вечером, в холодной северной реке я вступил в завет с Господом. В тот же день я впервые участвовал в преломлении хлеба.

Река, в водах которой Иван Яковлевич заключил завет с Господом

Торжество моей души трудно описать. Она слагала Богу песни хвалы, давала Ему обеты, желая навеки принадлежать своему Спасителю.

В доме Дубровских я хорошо окреп и физически, и духовно. Сразу после крещения решил ехать к родителям, в родное село.

Дорога до Москвы не показалась мне слишком длинной. Вспоминая, как десять лет назад меня везли в холодном товарном вагоне — впроголодь и без элементарных условий, я не мог не благодарить моего Бога за все Его благодеяния и помощь. Слёзы умиления и радости не раз текли по моим щекам от сознания, что я дитя Божье и Он руководит моей жизнью.

К Москве я приближался с переживанием о новых искушениях, теперь уже со стороны родственников.

Мой приезд был неожиданным, так как срок заключения заканчивался в ноябре, а был сентябрь. Брат мой, Миша, вначале растерялся, увидев меня у порога, а потом пришёл в себя и бросился обнимать и целовать меня. Вскоре собрались остальные родственники, накрыли стол. Естественно, предложили выпить за встречу. Я, конечно, отказался и стал объяснять, почему уже больше десяти лет не беру в рот ни капли спиртного.

Много я говорил с родными о спасении, о моём счастье в Боге, но они не хотели принимать благую весть. Их больше занимало другое — они нашли мне богатую невесту и прилагали много стараний, чтобы уговорить меня жениться на ней. Я объяснил им, что у меня есть невеста, и они в конце концов оставили меня в покое.

В детстве и юности я увлекался футболом и теперь, попав в Москву, снова пошёл на стадион посмотреть футбольный матч. Миша обличил меня, заметив однажды:

— Удивляюсь, как ты, будучи верующим, можешь увлекаться футболом? Там же столько ссор, ругани, драк...

Я принял это обличение, попросил прощения у Господа, но бороться с этим искушением пришлось ещё несколько лет. С Божьей помощью победа всё же была одержана. Во время борьбы я хорошо понял, что сатана старается привязать христиан к чему-нибудь земному, чтобы отвлечь их от небесного. И потому кто-то увлекается футболом, кто-то автомобилями, охотой, животными и так далее. Нет, не напрасно старец Иоанн написал нам: «Дети! Храните себя от идолов». Господь должен быть единственным нашим сокровищем, объектом любви и прославления. Только в Нём настоящая радость, утешение и счастье.

* * *

Постаревший, сгорбленный отец долго плакал на моём плече. Он встречал меня на станции. Успокоившись от наплыва чувств, мы направились по озеру на лодке к родной деревне.

Липно встретило меня тишиной. Вот и родной дом, покосившийся на север. Мама выбежала на улицу, сияющая от счастья. Долго мы держали друг друга в объятьях, в одно мгновение вспомнив всё...

В доме поблагодарили Бога за встречу и сели за стол. Я отказался от вина, вызвав недоумение родителей и даже некоторое недовольство.

Беседам, казалось, не будет конца. За годы разлуки накопилось много всяких вопросов и новостей. Но основной заботой родных была моя женитьба. Мама тоже держала на примете хорошую девушку. Но я рассказал им о Лине и о нашем договоре вступить в брак.

Весть о моём возвращении быстро облетела деревню. Стали приходить знакомые и одноклассники, приглашать в гости. У меня была хорошая возможность засвидетельствовать им об Иисусе Христе, раскрыть нужду в покаянии и прощении грехов.

Радостно было познакомиться с семьёй односельчан Фёдора Фёдоровича и Клавдии Ивановны. Они поверили живому Богу и оставили православие. Моя душа тянулась к ним, жаждала общения с ними. Мы каждый вечер читали Слово Божье, пели, молились. Приходили и соседи, желающие узнать что-нибудь о новой вере.

Через два месяца я поехал на свою духовную родину, в Кировоград.

Прежде всего я посетил маленький домик на Клинцовой улице, где жила старенькая Марина Филипповна, мать моей невесты,— вдова, воспитавшая четырёх дочерей. Здесь собрались все родственники Лины. Прочитав в назидание текст из Писания, мы вместе помолились Господу, Который сроднил нас Своей Кровью. Благодарили и за радость встречи, и за горечь скорбей и лишений, просили укрепить в вере и сохранить от зла Лину и всех узников и узниц, страдающих за верность Господу.

От друзей я узнал, что уполномоченный на самом деле стесняет свободу верующих и вмешивается во внутренние дела церкви. Моё сердце воспринимало эти вести с печалью.

По приглашению одного брата я поехал из Кировограда в Мариуполь. Там тоже было много тёплых встреч и искренних бесед. На богослужении, вопреки указаниям уполномоченного, мне разрешили проповедовать.

Встречи со служителями обогащали мои духовные познания, а также проливали свет на состояние церквей. Я узнал о вторжении властей в дела церкви и был сильно удивлён. Я много думал о том, есть ли выход из этого положения и что хочет Бог сказать нам через эти обстоятельства.

На обратном пути из Мариуполя мне пришла мысль посетить Лину. В это время она находилась в знаменитом лагере на станции Потьма. За колючей проволокой этого учреждения многие верующие вкусили тюремного хлеба.

В Потьму я приехал рано утром, разыскал лагерь и сразу же пошёл к начальству просить свидания. Здесь мне пришлось вспомнить ещё незабытое прошлое. Начальник с ядовитой насмешкой сказал, что никакого свидания мне не дадут, и обвинил меня в том, что я приехал подготовить Королькову к побегу. В ответ на моё решение идти в управление лагерей он разразился смехом и категорично заявил, что мне никто не поможет.

До управления я шёл около пяти километров, не переставая молиться всемогущему Богу. Я знал, что сердце царя находится в руках Божьих, что мой Господь управляет всем, поэтому надеялся на успех.

Принял меня майор, начальник режима. Выслушав мою просьбу, он снисходительно улыбнулся и сказал:

— Не верю вам. Неужели вы на самом деле готовы расписаться с ней? Только из-за того, что вы приехали издалека, я сейчас позвоню в лагерь и дам распоряжение пустить вас на общее свидание, если у заключённой нет нарушений.

Нарушений у моей невесты не было, и нам дали общее свидание на два часа.

Как описать словами то, что испытывает любящее сердце при встрече после десятилетней разлуки? Прежде всего мы преклонили колени и в горячих слезах благодарили Бога за всё: и за длительную разлуку, и за страдания, и за встречу.

Потом я прочитал в утешение слова Иисуса Христа: «Кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною. Ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет её, а кто потеряет душу свою ради Меня и Евангелия, тот сбережёт её. Ибо какая польза человеку, если он приобретёт весь мир, а душе своей повредит?» (Марк. 8, 34–36). Как мы счастливы, имея право и возможность ради Евангелия, ради Самого Господа расточить себя на бренной земле и обрести вечную жизнь в обителях Бога!

Мы вспоминали о пережитых трудностях и благословениях, говорили о прекрасном будущем.

Два часа показались короче пяти минут. Мы снова склонились на колени и попросили Господа, чтобы Он продлил нам свидание.

Только мы поднялись с колен, как в комнату зашёл начальник управления и ещё несколько человек.

— Вы на свидании? — спросил полковник.

— Да,— сказал я. — Мы десять лет не виделись, а нам дали всего два часа!

Полковник удивился и тут же распорядился, чтобы начальник лагеря дал нам трое суток личного свидания.

Начальник, который заверял меня, что никакого свидания не получу, недовольно заметил:

— Они не муж и жена. Это его невеста.

Тогда полковник распорядился, чтобы вместо трёх суток дали три дня свидания. Лине велели ночевать в бараке, а мне разрешили спать в комнате для свиданий.

Как только начальство ушло, мы с глубоким трепетом склонились перед всемогущим Богом и, не скрывая слёз, благодарили Его за чудную любовь к нам и милость. Он и только Он повлиял на очерстевшие от зла сердца начальников.

Во время свидания наши души были настолько близки к Богу, что не возникало не только желаний плотских, но и мыслей. Мы, словно на Фаворе, восхищались Господом, рассуждали о служении Ему и о жизни в церкви. Через три дня, пообещав любить друг друга и ждать, мы с печалью расстались, надеясь, что Господь вновь пошлёт нам встречу.

Как утешительно знать, что находишься в руках любящего Отца! Нет обстоятельств сильнее этого сознания! Когда доверяешь Господу, тогда и в подобной разлуке сердце наполняется миром.

В деревне

Научи нас так счислять дни наши, чтобы нам приобрести сердце мудрое.

Пс. 89, 12

Родители попросили меня отремонтировать их дом и подсобные помещения. Всю весну и лето я занимался этой работой. По воскресеньям, а также вечерами среди недели Фёдор Фёдорович, Клавдия Ивановна и я собирались на молитву в их доме. Сельчане в основном сторонились нас, придерживаясь православия.

Иногда мне приходилось посещать больных и помогать им, и тогда я указывал им на живого Бога, сильного исцелить от любой болезни.

В соседнем селе был медпункт, в котором работала молодая фельдшер. Встретив её однажды, я спросил, не огорчается ли она тем, что я оказываю односельчанам медицинскую помощь, когда они обращаются ко мне. Она сказала, что ей от этого даже легче, ведь меньше больных — меньше работы. На самом же деле это было не так.

Месяца через четыре после этого разговора к нам в дом приехали две женщины из районного здравотдела и стали расспрашивать о моей врачебной деятельности. Я рассказал. Тогда они предупредили меня, что по закону за нелегальное лечение могут наказать. Я ответил им, что по тому же закону медработника должны наказать и за неоказание помощи больному, если он умрёт, поэтому я буду делать людям добро несмотря ни на что.

Женщины, выслушав меня, объяснили, что в здравотдел поступила жалоба, будто я лечу людей с целью обогащения. Они посоветовали мне быть осторожным и, распрощавшись, ушли. Понятно, что жаловалась на меня фельдшер из соседнего села.

Я всё же продолжал помогать людям, и Бог хранил меня от врагов.

Позднее сатана побудил кого-то написать на меня заявление, что я занимаюсь нелегальной религиозной деятельностью. Слухи о том, что меня снова посадят, дошли до родителей. Мама со слезами стала просить меня жить благоразумно, чтобы не попасть в тюрьму.

Слёзы матери подействовали на меня, и я стал малодушествовать. Слава Господу, что Он коснулся моего сердца и вывел меня из этого состояния!

Я спал в сарае, на сене. Однажды ночью мне никак не удавалось уснуть.

«В чём дело? — задумался я. — Может, Бог хочет сказать мне что-то важное?»

Я встал, пошёл на кухню и сел читать Библию. Дух Святой указал на слово, так необходимое моему сердцу: «Не малодушествуй пред ними, чтобы Я не поразил тебя в глазах их... Они будут ратовать против тебя, но не превозмогут тебя; ибо Я с тобою, говорит Господь, чтобы избавлять тебя» (Иер. 1, 17–19). Когда-то это слово было сказано пророку Иеремии, а теперь оно коснулось моего сердца. Я покаялся за своё малодушие и попросил у Бога силы безбоязненно возвещать людям весть спасения.

На следующий день я встретил односельчанина Василия, который был в числе тех, кто писал заявление. С лицемерной улыбкой он спросил меня, как живу. Я сказал, что по милости Божьей у меня всё хорошо, а вот у него — плохо, потому что он желает мне зла. Меня Бог и в тюрьме сохранит, а что он получит от Бога за свои дела? Он стал категорически отказываться, утверждая, что не писал никакого заявления, но я не верил ему. А позже он сам признался во лжи и попросил у меня прощения.

В это же время фельдшер из соседней деревни заболела раком печени и через три месяца умерла. Была при смерти и жена Василия. По её просьбе я стал с любовью лечить её и молиться об исцелении. Она выздоровела, а потом покаялась и была очень добра ко мне и нашей семье.

Освобождение Лины

И возвратятся избавленные Господом... они найдут радость и веселье: печаль и вздохи удалятся.

Ис. 51, 11

В мае 1956 года от Лины пришла телеграмма: её освободили, и уже на следующий день она должна быть в Москве. Меня очень обрадовала эта весть, ведь теперь не надо ждать бесконечных двадцать лет! Бог творит чудеса. Я быстро собрался и отправился в Москву.

На вокзале Лину встречало много братьев и сестёр. Какая же у нас красивая, дружная, любвеобильная семья!

Худенькая и бледная, Лина стояла на перроне и растерянно улыбалась от радости и безмерного счастья.

После общения со святыми мы поехали к моему брату. Встретили нас гостеприимно, невеста моя им понравилась, но о Боге они слушать не хотели.

Мой брат и в этот раз обличил меня, пожаловавшись:

— Знаешь, Лина, Ваня хоть и считает себя святым, всё же часто говорит неправду.

Я молчал, а Лина с удивлением спросила:

— А в чём неправда?

— Когда он уходит к верующим, моя жена всегда спрашивает у него, во сколько он придёт, чтобы приготовить ему ужин. Он обещает прийти в десять часов, а сам приходит позже. Это же неправда!

Я выслушал этот справедливый упрёк, покаялся и стал

наблюдать за своими словами, чтобы не согрешать.

Мы договорились с Линой вступить в брак в конце года. А пока я поеду в Липно заканчивать ремонт, а она поедет в Кировоград. Денег на брачный пир ни у меня, ни у Лины не было. Родители наши тоже были бедными. Однако я знал, что Небесный Отец щедр и богат, Он и в этот раз пошлёт нам необходимое.

Когда я вернулся в Липно, одна вдова попросила меня собрать ей деревянный дом, пообещав заплатить две тысячи. Я с радостью согласился, хотя мастера за эту работу взяли бы не менее пяти тысяч. Вдова эта приближалась к Богу, посещала наши собрания.

Через три месяца вдова с детьми уже перешла в новую постройку. По совету недобрых людей она отдала мне только тысячу рублей. Кто-то сказал ей, что письменного договора у нас нет, судиться я не буду, поэтому хватит и тысячи.

Конечно, судиться я не стал и постарался простить ей, вспоминая слова апостола Павла: «Для чего бы вам лучше не оставаться обиженными? для чего бы вам лучше не терпеть лишения?» (1 Кор. 6, 7).

После этого неприятного происшествия не прошла и неделя, как один рыбак пригласил меня вместе с ним ловить неводом рыбу. Я согласился. Эта работа трудная, но Бог обильно благословил наш труд. За два месяца я заработал около пяти тысяч рублей и родителям привёз много рыбы. Нуждающихся я тоже старался не забывать и оказывал им посильную помощь. Так Бог воздал мне за стремление прощать обижающих и не взыскивать с них за обман.

В это время со мной произошёл следующий случай. Я был в Бологом у верующих и вечером собирался уезжать. Сестра, у которой я останавливался, посоветовала мне не возвращаться с вокзала ночью, если не куплю билета, потому что по дороге на меня могут напасть бандиты. Я ответил, что со мной Господь, и Ангелы Его будут охранять меня. Билет я не купил и решил вернуться. На одном из перекрёстков навстречу мне вышло четверо мужчин. Мне стало страшно. Но вдруг я вспомнил, что говорил сестре.

Я воззвал к Богу и так, с молитвой на устах, прошёл мимо них. Они внимательно посмотрели на меня, но не тронули. Я пришёл к сестре всё ещё бледный от переживаний и рассказал, что со мной произошло. Мы вместе возблагодарили Бога за Его охрану.

В начале декабря 1956 года я собрался уезжать в Кировоград. Родители провожали меня со слезами и просили возвращаться на жительство в деревню и не забывать их в старости.

В Кировограде ожидалась трудности с пропиской. Друзья сказали нам, что власти не принимают тех, у кого за плечами судимость. Мы с Линой обратились со своей нуждой к Богу. Он ещё никогда не оставлял нас в наших переживаниях, поэтому мы и в этот раз ждали помощи от Него.

В паспортном столе пожилая секретарь посмотрела мои документы и направила меня к заместителю начальника милиции. Когда я подошёл к нему, он собирался куда-то идти. Я попросил его дать разрешение на прописку, и он, ничего не спрашивая, быстро поставил свою подпись на моём заявлении.

Когда я вернулся, секретарь крайне удивилась и долго рассматривала подпись, будто не верила своим глазам, а потом стала оформлять бланки. Так меня прописали по разрешению самого замначальника милиции.

Наше бракосочетание

Великое сотворил Господь над нами: мы радовались.

Пс. 125, 3

30 декабря 1956 года в молитвенном доме города Кировограда состоялось наше бракосочетание. Молитву над нами совершал старший пресвитер А. В. Медушевский.

Я не мог не благодарить Господа за всё, что получил от

Него, потому что во всём видел Его неизменную отцовскую любовь. Свою молитву я закончил словами 89 псалма: «Рано насыти нас милостью Твоею, и мы будем радоваться и веселиться во все дни наши. Возвесели нас за дни, в которые Ты поражал нас, за лета, в которые мы видели бедствие. Да явится на рабах Твоих дело Твоё и на сынах их слава Твоя; и да будет благоволение Господа Бога нашего на нас, и в деле рук наших споспешествуй нам».

Брачный пир продолжался до глубокой ночи. Сколько было сказано добрых пожеланий, спето прекрасных гимнов, сколько было подарков! Наши старенькие мамы особенно радовались за нас и благодарили Бога, повторяя

30 декабря 1956 года

слова псалмопевца: «Великое сотворил Господь над нами: мы радовались» (Пс. 125, 3). Это слово звучало и в наших сердцах.

Нашим бракосочетанием Бог разрушил злые замыслы атеистов, заверяющих, что мы никогда не только не вступим в брак, но и не увидим друг друга. А мы, наблюдая за

действиями Божиими, ещё больше утверждались в том, что уповающие на Бога не постыдятся. Поистине, Иисусу Христу дана всякая власть на небе и на земле.

Жизнь в церкви

*Я желаю исполнить волю Твою,
Боже мой, и закон Твой у меня в
сердце.*

Пс. 39, 9

Сразу же после Нового года меня вызвали в КГБ. Два человека средних лет встретили меня сурово и стали обвинять в том, что я собрал на брачный пир много гостей и в своей молитве ругал советскую власть. Угрожая тюрьмой, они потребовали списки гостей.

Я сказал, что никаких списков не дам и что они получили ложную информацию. Я повторил слова своей молитвы в момент бракосочетания. Они проверили сказанное по Библии и стали разговаривать мягче, хотя тюрьмой угрожать не переставали.

Обдумывая услышанное в КГБ, я хорошо понимал, что власти незаконно вмешиваются в жизнь церкви и хотят разрушить её изнутри. Мне стало яснее ясного то, что, оставаясь верным Богу, нужно готовиться к тюрьме, как и Христос сказал: «Если Меня гнали, будут гнать и вас; если Моё слово соблюдали, будут соблюдать и ваше» (Иоан. 15, 20).

О встрече в КГБ я рассказал жене и друзьям, и мы возвысили свой голос к Богу и просили, чтобы Он дал нам силы оставаться верными Ему, невзирая на угрозы и обольщения.

Мы с Линой решили держаться истинного пути, чего бы нам это ни стоило. Некоторые братья и сёстры тоже горели таким желанием и были готовы страдать, только бы не нарушать заповеди Господни.

Мне разрешили проповедовать в церкви, и я всегда тщательно готовился к этому служению.

Своего дома у нас не было, и мы поселились в комнатке, которую предоставила нам Полина, сестра Неонилы. Немного позже мы перешли к маме Марине Филипповне и заняли в её доме такую же комнатку.

Устроиться на работу мне было нелегко. В медицинские учреждения дорога была закрыта, потому что у меня не было диплома. Беспрепятственно можно было устроиться лишь грузчиком на кирпичный завод, что я и сделал на удивление многим. Вначале было очень трудно, но потом привык, и Бог давал силы. Пять лет я проработал грузчиком.

Завод работал по скользящему графику, и выходные дни не всегда выпадали на воскресенье. В первое же рабочее воскресенье мы с Линой попросили Господа, чтобы Он помог мне не пропускать богослужений. Пришёл я на работу, а мастер говорит:

— Иван, сегодня можешь быть свободен, я даю тебе выходной.

Слава Богу! Я знал, что это ответ от Господа на нашу молитву!

В следующее воскресенье я сам не вышел на работу. В понедельник мастер спросил о причине прогула, и я сказал ему, что воскресный день хочу посвятить молитве и прославлению Бога. Он подумал и ответил, что не имеет ничего против, но рабочие будут возмущаться.

Действительно, через некоторое время рабочие возмутились тем, что я в воскресенье никогда не работаю. Они пошли с этой жалобой к директору завода. Выслушав мастера и рабочих, директор сказал:

— Пьяницы, какая вам разница, когда пить — в среду или воскресенье? А этот человек Богу молиться хочет, пусть молится, я разрешаю!

Узнав об этом, я сердечно благодарил Бога. Все пять лет у меня воскресенье было выходным днём.

Благодаря хорошей зарплате, мы с Линой смогли построить погреб и пристроить к маминому домику ещё одну ком-

нату, радуясь, что наконец можем принимать у себя гостей.

В дом молитвы мы всегда шли с радостью, с желанием участвовали в богослужении. Среди недели собирались с друзьями по домам — проводили беседы, рассуждали о духовном состоянии церкви.

На членском собрании церковь выдвинула меня кандидатом в пресвитеры, но через день меня вызвали в КГБ и один из работников с возмущением сказал, что в Кировограде они никогда не допустят меня до пресвитерского служения.

По поручению служителей я вёл церковную документацию. Однажды пресвитер вернул мне списки желающих принять крещение с запиской от областного пресвитера: «Переписать, не включая вычеркнутых!» Всех братьев и сестёр, кому ещё не было тридцати лет, вычеркнули из списков!

Узнав, что это сделал уполномоченный, я отказался переписывать, заявив, что он не имеет права вмешиваться в церковные дела. Меня тут же отстранили от ведения церковной документации.

В те годы вышло постановление, согласно которому с верующими можно было вести разъяснительную работу, но не притеснять и не оскорблять их. Однако через время вновь начались репрессии — верующих стали увольнять с работы, штрафовать, судить. Через ВСЕХБ в церковь внедрили антиевангельские документы: «Новое положение» и «Инструктивное письмо».

Согласно этим антиевангельским и антиконституционным инструкциям, запрещалось присутствие детей в собрании, крещение молодёжи, нельзя было проповедовать без разрешения уполномоченного. Каждое воскресенье он приходил в молитвенный дом, садился в хор и наблюдал за ходом богослужения.

Однажды старший пресвитер собрал церковный совет и, прочитав стих: «Господь дал, Господь и взял» (Иов. 1, 21), объявил, что регента Б. М. Басистого уполномоченный снял со служения. На это один старец громко возразил: «Господь дал, а сатана забрал». Позже выяснилось, что уполномоченный не разрешил крестить дочь регента. Однако пресвитер

из села тайно крестил её, а потом пошёл и доложил властям о том, что сделал. За это регента сняли со служения.

Находясь в зависимости от атеистов, церковь духовно нищала, однако искренне любящие Господа собирались на богослужения вне молитвенного дома и, скорбя о состоянии народа Божьего, много плакали перед Богом, молились, постились. Вскоре у нас определилась группа единомышленников, ревнующих о деле Божьем. И Бог не оставил нас в стыде, давая силы совершать служение по Библии.

Летом 1960 года в Кировоград приехал опытный служитель и рукоположил в нашей группе двух братьев. Одним из них по милости Божьей был я. Мне доверили служение пресвитера. Некоторые христиане смущались, оттого что рукоположение совершалось не в церкви, хотя определённо знали, что в церкви этого не позволят. А мы с братом благоговейно приняли жребий служения и готовились ко всякого рода трудностям. Мы знали, что нас ожидают гонения не только от атеистов, но и от плотских верующих.

Молодёжь по всем городам стала группироваться и молиться о чистоте служения. Боящиеся Бога служители крестили желающих без ведома официальной церкви. В нашей группе рождённые свыше тоже имели право на крещение. Мы совершали хлебопреломление, в радости благодарили Бога за возможность идти истинным путём и служить Ему в свободе духа.

Семейные радости и скорби

*Твёрдо уповал я на Господа, и Он
приклонился ко мне и услышал вопль
мой.*

Пс. 39, 2

25 ноября 1957 года у нас родился сын. Мы назвали его Павлом, желая, чтобы он был похож на апостола Павла — любил Господа и беззаветно служил Ему. А 14 января 1958 года после непродолжительной болезни сердца, на семьдесят

шестом году жизни, отошла в вечные обители пережившая много скорбей, трудолюбивая, любвеобильная, строгая ко всякому греху наша мать и бабушка Марина Филипповна Королькова.

Почти каждый год мы ездили в Липно к родителям.

Как-то раз перед самым отпуском Лина со страхом сказала, что в городе многие дети болеют полиомиелитом.

— Как бы наш Павлик не заболел,— тревожилась она.

Переживания Иова, которые он выразил словами: «Ибо ужасное, чего я ужасался, то и постигло меня; и чего я боялся, то и пришло ко мне» коснулись и нас. В деревне Павлик заболел. Вначале он перестал ходить, затем вставать, а потом вообще двигать ножками.

Со своей скорбью мы обращались к Господу, и Он утешал нас, укреплял нашу веру, хотя сынок и не выздоравливал. На обратном пути родственники устроили нам в Москве встречу с опытными врачами. Они внимательно осмотрели Павлика и посоветовали нам обратиться в больницу по месту жительства.

Ещё раз убедившись в бессилии медицины, мы решили не обращаться в больницу. Друзья поддерживали нас в молитвах, и мы ждали помощи от Небесного Врача.

Однако недобрые соседи пожаловались на нас властям. Приехала «скорая помощь» и обманным путём, без нашего согласия, увезла ребёнка в больницу. Целый день Павлик плакал и звал маму, и его никто не мог успокоить. Врачи не соглашались оставить Лину в больнице с Павликом, и мы после многих трудностей и бесед забрали его домой.

Лина начала делать ребёнку тёплые ванны и массаж. Через две недели он стал двигать ножками, затем вставать, ходить и бегать. Врачи, конечно, не поверили, что исцеление совершил Бог путём такого простого лечения. А мы верили и вместе с друзьями искренне радовались и благодарили Господа за то, что Он благоволит к нам и избавляет нас от всякого зла.

В начале июля 1959 года Господь подарил нам дочь Любочку. Она прожила всего две недели. Мы скорбели и плакали, провожая эту малютку в путь всей земли. Единственным

утешением была надежда на встречу с ней в Царстве Небесном, куда в своё время пойдём и мы.

Прощание в надежде на встречу

6 сентября 1960 года у нас родилось сразу две дочери. Это было для нас большим утешением, и мы сердечно благодарили за них Господа.

— Любви мало на земле, и Бог взял Любочку к Себе,— сказала Лина,— а это пусть будут Надя и Вера.

*И*сключение из общины

И потому выйдите из среды их и отделитесь, говорит Господь, и не прикасайтесь к нечистому; и Я прииму вас.
2 Кор. 6, 17

Когда атеисты через ВСЕХБ и старших пресвитеров внедрили в жизнь церкви антиевангельские документы — «Новое положение» и «Инструктивное письмо», искренне любящие

Господа повсеместно начали проводить собрания вне официальной церкви, по домам. Власти и наши старшие служители были встревожены начавшимся разделением, хотя мы проводили общения в дни и часы, когда не было собраний в доме молитвы.

Однажды приехал ко мне молодой брат, руководитель молодёжи, и пригласил на молодёжное общение в Молдавию с просьбой совершить там хлебопреломление. Мы с Линой радостно приняли это приглашение.

Двухдневное общение проходило неподалёку от Кишинёва. Собралось около трёхсот человек, в основном — руководители молодёжи церквей Украины и Молдавии. Завершилось общение воспоминанием страданий нашего Господа, что для всех послужило большим ободрением и укреплением. Братья решили и впредь проводить такие общения, наметили план благовестия, назначили посты и молитвы о пробуждении в общинах.

Подобное общение проходило в эти же дни и в Москве. Молодые христиане были встревожены вопросом, как относиться к служителям, а также к братьям и сёстрам, отступившим от истины и считающим, что «Инструктивное письмо» и «Новое положение» нужно исполнять, повинаясь властям во всём.

На следующее молодёжное общение приехали уже не все, кто был на первом. Старшие пресвитера и местные служители, превратно истолковывая Священное Писание, убедили некоторых, что отделяться от общины — грех, а также напугали тем, что за нелегальные общения власти будут арестовывать и судить.

Однако в народе Божьем были и такие служители, которые безбоязненно исполняли слово Господа Иисуса: «Итак, отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу» (Лук. 20, 25). Для них Слово Божье было превыше всего.

В августе 1961 года служители Инициативной группы распространили среди верующих послание с призывом к очищению и освящению, а также с просьбой ходатайствовать перед правительством о возможности провести съезд для решения

внутрицерковных вопросов. В послании был предложен трёхдневный пост во время ноябрьских праздников.

Однажды на наше маленькое собрание пришёл пресвитер и объявил, что послание Инициативной группы — не от Бога, так как приведёт к разделению. Встревоженные власти усиленно искали, кто привёз послание, кто напечатал и где. Начались вызовы, допросы. Нам часто приходилось бывать на церковных советах, на которые приезжали старшие пресвитера из Киева и Харькова. Они то лестью, то угрозами пытались заставить нас исполнять безбожные постановления.

На одном из членских собраний областной пресвитер И. Я. Калюжный рассказал, что в одну общину привезли пачку посланий от Инициативной группы и служитель, принявший их, скоропостижно умер.

— В вашей общине тоже есть сторонники Инициативной группы,— добавил он. — Остерегайтесь их!

На вопрос членов церкви, почему не разрешают проповедовать И. Я. Антонову и другим, он ответил:

— Антонову запрещает уполномоченный по делам религий, потому что он против «Нового положения».

— А что это такое? — тут же поинтересовался кто-то из братьев.

Вместо ответа на этот вопрос, областной пресвитер спросил меня при всех:

— Вы будете исполнять «Новое положение»?

— Я буду жить и проповедовать по Евангелию,— твёрдо сказал я.

— Тогда проповедовать вам не дадут.

Некоторые христиане были солидарны со мной, а большинство стали сторониться и не приветствовать меня, в том числе и близкие друзья. Это было трудное испытание.

Как-то мы с благовестником нашей группы встретили в городе старшего пресвитера А. В. Медушевского. Он предупредил, что нам не избежать тюрьмы, если нас в церкви отлучат. Благовестник напомнил Медушевскому, что он в своих проповедях всегда призывал идти за Христом, как шли все святые, и не страшиться страданий.

— Так неужели это были только слова, а жить так не надо? — удивлённо закончил брат.

— Нет,— печально вздохнул Медушевский,— надо и жить так, как проповедуем. Я пошёл трудиться старшим пресвитером в надежде помочь верующим в духовном росте. Но когда побыл в Москве и Киеве, то увидел, что всё продано властям... Не знаю, что будет с нашим братством...

— Значит, атеисты вошли в церковь и хозяйничают в ней,— сказал благовестник. — А где же Бог? Или Его уже нет?

— Бог есть,— задумчиво ответил пресвитер и скороговоркой добавил: — Если у вас есть вера в Него, то я желаю вам успеха и благословения...

Через короткое время из Харькова приехал старший пресвитер Д. Д. Шаповалов, в прошлом — узник за благовестие. На членском собрании он заявил, что наша община под угрозой закрытия. Многие встревожились, испуганно заохали, а он, переждав пару минут, сказал, что выход есть: уполномоченный пообещал, что общину не закроют, если церковь отлучит сторонников Инициативной группы.

После этого собрания нас, троих братьев, вызвали на расширенный церковный совет. На нём присутствовали старшие пресвитера по Украине — А. А. Андреев и Н. И. Мельник. Целый вечер звучали самые разные обещания и угрозы. Но мы не согласились с антиевангельскими предложениями, и нам объявили, что завтра нас отлучат от церкви.

На следующий день на членском собрании председатель исполоргана зачитал решение о нашем исключении из церкви (из братьев никто не решился читать его). Когда решение поставили на голосование, встали все, за исключением двоих. Мою молитву после голосования перебили пением.

Сами мы не решались выйти из общины, и Бог допустил, что наши же братья отделили нас от себя. Мы скорбели о состоянии общины и особенно переживали за старших братьев, которые, попав в сети дьявола, исполняли волю атеистов.

После нашего исключения я духовно заболел: появилась обида на верующих, особенно на старших братьев. Слава

Господу, что Он вылечил меня, помог выйти из этого состояния. Я назначил суточный пост и уединился для чтения Библии и молитвы. Дух Святой обличал меня в грехах. Я вспомнил, как во время собрания сидел рядом с пресвитером, который говорил мне, что надо объявить, чтобы не водили на богослужения детей. Я советовал объявить, что так велит уполномоченный. Но пресвитер сказал, что упоминать уполномоченного нельзя, и сделал объявление от имени служителей, будто они запрещают приводить детей. Я промолчал, вместо того чтобы обличить его и сказать правду. Подобных грехов набралось у меня немало. Я исповедал их, осудил, и вместо обиды в моём сердце появилось сострадание к духовно упавшим и желание больше молиться о них.

Вначале наша группа была совсем маленькой. Когда же приняла крещение наша молодёжь, церковь начала расти. Братья Инициативной группы, услышав, что мы собираемся отдельно, прислали А. Ф. Прокофьева, который провёл назидательные беседы и предложил церкви пройти очищение. Мы согласились, и в течение десяти дней служители беседовали с членами церкви и принимали исповедание. После очищения чувствовалось оживление в наших рядах, радость и желание идти за Господом узким путём. Бог облёк нас силой Духа Святого, подготавливая к страданиям.

Служение Богу в условиях преследования

*Мой дом и я служить хотим
Тебе, Христос, лишь одному;
Но дай мне силы самому
Послушным быть рабом Твоим.*

В ноябре 1962 года к нам с Линой приехал служитель Инициативной группы и предложил мне уйти на нелегальное положение и совершать духовный труд в братстве. Мы

с Линой помолились и в смирении, охотно приняли предложение братьев.

— В тюрьму всегда открыты двери,— сказала Лина. — Иди, хоть два-три месяца потрудишься.

Мы знали, что власти планировали мой арест и за мной уже следили работники спецслужб.

Лина осталась дома с тремя маленькими детьми, надеясь только на Господа, Который и помогал ей во всех духовных и материальных нуждах.

А в стране безбожная рать вершила своё дело — собрания верующих разгоняли, многих христиан штрафовали и арестовывали на пятнадцать суток. Многих братьев и сестёр осуждали на длительные сроки заключения.

Работники ВСЕХБ и многие местные служители, чтобы удержать верующих в своих общинах, называли пробуждение в братстве сатанинским огнём, а членов Инициативной группы — раскольниками. Но все, кому была дорога истина Божья, отделялись от официальных церквей и примыкали к гонимому братству.

Служители Инициативной группы, преобразованной позже в Оргкомитет, периодически собирались на совещания, на которых обсуждали различные насущные вопросы церковной жизни. Братья понимали, что без очищения и освящения обрести присутствие Господа невозможно. Бог не будет совершать в церкви чудес, пока народ не освятится. Была издана брошюра, по которой в церквях стали проводить благословенное служение очищения. Были и противники этого труда, особенно в зарегистрированных церквях. А в тех общинах, где народ Божий исповедовался и оставлял грехи, было очевидно Божье благословение. Повсеместно находились жертвенные люди, которые принимали и укрывали преследуемых братьев, рискуя своим благополучием.

Мне братья поручили труд по домостроительству церкви, и я старался совершать его в страхе Божьем, под водительством Духа Святого.

Иисус Христос некогда обещал Своим ученикам: «Всякий, кто оставит дома, или братьев, или сестёр, или отца, или

мать, или жену, или детей, или земли, ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную» (Матф. 19, 29). Эти слова в точности исполнялись в моей жизни, и я трудился с великой радостью, сознавая, что служу великому и всеильному Богу.

Несмотря на то что за домами верующих постоянно наблюдали и соседи, и тайные агенты в штатском, и милиция, и работники КГБ, Бог хранил святых Своих. Как-то раз приехал я в Днепропетровск поздно вечером. На автобусной остановке вместе со мной вышел мужчина и пошёл рядом. Он зашёл в свой двор и стоял у калитки, наблюдая, куда зайду я. Утром в дом, где я ночевал, пришёл участковый милиционер и заявил, что здесь есть посторонние люди. Осматривая все комнаты, он не зашёл лишь в одну, маленькую, где я на тот момент молился. Не защита ли это Божья?

Совершая служение по церквям, мне приходилось встречать очень одарённых братьев, которые отказывались от труда на ниве Божьей только из страха перед страданиями. Некоторые честно говорили о своей робости и всё же, что могли, делали во славу Божью, а другие лицемерили, ссылаясь на то, что должны больше времени уделять воспитанию детей.

Многие братья шли в тюрьмы и ссылки, кто-то платил непосильные штрафы за проведение собраний, кто-то лишался детей и имущества, кто-то умирал мученической смертью, но церковь жила и росла. Собирая себе сокровище на небе, устремляясь туда всем сердцем, христиане радовались, что могут участвовать в Христовых страданиях, и прославляли за это Бога. Конечно, преодолевать все трудности, терпеть лишения и преследования можно было только силой Божьей.

Лине пришлось выслушать много угроз со стороны властей. Они не только приезжали домой, но и вызывали её в свои кабинеты. От плотских верующих из зарегистрированной общины тоже много было и укоров, и клеветы, и всякого поношения. Мы с женой утешались тем, что такие же страдания переносили святые во все века и мы не исключение. А Господь воздавал нам миром и благословениями, во всех обстоятельствах оставаясь любящим и верным.

Время от времени я встречался с Линой и детьми. Иногда она приезжала на встречу в другой город, иногда я сам тайно заезжал домой. Встречи эти, подобно свиданиям в лагере, были для нас большой радостью. Встречаясь, мы всегда благодарили Бога за охрану и за возможность каждому в свою меру нести труд в Церкви Христовой.

Один раз летом мы решили всей семьёй поехать в Липно и хоть неделю побыть вместе. Родители встретили нас радужно, со слезами радости. Но на третий день нашего счастливого общения пришла моя одноклассница, жена парторга, и с искренним состраданием предупредила, что есть распоряжение на мой арест. Об этом ей сказал муж.

Не зная, как поступить в этой ситуации, мы с Линой помолились, и в сердце появилась уверенность, что уезжать не надо. Неделю, как и планировали, мы побыли в Липно и затем с некоторой осторожностью благополучно уехали, благодаря Бога за удивительную защиту.

Совершая служение в конспирации, приходилось и своих малых детей учить определённым правилам осторожности. Однажды я приехал домой на несколько дней. После завтрака я ушёл в спальню и сел читать, а Лина готовила обед. Вдруг забегают ко мне трёхлетние дочери и говорят, что меня зовут какие-то дяди. В голове у меня тут же мелькнула мысль: «Ну вот, родные детки предают меня». Я помолился и доверился Господу. В дом зашли двое мужчин и, представившись работниками райисполкома, поинтересовались, как живёт семья, заглянули на кухню и ушли. Мы возблагодарили Бога за охрану, а девочкам долго внушали, что о папе ничего никому нельзя говорить, иначе его заберут в тюрьму.

Желая избавиться от посещения внешних и укоров верующих, а больше из-за того, чтобы иметь огород, Лина продала флигель, в котором мы жили, и переехала в районный городок Бобринец, где жила её старшая сестра. Однако долго прожить там моя семья не смогла.

В Бобринце была только зарегистрированная община и руководящим был пятидесятник. Жить без общения с церковью

Лина не захотела и вернулась в Кировоград. По средствам она смогла купить только полдома, в котором было всего две комнаты. Пришлось приложить много труда, чтобы привести в порядок жилище и огород, а позже построить летнюю кухню и комнату для моей мамы, которую мы взяли к себе, чтобы ухаживать за ней. Мама умерла на девяносто втором году жизни и похоронена в Кировограде. А отец свои последние годы жил у Михаила в Москве и умер раньше мамы, в восемьдесят пять лет.

Жизнь в церкви и служение в ней немыслимы без личного общения с Богом. Когда у меня была Библия (в тюрьме её часто забирали), я всегда старался читать её, а если такой возможности не было, то повторял что-нибудь из Слова Божьего на память. Я старался каждое утро прочитывать для насыщения своей души пять глав: из Псалтири, из Закона или исторических книг, из пророков, из Евангелия и из посланий.

Знание Слова Божьего крайне необходимо каждому христианину. Посредством знания Дух Святой чаще всего действует в нас — и обличает, и учит, и утешает. Однако знание даётся не просто, его приобретение — это тоже труд, это усердие и старание.

Разъезжая по церквям с целью домостроительства, я встречал немало трудностей, как, впрочем, и мои сотрудники, дорогие братья во Христе. Однажды приехал я по поручению служителей в Оршу. Поздний вечер. Последним автобусом выбрался на окраину города, как было указано в адресе. Нашёл дом, но хозяева уже спали, свет не горел. Постучался. Вышел хозяин — неверующий человек, с христианами не знаком. Я извинился и ушёл.

Ночь. Зима. Автобусы уже не ходили, местность незнакомая. Единственный выход — просить милости у Небесного Отца. Помолился. Неожиданно подъехало такси, из которого вышли люди. Я попросил водителя отвезти меня на вокзал. Был у меня ещё адрес одной старушки, но таксист такой улицы не знал.

Ночевать на вокзале — небезопасно: там милиция всегда

проверяет документы, ищет подозрительных людей. Но Господь по милости Своей сохранил меня, и рано утром я разыскал дом старицы, которая уже собралась уходить к больной сестре. Я очень обрадовался, что Господь привёл меня вовремя. Днём я отдохнул, а вечером надо было совершить рукоположение в церкви. Позже выяснилось, что брат, который давал мне адрес, перепутал улицы.

По поручению братьев поехал я поездом в Луганск. Там тоже предстояло рукоположение. Рано утром, пока ещё пассажиры спали, почитал Слово Божье, помолился. После молитвы почувствовал побуждение выйти в Краснодоне, не доезжая до Луганска. Я помолился ещё раз, мысль не меняется — ясно чувствую, что нужно выйти в Краснодоне. Я снова помолился и вышел.

Сколько радости было в доме служителя при нашей встрече! Оказывается, их церковь избрала братьев на служение, а рукоположить некому. И христиане с постом зывали к Богу, чтобы Он послал к ним брата, имеющего право рукополагать.

Где-то через полчаса после того, как я зашёл в дом, пришёл служитель из зарегистрированной церкви. Хозяин предупредил меня, что идёт предатель и нужно быть очень осторожным. А он, как только зашёл, стал спрашивать, кто я и откуда приехал. Я уклонился от ответа, а хозяин говорит:

— Зачем ты спрашиваешь? Хочешь предать брата? Смотри, если сегодня придёт милиция на собрание, значит, это твоя работа!

Ничего не сказав, незванный гость ушёл. А мы пошли на собрание, попросив у Бога защиты от дьявола и злых людей.

Бог услышал молитвы. И утреннее, и вечернее собрания прошли благословенно. Рукоположили двух братьев на служение благовестника и диакона. Бог радовал церковь Своим присутствием и благословением, умножая веру в сердцах Своих детей.

В Луганске я узнал, что на богослужения постоянно приходит милиция, потому моё присутствие на собрании нежелательно. Обсудив обстановку, мы с братьями решили совершить рукоположение ночью и не со всей церковью. Бог дал

возможность спокойно совершить это служение в присутствии двадцати пяти членов церкви.

В родной Кировоградской церкви тоже требовалось рукоположить брата на пресвитерское служение, и мы с Борисом Яковлевичем Шмидтом приехали для этого дела. Друзья сказали нам, что на собрание обычно приезжает милиция и нас могут арестовать. Мы помолились и, попросив у Бога защиты, решили всё же идти на богослужение.

Собрание прошло благословенно, брата рукоположили. Милиция в этот раз не помешала, и мы с Борисом Яковлевичем благополучно уехали в другое место.

Проезжая по городам и сёлам Сибири, я посетил однажды ссыльного брата Корнея Корнеевича Крекера. Мы вместе с церковью радовались и благодарили Бога за встречу. После собрания была продолжительная беседа, потом ко мне подошли два восьмилетних мальчика и, умоляюще глядя в глаза, попросили Евангелие. Я сказал, что не могу дать им эту книгу, и предложил молиться и просить Евангелие у Бога. Вскоре после этого в журнале «Вестник спасения» вышла статья «Дети Сибири молятся о Евангелии», и многие христиане тоже стали молиться о том, чтобы Библию и Евангелие могла иметь каждая семья.

Бог услышал эти молитвы. В связи с тем, что приобрести Священное Писание было невозможно, братья решили печатать эти книги своими силами. Бог помог Своим рабам изобрести печатную машину и печатать Евангелие, Библию и другую духовную литературу. Это было величайшее чудо в нашей безбожной стране.

Для меня было большой радостью видеть и слышать, что дети Божьи, несмотря на разгоны, штрафы и суды, вдохновенно трудятся, совершая многообразное служение Богу.

Мы не просто терпели скорби и притеснения. Народ Божий неумолчно взывал к Богу о помощи, а также писал заявления и ходатайства в правительство. Страдал ли один брат, одна семья — в их скорби принимало участие всё братство. Почти все церкви ходатайствовали перед властями за узников, просили прекратить бесчинства: не разгонять богослужений, не штрафовать христиан, не притеснять детей в школах.

Нельзя сказать, что кто-то томился в тюрьме, а кто-то царствовал на свободе. Нет, все искренне любящие Господа страдали вместе, трудились вместе, жили одним стремлением — угодить Богу, исполнив Его святую волю. Так поступали все, кто был живым и ревностным в Церкви Христовой.

Поскольку на многочисленные жалобы верующих правительство давало формальные отписки, верующие решили добиться личной встречи с правителями. В августе 1965 года делегация более чем из ста человек, приехавших из разных городов, явилась в канцелярию Верховного Совета СССР.

Вначале им сказали, что председатель Президиума принимать не будет и делегации лучше обратиться в Совет по делам религиозных культов. Но братья и сёстры не уходили и настойчиво просили встречи. В приёмной они несколько раз преклоняли колени и молились. Вечером приехали сотрудники милиции и стали силой вытаскивать верующих на улицу. На это зрелище собралось много любопытных, и сотрудники вынуждены были остановиться.

На следующий день председатель канцелярии объявил, что председатель Президиума А. И. Микоян согласен принять пять человек, но только через месяц.

Через несколько дней после этого к Лине приехал областной прокурор и очень просил, чтобы я пришёл к ним на беседу, заверяя, что меня не арестуют.

При встрече Лина рассказала мне это, и я решил пойти.

На беседе присутствовали областной прокурор, работник КГБ и секретарь, который записывал наш разговор. Мне задали конкретный вопрос:

— Что вы хотите от правительства?

Я рассказал немного о беззакониях, творимых над верующими, и пояснил, что мы хотим свободно исповедовать свою веру и это разрешено Конституцией нашей страны.

В течение двух часов мне задавали разные вопросы: о воспитании детей, об участии христиан в общественной жизни. В конце беседы прокурор сказал:

— Я обещаю, что в Кировоградской области с верующими будут поступать по закону.

Меня он попросил устроиться на работу. Я понял, что эта беседа нужна была для встречи А. И. Микояна с делегацией.

24 сентября делегация из пяти человек прибыла в канцелярию Верховного Совета. Кроме А. И. Микояна на встрече присутствовало ещё несколько ответственных работников.

Председатель Президиума попросил изложить требования верующих.

Николай Георгиевич Батурин обстоятельно рассказал о беззакониях, которые совершают местные власти: собрания верующих разгоняют, молитвенные дома разрушают, христиан штрафуют, судят, некоторых избивают и даже убивают, детей в школе притесняют, некоторых родителей лишили родительских прав.

— Я не верю, что с вами могут так поступать,— перебил Батурина А. И. Микоян.

Братья подали ему фотоальбом со снимками того, о чём рассказывал Николай Георгиевич.

Полистав альбом, Микоян передал его представителю Генерального прокурора со словами:

— Разберитесь, пожалуйста.

Затем он обратился к делегации:

— Мы дадим указание прекратить все беззакония. А вы кончайте кампанию о съезде и договаривайтесь о своих богослужениях со ВСЕХБ.

После этого почти всех узников реабилитировали и гонения на время прекратились. Народ Божий радовался и в веселии сердца прославлял Господа.

Однако свобода оказалась очень даже непродолжительной. Председателем Президиума стал Н. В. Подгорный, и снова начались гонения.

В августе 1966 года, после очередного совещания Совета церквей, проходившего на Донбассе, меня по дороге задержали работники милиции, обвинив в краже чемодана. В отделении милиции, куда меня привезли, речи о чемодане уже не было. После обыска меня около часа держали в кабинете, ожидая сотрудников КГБ из Донецка. Приехав, они поблагодарили милиционеров, которые задержали меня, и пообещали им награду.

Рассматривая мой блокнот с адресами, сотрудник КГБ спросил:

— Почему вы не указываете город, а только улицу и номер дома?

— Чтобы вы не воспользовались адресами и не репрессировали моих друзей,— прямо ответил я.

Улицы же во многих городах страны были одинаковые.

Через два часа меня поместили в КПЗ. Стал знакомиться с заключёнными. Начались беседы о Боге, о добре и зле, о вечной жизни. Деньги у меня забрали, продуктов не было. Спасибо, заключённые поделились со мной куском хлеба.

Один из заключённых утром должен был идти на суд и предложил мне написать записку кому-нибудь из своих и попросить, что нужно. Я попросил телогрейку и продукты.

Записку передали по назначению, но передачу я не успел получить, потому что уже на следующий день три сотрудника КГБ повезли меня пассажирским поездом в Кировоград.

Приехали ночью. Я думал, что меня сразу определяют в тюрьму, но они привезли в КГБ, и ночь я провёл там. Пользуясь возможностью спокойно помолиться, я благодарил Бога за то, что в течение четырёх лет мог совершать служение в братстве. Ведь когда уезжал из дому в 1962 году, то думал потрудиться хотя бы два-три месяца! Но у Бога Свои планы.

Утром сотрудники КГБ пригрозили мне санкцией прокурора на арест, но, поняв, что я готов к этому, предложили занять место старшего пресвитера по Кировоградской области.

— А что, у вас тут назначаются старшие пресвитера? — спросил я с некоторой печалью.

— Нет, мы пошутили,— улыбнулся один из них.

Они задавали много вопросов в отношении церкви, но я на них не отвечал. В конце они спросили:

— Вас со ВСЕХБ, наверное, уже никто не примирит?

Я ответил:

— Если нейтральные служители выслушают обе стороны, укажут на грехи и виновные искренне раскаются, тогда между нами будет мир.

Не нужно было говорить этого. Не дело властей знать пути

примирения верующих и вообще вникать в эти вопросы. Нужно было молчать, но я, к сожалению, совершил ошибку.

На следующий день мне предложили свободу с единственным условием — устроиться на работу. После молитвы и некоторого размышления я дал устное обещание. Усталость, желание побыть с семьёй и с церковью сыграли свою роль. Меня освободили и сняли все посты наблюдения за мной.

Дома дети встретили меня с радостью, а жена — со страхом и настороженностью. Она уже готовила мне передачу в тюрьму, и возвращение для неё было неожиданным. Когда я помолился и рассказал всё, как было, Лина успокоилась. Однако освобождение в этот раз не было таким радостным, как по окончании десятилетнего срока.

В церкви на первом же собрании я рассказал, как меня арестовали и как освободили. Братья и сёстры радовались и благодарили Бога за то, что я теперь могу трудиться в своей церкви.

На работу меня приняли в областную психиатрическую больницу санитаром, а через некоторое время поставили фельдшером. Врачи и младший медперсонал относились ко мне хорошо, уважали за добросовестность и простоту. Я всем старался свидетельствовать о Божьей любви и справедливости, делать всем добро, молился за больных, особенно за одержимых дьявольской силой.

В профсоюз я не вступал, потому что на членском билете написано: «Профсоюз — школа коммунизма», а я — христианин, учащийся в Божьей школе.

Через несколько дней после освобождения пришёл ко мне служитель нашей церкви и сказал, что старший пресвитер по области приглашает нас на церковный совет зарегистрированной общины по вопросу их покаяния. Мы с ним помолились и решили пойти.

На совете служители и другие братья попросили у нас прощения за то, что неправильно исключили нас из церкви. Мы очень удивились — не верилось, что это делается искренне. Когда мы высказали своё недоверие, они начали нас стыдить. Пресвитер же пригласил нас на членское

собрание, сказав, что члены церкви тоже будут просить прощения.

Действительно, на членском собрании было объявлено, что в своё время нас неправильно отлучили, за что церковь просит прощения. Правда, в подтверждение встали не все, так как были неготовы к покаянию.

Через несколько дней приехала примирительная комиссия. Она провела ряд бесед, склоняя нас к единству. Мы сказали, что в будущем пойдём на соединение, если покаяние окажется искренним. А пока мы будем проводить богослужения и совершать вечерю Господню отдельно. Регистрированную общину мы обещали посещать в те дни, когда нет собрания у нас, проповедовать там тоже не отказывались.

Два месяца спустя ВСЕХБ разослал по общинам обольстительное письмо с ложной информацией. Письмо сообщало, что в Кировограде И. Я. Антонов и его отделившаяся группа покаялись в разделении, примирились с зарегистрированной общиной и вместе проповедуют распятого Христа. Это письмо смутило отделённых братьев и сестёр и явилось для них соблазном. Тут же к нам посыпались письма от христиан, некоторые даже сами приезжали, чтобы узнать, что значит наше покаяние и каким путём мы идём.

В недоумении я пошёл на совет зарегистрированной общины и спросил, разве было такое примирение, как написал ВСЕХБ? Они в один голос подтвердили: «Нет, было всё наоборот, просили прощения мы, а не вы!» Я попросил их написать опровержение по поводу письма от ВСЕХБ и подписаться. Братья пообещали, а потом отказались, потому что старший пресвитер запретил делать это.

Поняв, что нас обманули, мы сказали совету зарегистрированной общины, что не можем иметь с ними духовного общения и по-прежнему будем проводить богослужения отдельно.

После этого печального события ко мне приехали два служителя и объявили, что за мои действия, которые послужили соблазном для народа Божьего, меня вывели из состава Совета церквей.

Я принял наказание, понимая, что вполне заслуживаю

его, искренне раскаялся и перед Богом, и перед церковью и не стал искать сторонников, чтобы оправдать свой поступок. Через полгода руководящие братья, увидев моё смирение и раскаяние, восстановили меня в членстве Совета церквей.

Один из работников КГБ впоследствии гневно упрекал меня: — Что вам ещё нужно? И старший пресвитер, и совет общины, и члены церкви — все покаяться, а вы не соединяетесь!

Тогда я понял, что покаяние в зарегистрированной общине было делом атеистов. Это они хотели так хитро, искусственно соединить нас, а потом, если эксперимент удастся, делать подобное и в других городах.

В больнице, где я работал, меня стали часто ставить на дополнительные дежурства, хотя я и не просил. Других работников редко ставили даже по их просьбе. Поняв, что это делается по указанию — загрузить меня работой, чтобы меньше оставалось времени для служения,— я отказался от дополнительных дежурств.

Всё свободное от работы время я использовал для духовного труда в своей церкви и в других общинах нашего братства. Лина никогда не препятствовала мне в служении. Напротив, она всегда молилась обо мне и благословляла меня на труд. Я делился с ней всем добрым, что несёт назидание и благодать, мы вместе радовались и благодарили Бога.

Тонения продолжают

Да и все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы.

2 Тим. 3, 12

Наши богослужения почти всегда проходили под наблюдением сотрудников милиции и КГБ. Довольно часто они разгоняли нас. Однажды собрались мы для хлебопреломления.

После второй проповеди в дом вбежали милиционеры и несколько человек в штатском и стали кричать, фотографировать, требовали покинуть помещение. Мы встали на колени и начали молиться. Капитан милиции пробрался ко мне и закричал:

— Антонов, прекратите молиться!

В это время два милиционера схватили одного брата за руки и ноги и понесли в милицейскую машину. Затем подошли ко мне, взяли под руки и повели туда же.

— Что вы делаете? — спросил я у капитана, сопровождавшего меня. — Почему так бесчинно обращаетесь с верующими?

— Потому что вы калечите детей! — отрезал он.

Редкие моменты. Антоновы вместе

— Много ли попадает к вам наших «калек»? Они что, воры, пьяницы, хулиганы?

— Нет, ваши не попадают к нам в отделение,— немного помолчав, уже спокойнее произнёс капитан, а потом возмущённо добавил: — Но вы же нарушаете законодательство о культах!

Я спокойно сказал ему:

— Если наши дети не нарушают общественного порядка, то нужно законодательство изменить, и всё будет хорошо.

— Видишь, чего вы хотите! — гневно крикнул капитан. — Этого никогда не будет!

В милиции, куда привезли нас с братом, начальник отделения сказал мне:

— Вас привезли для установления личности.

— Это же неправда! — возразил я. — Капитан называл меня по фамилии, когда требовал прекратить молитву.

— Суд разберётся! — злобно выкрикнул начальник милиции, и нас тут же отпустили домой.

Вечером мы собрались в том же доме и спокойно совершили вечерню Господню, радуясь, что перенесли гонения за имя нашего Спасителя. После собрания всей церковью рассуждали о том, как вести себя, когда власти требуют разойтись. Единодушно пришли к решению самим не расходиться. Если же будут применять силу, то не сопротивляться.

За проведение собраний руководящих братьев вызывали на административную комиссию и штрафовали. Редко какое богослужение проходило свободно и без последствий. Так и после вышеописанного собрания нас вызвали в горисполком. Обвиняли в основном за присутствие детей.

Выслушав все претензии, я заявил:

— Есть Указ Президиума Верховного Совета СССР, согласно которому родители, а в соответствующих случаях опекуны, имеют право воспитывать детей в религиозном духе.

На это женщина-юрист громко выкрикнула:

— Такого указа нет!

— Вы работаете в административной комиссии и не знаете законов? — спросил я. — Или просто обманываете нас?

Больше она ничего не говорила.

На одно из праздничных новогодних собраний пришла пионервожатая из школы, в которой учился один верующий мальчик. Мы, как всегда, радовались и вместе с детьми прославляли Бога. Пионервожатая внимательно всё слушала и после собрания сказала, что ей очень понравилось. А позже, когда меня судили, она была свидетелем на суде и утверждала, что я учил детей верить в Бога.

Новый год мы всей церковью встречали на коленях. Как это торжественно! На пороге нового года мы всегда просили у Бога благословения на предстоящие дни и выражали своё желание и готовность исполнять волю Божию.

На встрече 1969 года молодёжь раздавала в церкви поздравительные открытки с пожеланиями, и мне попался стих: «Каждый день бывал Я с вами в храме, и вы не поднимали на Меня рук, но теперь ваше время и власть тьмы» (Лук. 22, 53). Пресвитер, прочитав мою открытку, печально сказал:

— Тебя, наверно, арестуют.

Второй арест

И не страшитесь ни в чём противников... потому что вам дано ради Христа не только верить в Него, но и страдать за Него.

Фил. 1, 28–29

В начале января 1969 года по дороге на работу я заметил, что за мной следят. Я помолился Богу и утешился тем, что Он знает мой путь и силен защитить от всякого зла. В девять часов утра я принял смену, а через полчаса меня вызвали к главврачу. Когда я вошёл к нему в кабинет, там сидели два человека. Главврач велел мне передать смену, пояснив, что эти два товарища хотят поехать со мной в город для беседы. Я помолился и подумал, что, наверно, пришёл мой час — эти люди приехали меня арестовать.

Когда я отправился в отделение передавать смену, один из приехавших — полный, пожилой мужчина — пошёл следом за мной. Впоследствии я узнал, что это старший следователь. Он вёл моё дело.

Передав смену, я пошёл в раздевалку за сумочкой с обедом. Мужчина велел взять и чемоданчик, который стоял рядом с моей сумочкой. Я отказался, заметив, что не могу брать чужие вещи.

Меня привезли в прокуратуру, сделали личный обыск и заявили, что пока поместят меня в КПЗ. Если я соглашусь исполнять законодательство о культах, то пойду домой, а если нет — меня будут судить.

Переступив порог камеры, я поздоровался с находившимся в ней молодым человеком, положил на нары свою сумочку и преклонил колени. Понимая, что мне предстоит пережить, я от всего сердца благодарил Бога за то, что принадлежу Ему и что удостоился чести страдать за Него.

Во время молитвы мне пришли на память слова Иисуса Христа: «Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня», а также: «И всякий, кто оставит домы, или братьев, или сестёр, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную».

Без долгих рассуждений душа моя избрала второе — ради Господа оставить всё и не преступать заповедей Божьих. В ответ на это решение в сердце водворился мир, Господь утешил меня.

Когда я поднялся с колен, мой сокамерник удивлённо спросил:

— Ты верующий?

Его изумлению не было конца, когда он узнал, что за веру меня преследуют и собираются судить. У нас была хорошая беседа о Боге. Я советовал ему оставить путь, ведущий в гибель, и обратиться к Богу. Он рассказал мне, что попал в КПЗ уже третий раз за ночной грабёж. Его тётя — влиятельная личность в городе — уже два раза избавляла его

от тюрьмы. В этот раз она заявила, что больше не будет ходатайствовать.

В день моего ареста дома у нас сделали тщательный обыск. Забрали всю духовную литературу, братские листки, журналы и рукописные тетради. После обыска жена послала сына ко мне на работу, и ему сказали, что меня увезли в город. Лина всё поняла. На следующий день она принесла мне передачу.

Через три дня следователь вызвал меня на допрос и, узнав, что я твёрдо решил не идти ни на какой компромисс, сильно разгневался. С бранью он повёз меня к прокурору, который дал санкцию на арест. От прокурора меня привезли в кировоградскую тюрьму. Здесь, как и три дня назад в КПЗ, на меня заполнили карточку, взяли отпечатки пальцев, записали особые приметы.

После пятнадцати лет, проведённых на свободе, я вдруг живо вспомнил минскую и оршанскую тюрьмы. Камера маленькая, человек на шесть, нары железные, на окне — решётка. Параша с нечистотами издавала свой неизменный запах. Смерд от табака и тряпок, сжигаемых для варки чифиря, дополнял неудобства моего нового жилища. Громко разговаривать или петь — нельзя, но молиться не запрещали. И я молился, тихонько пел, душа моя находила во всём этом успокоение.

В этой камере мне вспомнилась песня, которую однажды пели мои шестилетние дочери. Я тоже тихонько спел её, и мой дух возрадовался в Господе.

О Боже, Боже мой, я верю,
Что Ты всегда, везде со мной.
И здесь, в темнице, вспоминаю
Дела любви Твоей святой...

Жену я вспомнил и малюток.
Когда их лица целовал,
В слезах все были, час был жуток,
Но я Тобой их утешал.

Я верю, Боже мой, глубоко,
Ты не оставишь их одних,
Но по Своей любви высокой
Согреешь и насытишь их.

В камере люди часто менялись, но один человек всегда оставался. Я понял, что это «наседка»*, и беседовать с ним не было желания. Когда он что-нибудь спрашивал, я просил у Бога мудрости, что сказать, и отвечал ему. Он же нередко ругал Бога и осуждал верующих. Но когда я преклонял колени для молитвы, он выключал радио и говорил:

— Видишь, я тебя всё-таки уважаю — выключаю радио, чтобы не мешало тебе молиться!

Я был благодарен ему за это, а ещё больше благодарил Бога, потому что и в этом небольшом деле видел Его добрую руку.

Каждый месяц Лина приносила мне передачу: продукты, бельё, одежду. Я всегда делился чем-нибудь с заключёнными, и это в их глазах было подтверждением моей веры в Бога.

В этой камере холодно не было. Кировоградская тюрьма была лучше, чем те, в которых я сидел первый раз. Здесь заключённым выдавали матрас, набитый опилками, серый наматрасник, подушку и одеяло. Раз в десять дней нас водили в баню. Каждый день около пятидесяти минут можно было прогуливаться на свежем воздухе в специальных двориках. Эти дворики сверху были покрыты густой железной сеткой и напоминали клетки для кур.

Следователь два раза вызывал меня на допрос, но я категорично отказывался отвечать на любые вопросы, связанные с жизнью церкви, потому что по закону церковь отделена от государства. Материал для моего дела собирали, допрашивая многих верующих и даже неверующих. К сожалению, некоторые христиане из страха рассказывали, что я привозил литературу и братские листки, проповедовал. После суда, поняв, что своими показаниями помогли следователю сфабриковать

* Наседка — заключённый, по поручению оперчасти узнающий у сокамерников нужные следователю сведения.

моё дело, они горько раскаивались, оплакивая предательство. Я, конечно, прощал им и искренне просил у Бога силы для всех верующих, чтобы они даже в самом малом были верны и не боялись противников.

Однажды во время обеда, когда кормушка в камере была открыта, я увидел в коридоре молодого человека, который сидел со мной в КПЗ. Увидев меня, он счастливо улыбнулся и жестами показал, что идёт на свободу. По-видимому, влиятельная тётя и в этот раз походатайствовала о его освобождении. Проводив его взглядом, я подумал: какие несправедливые бывают судьи! Как хорошо, что есть Божий суд — истинный, справедливый. Придёт день, когда святые за все муки и скорби получают награду от Господа, а нечестивые будут осуждены за то, что притесняли святых и издевались над ними.

Мне часто снились какие-то необычные сны, и, рассуждая о них, я нередко понимал, что меня ждёт. Как-то я рассказал свой сон «наседке», а он говорит:

— Значит, на днях пойдёшь домой.

Я улыбнулся. Стоит ли мечтать об этом? Не для того бросили меня в эту зловонную камеру, чтобы потом отпустить домой.

Через несколько дней меня вызвали в коридор с вещами. Я подумал, что повезут куда-то на очную ставку. Но меня привели в административное здание и завели в кабинет, где сидело трое: старший следователь, сотрудник КГБ из Кировограда и ещё один, которого я не знал. Позже выяснилось, что это был А. Ф. Фисуненко — сотрудник КГБ по Украине.

Этот незнакомец подозвал меня к столу и, открыв Библию, прочитал из 13 главы Послания Римлянам: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены. Посему противящийся власти противится Божию установлению. А противящиеся сами навлекут на себя осуждение». Подняв на меня глаза, он добавил:

— Должен сказать вам, что вы нарушаете написанное в

Библии, хотя и называетесь служителем Божиим. За это и сидите в тюрьме.

Я попросил его прочитать дальше. Он вначале не хотел, а потом согласился и прочитал до слов: «Итак, отдавайте всякому должное: кому по́дать — по́дать; кому оброк — оброк; кому страх — страх; кому честь — честь».

— Мы отдаём вам честь,— сказал я, когда он кончил читать. — Налоги мы тоже добросовестно платим, людям делаем добро, с мятежниками не сообщаемся, власть не поносим. Однако вы требуете от нас неверности Богу, требуете исполнения противозаконных правил, и мы не можем в этом слушать вас. Мы будем исполнять слова Христа: «Отдавайте кесарево кесарю, а Божье — Богу».

Я напомнил этим людям, что Декрет Ленина о свободе совести и Всемирная декларация прав человека запрещают преследование за веру. В ответ А. Ф. Фисуненко упрекнул меня в том, что не соблюдаю законодательства о культах.

Я спросил его:

— А оно может противоречить основному закону страны?

— Нет,— категорично заявил он.

Тогда я перечислил некоторые пункты, явно противоречащие Конституции.

После двухчасовой беседы сотрудники КГБ и следователь стали перешёптываться. Думая, что меня отправят на этап, я попросил, чтобы разрешили взять из прачечной тёплое бельё, сданное в стирку.

Фисуненко слегка улыбнулся и сказал:

— Да, мы вас отправим, но не на этап, а домой. — Сделав выразительную паузу, он добавил: — С условием, что вы завтра же выйдете на работу и до суда не будете покидать пределов города.

Мне не верилось, но следователь оформил обязательство о невыезде и дал мне на подпись. Затем надзиратель принёс мои вещи, и меня вывели из тюрьмы. Мне сразу вспомнилось, как когда-то Ангел вывел из тюрьмы апостола Петра. А меня выводили люди, борющиеся с Богом. С какой целью они делали это? Вначале я не понял их намерений, а потом узнал.

Власти хотели посеять среди верующих недоверие ко мне как к служителю, чтобы меня считали изменником и предателем дела Божьего.

Домой я пришёл уже в сумерках. Павлик, увидев меня в окно, закричал:

— Папа идёт!

Лина остановила его:

— Какой папа, сынок? Что ты придумал?

Открывая дверь, я вспомнил, как служанка Рода сообщила, что пришёл Пётр, недавно заключённый в тюрьму, но ей не поверили.

Увидев меня, Лина испуганно спросила:

— Как тебя освободили?

Она всегда молилась обо мне и переживала, чтобы власти не сломили меня и не причинили вреда церкви. Побывав в местах лишения свободы, она не понаслышке знала о

Предчувствуя разлуку...

тюремной жизни, но верность Богу ставила выше всех страданий и лишений.

Когда мы помолились, я рассказал, как меня отпустили, и мы ещё раз всей семьёй поблагодарили Господа за возможность какое-то время побыть вместе. Сколько будет длиться следствие, когда будет суд — мы не знали, но радовались, что в этот раз Бог дал такое облегчение.

Лина переживала, как воспримет церковь моё освобождение. На первом же собрании я передал беседу со следователем и сотрудниками КГБ, и вся церковь радовалась, что Бог по Своей милости давал мне мудрость, как отвечать, и позволил побыть какое-то время дома.

На работе главврач сказал мне, что они ходатайствовали о моём освобождении. Я приступил к своим обязанностям, и жизнь пошла своим чередом.

Новый приговор

Не бойся, ибо Я с тобою; не смущайся, ибо Я Бог твой; Я укреплю тебя, и помогу тебе, и поддержу тебя десницею правды Моей.

Ис. 41, 10

Два месяца я был на свободе. За это время следователь два раза вызывал меня и склонял к тому, чтобы я согласился выполнять законодательство о культах, но Бог дал мне силы твёрдо стоять на евангельских позициях.

В марте, получив известие о смерти одного из родственников в Липно, я отпросился у следователя на похороны. Заодно посетил отца, побеседовал с ним. Он поверил в жертву Иисуса Христа и раскаялся в своих грехах. Я был рад, что он хоть на старости лет всё же повернулся к Богу лицом. Велико милосердие Божье!

В начале апреля следователь ещё раз вызвал меня и

сообщил об окончании следствия. А через день пришла по-
вестка явиться в суд 10 апреля 1969 года.

Накануне суда в нашем доме собрались друзья и неко-
торые верующие из зарегистрированной общины. Я прочитал
слова Иисуса Христа из Евангелия Иоанна: «Дети! недол-
го уже быть Мне с вами. Будете искать Меня, и, как сказал
Я Иудеям, что, куда Я иду, вы не можете прийти, так и вам
говорю теперь. Заповедь новую даю вам, да любите друг дру-
га; как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга. По
тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь
любовь между собою» (13, 33–35).

Я сказал собравшимся, что рад возможности страдать за
нашего Господа и хочу в этих испытаниях прославить велико-
го Бога. Друзьям я пожелал на деле подтверждать своё учени-
чество — любить ближних и не унывать в скорбях. Просил
также не забывать меня в молитвах, потому что вынести все
испытания без Божьей поддержки просто невозможно.

Молились все со слезами, прощались со скорбью, но и
не без надежды — ведь Бог обещал не оставлять нас!

Поздно вечером принесли телеграмму о смерти моего от-
ца — Якова Антоновича. Очень хотелось сразу же отпра-
виться в путь, но я остановился, подумав, что суд могут отложить
и отпустить меня на похороны.

Утром мы всей семьёй помолились, я простился со старень-
кой мамой — Анисьей Ивановной, — и мы пошли на суд.
Суд был открытый, все друзья свободно вошли в зал. Я сразу
же подал судье телеграмму и попросил перенести суд и дать
мне возможность похоронить отца. Судья сказал, что ответят
на мою просьбу в конце процесса.

Зачитав обвинительное заключение, судья предоставил сло-
во свидетелям. Их было в этот раз трое — председатель Но-
вомиргородского райисполкома, учительница из села Неопали-
мовки и классная руководитель моего сына.

Мне ставилось в вину то, что я нарушал законодатель-
ство о религиозных культах, обучал детей религии и про-
водил нелегальные собрания. Председатель райисполкома
наговорил много неправды в мой адрес. Учительница из

Неопалимовки утверждала, что дети верующих умственно отсталые, плохо учатся, в кино не ходят, не участвуют в общественных мероприятиях. Последней выступала классная руководитель нашего сына. Она сказала, что Павлик учится хорошо, поведение у него примерное. Только в пионеры не хочет вступать, утверждая, что верит в Бога, а пионер должен отвергать Его.

Речь этой учительницы была как снег на голову. Судья не дал ей договорить и предложил мне сказать защитное слово. Я сказал, что согласно Конституции и Декларации прав человека я не виновен и суд не имеет права меня судить.

Затем мне предложили сказать последнее слово, а прокурор предупредил:

— Если согласитесь исполнять законодательство о религиозных культах, то мы освободим вас и поедете на похороны. А если не согласитесь, то получите три года лагерей строгого режима.

Я ответил, что законодательство исполнять не буду, а на похороны отца прошу отпустить.

В зале суда после моего последнего слова появилась милиция. Перед чтением приговора моих детей попросили выйти.

— Судить незаконно можете, а приговор при детях не хотите читать? — заметил я.

На это мне никто ничего не сказал.

Судья металлическим голосом зачитал приговор: согласно ст. 138 ч. II УК УССР — три года заключения в лагерях строгого режима.

Мне дали возможность проститься с женой и детьми, и чёрный ворон повёз меня в тюрьму. Господь дивно утешал моё взволнованное сердце, напоминая слова: «Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное» (Матф. 5, 10). Дух Святой наполнил меня, и, подъезжая к тюрьме, я сказал сам в себе: «Здравствуй, неволя! Со Христом мне и в тюрьме свобода, а без Христа — и на воле тюрьма».

Ощущая присутствие Господа, я помолился за гонителей, желая их спасения, и поблагодарил Бога за милость оставаться верным Ему даже на пути страданий. Да, меня ждали

стеснённые обстоятельства, и я просил у Господа силы, чтобы преодолеть все трудности и испытания и устоять. Верно изречение: «Имущество потерять — мало потерять, друзей потерять — много потерять, бодрость потерять — всё потерять».

После обычной процедуры приёма я попал в камеру, где неожиданно встретил своего соседа. Опухший и больной от злоупотребления алкоголем, он сидел за кражу. Я слушал его и думал: какой контраст — мы живём на одной улице, попали в одну камеру, а наши жизненные пути совсем разные!

Сосед хорошо относился ко мне и в тюрьме, и в лагере.

В камере после знакомства я поделился с заключёнными домашней пищей, и это расположило их послушать весть о спасении.

Утром по тюремному радио прочитали газетную статью о моём суде. Учительницу Павлика порицали за то, что она одобряла жизнь и поведение сектантских детей. Позже я узнал, что за речь на суде её вызывали в гороно, сильно ругали и чуть не уволили. Чтобы оправдаться перед начальством, учительница насильно надела Павлику пионерский галстук и заявила: «Теперь ты пионер!» Мальчики в это время держали его за руки, чтобы он не сопротивлялся. Павлик всё же снял галстук, и учительница больше не заставляла его вступать в пионеры.

До отправки в лагерь всем желающим поработать предложили сбивать ящики в тюремном цеху. Я с радостью согласился. В первый же день, как я вышел на работу, один пожилой мужчина громко объявил, показывая на меня:

— Мужики, среди нас есть баптист!

Я вначале смутился, а потом благодарил Бога за это объявление. Люди сразу стали подходить, задавать вопросы, и я мог многим засвидетельствовать о Божьей любви.

После суда можно было писать письма, и я сразу написал домой о своём благополучии. Но ответ получить не успел — нас собрали на этап и перевели в колонию № 6 строгого режима. Колония находилась рядом с тюрьмой и была отделена от неё забором. В заборе была специальная калитка, через которую и переводили заключённых.

Жизнь в лагере

*На мне, Боже, обеты Тебе; Тебе
воздам хвалы, ибо Ты избавил душу
мою от смерти, да и ноги мои от
преткновения...*

Пс. 55, 13–14

Меня определили в строительную бригаду — достраивать административное здание. Жилая камера находилась на третьем этаже. Мне дали место на верхних нарах, у окна, из которого через решётку была видна улица и можно было даже увидеть прохожих. Заключённые переговаривались с вольными людьми жёстами, а иногда и перекрикивались. Через забор некоторым перекидывали с воли письма, деньги и чай.

На личном свидании я договорился с Линой, что она раз в неделю будет приходить сюда с детьми, и мы знаками как-нибудь пообщаемся, увидимся хотя бы издалека. Но месяца через два начальство велело поставить на окна ещё одну решётку, и связь со свободой прекратилась.

Письма из дому я получал регулярно. Писала в основном Лина, дети писали меньше. Письма были живой струёй в мёртвой пустыне и ободряли меня в следовании за Господом.

Рано утром, до подъёма, я стремился побыть в общении с Богом — вспоминал места Священного Писания, преклонял колени прямо на нарах и беседовал с моим любящим Отцом. А после подъёма уже можно было выйти из барака, и до завтрака я ходил по двору, напевая любимые гимны.

После завтрака нас вывозили в промзону на работу. Моей обязанностью было носить раствор на второй этаж. Первое время сильно уставал, а потом привык.

Нелегко было от постоянной слежки. На работе, в библиотеке, во время прогулок я чувствовал, что за мной наблюдают. Стоило мне с кем-то поговорить, этого человека сразу же вызывал оперуполномоченный или отрядный и, угрожая, запрещал ему подходить ко мне. Некоторые рассказывали мне об этом.

В библиотеке я брал старые книги и переписывал из них

себе в тетрадь выдержки о Боге, хорошие жизненные примеры. При очередном обыске (меня часто обыскивали) все мои тетради и письма были изъяты. Через короткое время меня вызвал оперуполномоченный Друзь и стал спрашивать, откуда у меня записи о Боге. Я допустил ошибку, сказав, что переписывал цитаты из библиотечных книг. Записи мне не отдали, а библиотекарь получил выговор и указание убрать все книги, в которых есть упоминание о Боге.

Лагерный двор в нашей колонии был очень маленький и летом походил на базарную площадь в воскресный день — народу было много, все хотели подышать свежим воздухом. Уединиться было просто невозможно.

Как-то раз во время вечерней прогулки подошли ко мне два молодых человека и попросили рассказать что-нибудь о Боге. У одного бабушка была верующей и оставила по себе добрый след. Другой сам верил в Бога. Он говорил, что никто не убедит его в том, что Бога нет. Он рассказал, как зародилась в нём вера.

После очередного лагерного срока его отправили на Урал, на стройки народного хозяйства. К нему приехала жена, но жить им было очень трудно — денег не хватало. Воровать он не хотел, чтобы не угодить снова в тюрьму, в Бога не верил и не молился. Однажды ему приснилось, что он купил лотерейный билет «Спортлото» и зачеркнул определённые цифры. Сон был таким конкретным, что он даже цифры запомнил, и утром рассказал об этом жене. Она убедила его купить билет, и он сделал всё так, как видел во сне. Произошло чудо — он выиграл пять тысяч рублей!

— И что ты сделал с этими деньгами? — спросил я.

— Мы купили обувь, одежду, продукты, а часть денег пропили с товарищами.

— А Богу выделить какую-то часть ты даже не подумал,— сказал я.

— Как я мог дать деньги Богу? — удивился он.

Я объяснил, что накормить голодного, одеть нагого, посетить больного ради Христа — значит сделать это Самому Богу.

— Я не знал этого,— с сожалением сказал мой собеседник.

— Но с тех пор, как это произошло, я понял, что Бог есть. Он видел, что я не хочу воровать, хотя мне и трудно жить, и сделал это чудо.

Целый вечер мы беседовали о спасении, об избавлении от власти дьявола, о влиянии бесов на душу. Я говорил о покаянии, о прощении грехов и о свободе, которую даёт грешникам Божий Сын. Мои собеседники были внимательны, со многим соглашались, но признать Иисуса Христа Спасителем не пожелали.

Однажды в рабочее время несколько заключённых начали играть в карты. Заметив это, надзиратели попытались забрать карты, но один из игроков ударил надзирателя и убежал. Он спрятался на чердаке жилого барака, а через время вылез на крышу, сложил возле себя кучу кирпичей и целый день не впускал в жилую зону никого из начальства, бросая им на голову кирпичи. Заключённым он сказал, чтобы делали всё, что хотят, он ни одного надзирателя в барак не пустит.

Вечером приехало начальство из управления, и прокурор по надзору, обещая взбунтовавшемуся заключённому, что наказывать его не будут, велел ему слезть с крыши. Но тот в ответ стал бросать кирпичи и чуть не попал в прокурора. Начальство ушло.

Среди заключённых чувствовалось напряжение. Я тоже переживал и молился Богу, чтобы Он не допустил войны между заключёнными и начальством, потому что такие стычки всегда чреваты тяжёлыми последствиями.

Поздно вечером несколько надзирателей переоделись в лагерную форму, прошли в жилую зону и вместе с заключёнными поломали крышу в нескольких местах, чтобы выскочить наверх и связать бунтовщика. Так и было: два надзирателя схватили его, но он начал сопротивляться и хотел вместе с ними скатиться с крыши (здание было трёхэтажное). Когда они были уже на самом краю, подоспели другие надзиратели. Беднягу связали, сняли с крыши и посадили в ШИЗО. Дальнейшая судьба этого несчастного человека мне неизвестна.

Крышу не сразу отремонтировали, и когда пошёл дождь,

то спать на своей постели я не мог. В первую ночь мне пришлось лечь на пол, а потом я принёс кусок рубероида и две ночи спал под ним, пока не заделали пробойны.

Наблюдая за происходящим среди заключённых, я вновь и вновь думал о том, как велико преимущество принадлежать Богу. Какое это счастье — лично знать великого, святого Бога! Он даёт мир в сердце даже тогда, когда вокруг всё бушует и злобствует.

Около года я работал грузчиком в бригаде, а потом меня поставили плотником. Этой профессией я не владел, но напарник помогал мне, учил, и я со временем научился делать всё, что нужно. Потом меня перевели в столярную мастерскую помогать мастеру. Конечно, работать плотником физически было намного легче.

Питание в лагере было однообразным, некалорийным, поэтому даже лёгкая работа для ослабшего организма оказывалась трудной. На завтрак обычно давали крупяной суп или кашу — ячневую, овсяную или перловую, — кипяток и хлеб. В обед — крупяной суп или щи, ту же кашу и хлеб. На ужин давали кашу или суп, солёную рыбу (тюльку или камбалу) и чай. Сахар выдавали только утром по 20 грамм.

Один раз в месяц можно было отовариться в ларьке на пять рублей. В ларьке не было ни сала, ни сливочного масла, ни сахара, ни мясных продуктов, ни чая. Сахар не продавался, чтобы не делали самогон, а чай — чтобы не варили чифирь. Сало, масло, сахар и чай не разрешалось передавать и в передачах. На строгом режиме можно было получить одну передачу (5 кг) в год и две бандероли (по 0,5 кг). За любое нарушение режима начальник отряда имел право лишать и ларька, и передачи.

И всё же на зоне можно было купить всё. Заключённые продавали не только разрешённый, но и запрещённый товар, хотя это и считалось грубым нарушением. Деньги у многих заключённых были. Их приносили со свиданий, особенно с личных. Вольнонаёмные тоже переносили деньги для заключённых, отчисляя себе 10–20% от передаваемой суммы. С большой осторожностью и я приобретал дополнительное

питание для поддержки физических сил. Несмотря на постоянную слежку со стороны заключённых-осведомителей и частые обыски, я по милости Божьей ни разу не попался как нарушитель. А когда хлеба не хватало, Господь утешал Своим словом и утолял голод и жажду.

Личные свидания на строгом режиме не часты. Их давали один раз в год на сутки, на двое или трое суток — в зависимости от расположения и настроения начальства. Свидания проходили в отдельных комнатах, только кухня была общая.

Начиналось свидание обычно после четырёх часов дня, поэтому отдыхать ложились очень поздно, под утро. Радость встречи трудно описать. Время, проведённое с любимым человеком, пролетало быстрее мгновения, оставляя в душе бодрость и глубокую радость.

Мы с Линой обычно в первую очередь благодарили Господа за Его милость к нам, потом пели один из любимых гимнов и садились за стол. Во время еды рассказывали друг другу о пережитом, говорили больше о духовной жизни, о семье, о церкви и братстве. То, что нельзя было произносить вслух, мы передавали знаками, писали на бумаге или просто пальцем на столе.

Самой большой радостью для меня было слышать о верности христиан, переживающих гонения. В стойкости и мужестве братьев и сестёр я видел силу Божью. На самом деле, Господь не оставил народ Свой! Несмотря на притеснения, души обращались к Богу, церковь росла, и это не просто радовало меня, а вдохновляло и дальше идти узким путём, потому что на этом пути — Бог!

Лина нередко брала с собой на свидание детей. Встреча с ними всегда была неопишимо радостной, а прощание — невыразимо трудным. Дети плакали, и мы с Линой подолгу утешали их, вспоминая тех, кто лишён не только отца, но и матери. Я напоминал им о воздаянии от Господа и просил верить Его слову и ждать того часа, когда Он возьмёт нас к Себе и избавит от всякого горя. Дети, прощаясь, обещали любить Господа, молиться об узниках, писать мне письма.

Побывав на личном свидании, дети выходили на волю, словно из заключения, только совсем короткого.

Как-то раз на свидании Лина рассказала мне, что к нам домой приходил оперуполномоченный Друзь и старался настроить детей против меня, внушал им, будто я не хочу жить дома и заботиться о них. Я попросил жену, чтобы в следующий раз она закрыла перед ним дверь и не разрешала травмировать детские души.

Друзь распускал свою клевету и в лагере. Я однажды обличил его за ложь, распространяемую им среди заключённых, и сказал, что жена больше не будет пускать его в дом. После этого он уже не разговаривал с нашими детьми.

Общие свидания давали два раза в год, на один-два часа, и только с близкими родственниками, записанными в тюремном деле. В комнату для свиданий заходили сначала вольных, а потом заключённых. Посредине комнаты стоял длинный широкий стол. Он разделял родственников, чтобы они ничего не передавали друг другу. Позже на столе поставили толстое стекло, чтобы изолировать заключённых от вольных, а для общения установили телефонные аппараты.

Общие свидания всегда проходили в присутствии надзирателя. Запрещалось говорить о Боге, о гонениях на воле, рассказывать что-либо о ком-нибудь. В случае нарушения свидание могли прервать.

Даже такие короткие встречи, как общее свидание, приносили нам много радости и ободряли нас. Если была положена передача, то после свидания родные всегда что-то передавали. Большим деликатесом были лук, чеснок, перец — они возбуждали аппетит и помогали есть однообразную тюремную пищу. Хотя я и не был привередлив в еде, но однообразная пища и у меня вызывала отвращение. Вместо каш и супов на обед и ужин я часто ел хлеб с солью, запивая холодной водой, а по утрам пил только чай с сахаром.

После общего свидания, как, впрочем, и перед свиданием, родные не имели права подходить друг ко другу. Прощались воздушными поцелуями и, глотая слёзы, махали один другому, словно на вокзале при отправлении поезда. Однако

прощания наши никогда не были безотрадными. Мы верили, что придёт время для лучших встреч и для жизни без разлуки. Это вдохновляло нас и облегчало суровый путь.

Один раз Бог расположил сердце надзирателя, и он разрешил моему Павлику сидеть рядом со мной и даже угощать меня шоколадом, хотя это и было запрещено. Конечно, мы были весьма рады и благодарны и Богу, и надзирателю. Я молился об этом человеке, желая ему спасения.

После свидания заключённых тщательно обыскивали, и если находили что-то запрещённое, особенно деньги, то отбирали это и наказывали.

Большой радостью в лагере являются письма. Для меня они были и подкреплением, и утешением, и свидетельством Божьей любви. На строгом режиме можно было отправлять через цензора два письма в месяц, а получать — неограниченно. Лагерные правила запрещали писать о Боге, об условиях содержания, о других заключённых. Я получал много писем, и это для заключённых и начальства было большим свидетельством о любви среди верующих.

Некоторые письма до меня не доходили. Они оседали в кабинете цензора по известным причинам — друзья много писали о Господе, желая утешить меня и ободрить.

Больше всех мне писала Лина — от неё за три года я получил сто восемь писем, Надя написала мне пятьдесят шесть писем, Вера — пятьдесят четыре, а Павлик — всего восемнадцать. Мои письма читали и другие заключённые — кто-то просто из любопытства, кто-то хотел утешиться, были и те, кто читал, чтобы потом издеваться и насмехаться над моими взаимоотношениями с домашними и друзьями.

Однажды я положил на тумбочку письмо от Веры, а мой «наблюдатель» с соседних нар взял его почитать.

— Что, твоя дочь и за меня молится? — спросил он, вкладывая лист в конверт.

Я вспомнил, что Вера написала мне: «Папа, я всегда молюсь не только о тебе, но и о тех заключённых, которые с тобой».

— Да,— ответил я.

Это не только удивило заключённого, а даже потрясло, и он попросил у меня адрес, чтобы после освобождения зайти к нам. Он хотел купить моей дочери большой торт за то, что она молилась о нём. Я сказал, что девочка делает это из любви и ей не нужно никаких подарков. Желание этого заключённого не исполнилось. Его освободили ночью и сразу же увезли в Кривой Рог, чтобы в Кировограде не убили. Он был в зоне доносчиком. А с такими людьми расправлялись обычно немилосердно.

Однажды я получил письмо на двенадцати листах от главврача больницы, где работал. Письмо было написано в атеистическом духе. Главврач обвинял верующих в том, что они пугают людей адом, не делают зла, потому что боятся Божьего наказания, а добро делают только ради того, чтобы избежать ада. Я ответил ему, что верующие любят Бога и потому делают людям добро, желая прославить Господа и угодить Ему. А если даже кто и удерживает себя иногда от какого-то зла из страха перед наказанием, то разве это плохо? На чём основаны законы страны, приказы начальников и тому подобное? Разве не на страхе наказания? За нарушение закона порицают, штрафуют, судят и даже расстреливают. Ответ на моё письмо был очень скупым: «Вы много потрудились для защиты своих убеждений, но вы не правы».

Из столярной мастерской по просьбе рабочих и бригадира меня перевели к электросварщикам кладовщиком-уборщиком. Я принял эти перемены как особую милость Божью, хотя и в мастерской мне было неплохо. На новом месте у меня была небольшая кладовая, где хранились электроды и сварочное оборудование, и я мог, особенно ночью, в третью смену, молиться в тишине и размышлять. В это время у меня уже было Евангелие, и я тайно читал его, насыщая жаждущую душу словом Божиим.

Как-то раз ночью зашёл ко мне в кладовую оперуполномоченный Другъ и раздражённо сказал:

— До каких пор ты будешь мучиться здесь? Давно пора идти домой, к жене и детям!

— Если можете, выведите меня отсюда, я с радостью пойду

домой и даже за вещами не вернусь в барак,— ответил я спокойно.

Он немного смягчился и сказал, что для этого мне нужно лишь согласиться выполнять законодательство о культах. Мой отказ рассердил его, и, хлопнув дверью, он ушёл.

По воскресеньям, как правило, заключённые отдыхали, но иногда всех выводили на работу, особенно в христианские праздники. Я старался в такие дни оставаться в жилой зоне и проводить время в общении с Богом. В изолятор за это меня ни разу не сажали, бригадир всегда договаривался за меня и освобождал от работы.

Зарплата у меня была небольшая, хотя я добросовестно выполнял все обязанности и начальство было довольным. Половину заработанных денег высчитывали за содержание, затем брали подоходный налог, и оставалось рублей десять-пятнадцать на ларёк и на лицевой счёт.

В день рождения заключённого обычно освобождали от работы, но я никогда не просил этого. 19 августа 1970 года я пришёл с работы и перед вечерней проверкой меня по лагерному радио вызвали на вахту. Когда я вернулся, один заключённый спросил, для чего меня вызывали на вахту. Я показал ему пачку телеграмм и сказал, что у меня сегодня день рождения. Тогда он быстро достал из своего тайника кусок сала и, поздравив меня, велел съесть так, чтобы никто не видел. В лагере сало и сливочное масло есть категорически запрещалось.

На вахту за телеграммами меня вызвали только один раз. А потом начальство поняло, что через это прославляется Бог, и телеграммы мне стали приносить так же, как и письма. Бог прославлялся тем, что, отвечая на вопросы заключённых, я рассказывал о нашей большой христианской семье, о любви среди христиан и об искреннем отношении ко мне совершенно незнакомых верующих.

С самого первого дня, как я уверовал в Господа, у меня было два сильных желания: спасти других и страдать за Христа. Второе желание Бог исполнил в моей жизни, а первое я старался исполнять при малейшей возможности.

К сожалению, спасение получили не многие, но во свидетельство было сказано многим.

Я всегда молился за окружающих меня людей — и простых, и начальствующих — и старался говорить им об Иисусе Христе не только словами, но и жизнью. Некоторые заключённые каялись, но сердечная почва у них оказывалась каменной, и доброе семя не приносило плода.

Отрядные, замполиты, оперуполномоченные время от времени вызывали меня и старались переубедить, внушить своё мировоззрение, но Господь укреплял меня, и я оставался твёрдым в вере. Чувствуя, насколько несостоятельны атеистические взгляды, начальники стали беседовать со мной реже, но более строго запрещали молиться и говорить о Боге другим. Несмотря на запреты, я поступал по-христиански, ставя заповеди Божьи превыше всего.

Почти каждое воскресенье в зоне показывали кино: летом — во дворе, а зимой — в клубе или столовой. Я всегда оставался в это время в секции — молился, пел, размышлял о Боге и духом пребывал в общении со святыми. Иногда ко мне приходили приближённые и желающие послушать о Боге. В основном это были пожилые люди. Хотя подобные собрания запрещались, нас ни разу не разгоняли и не наказывали.

Многие заключённые тяготились неволей и желали досрочного освобождения. Для этого всеми силами старались не нарушать режима или же тщательно скрывали свои нарушения. Не имея утешения и надежды, они начинали страдать от нервного расстройства и попадали в больницу.

А я каждый день благодарил Бога за избавление от зла и греха и часто повторял слова В. Ф. Марцинковского: «Со Христом — и в тюрьме свобода, без Христа — и на воле тюрьма». Душа моя радовалась в Боге и пела: «О нет, никто во всей вселенной свободы верных не лишит!»

Бог называет безумными тех, кто отвергает Его. И это безумие постоянно обнаруживается в их жизни. Добровольно оставаясь в плену у дьявола, люди, не имея Бога в сердце, непрестанно хотят совершать грехи и всякие преступления. Зла много и на свободе, а в тюрьмах и лагерях его ещё

больше, потому что там находятся особо злые люди: убийцы, воры, развратники. Они горды, самолюбивы, наглы, изобретательны на зло. Поэтому от зари до зари в местах лишения свободы не прекращается ругань, ссоры, драки, доходящие иногда до убийства.

Администрация многое делает для того, чтобы перевоспитать заключённых, но, как правило, мероприятия не исправляют людей. Выйдя на свободу, они совершают те же преступления и опять попадают в лагерь. В нашу бригаду как-то привели пожилого мужчину. На вопрос: «Где живёшь?» — он ответил: «У меня два дома — тюрьма и лагерь». У большинства заключённых нет семьи — жёны и дети отказались от них. В основном только матери помнят своих сыновей, любят их, переживают за них. Мать для заключённого — это что-то святое, поэтому они много говорят и поют о материнской любви.

Не случайно кто-то назвал лагерь подобием ада. И всё же в аду будет несравненно хуже. Когда мой путь пролегал через эти ужасные места, я бесконечно радовался, что стал чужим для тех, кто живёт без Бога.

Как я благодарен Богу за Иисуса Христа, Который ценой Своей Крови спас меня от ада, простил мне грехи, подарил покой и жизнь с избытком! Он перевёл меня из царства сатаны в Царство Божье и подарил жизнь вечную. Только Христос силен разрушить дела дьявола, и только Он может освободить от зла. Поэтому христиане, полюбив своего Спасителя, готовы за Него страдать и умирать, как и выразился один поэт:

Жить для Иисуса, с Ним умирать,—
Лучшую долю можно ль желать?!
Стоит смиряться, стоит бороться,
Стоит за это жизнь всю отдать!

Жить для Иисуса — грех победить,
Крест поношенья бодро сносить,
Чтобы в Отчизне, кончив путь жизни,
Славой бессмертья венчанным быть.

Страдания родных

Помните слово, которое Я сказал вам: раб не больше господина своего. Если Меня гнали, будут гнать и вас...

Иоан. 15, 20

Трудно сказать, чьи страдания были глубже: узников или их жён и детей. Я страдал в заключении, а семья... Сколько жене пришлось перенести унижения, презрения, клеветы через прессу, радио и телевидение! Сколько насмешек и издевательств терпели дети в школе! Атеисты называли нас тунеладцами, мракобесами, духовными развратителями, американскими шпионами; обвиняли в том, что приносим детей в жертву. В таком свете нас представляли людям, чтобы возбудить в них ненависть к верующим и отвести их от веры в Бога. И многие верили этой клевете, даже верующие из зарегистрированных общин.

Один проповедник из официальной церкви встретил Лину в городе и с насмешкой спросил:

— Ну что, Лина, ты до сих пор считаешь, что Ваня осуждён за Христа? Он же противник власти!

— Если ты веришь атеистам, то я не могу тебя переубедить,— печально сказала Лина. — Но я твёрдо знаю и вижу, что он страдает за Господа.

Особенно яростно атеисты боролись за детей и молодёжь, стараясь во что бы то ни стало увлечь их в свои ряды. Детей в школах высмеивали перед учениками, заставляли вступать в пионеры и комсомол, всячески оскорбляли, занижали им оценки. Нашего Павлика учитель по географии называл осликом и всегда занижал ему оценки, вызывая у учеников справедливое негодование. В классе, где учились дочери, учитель по истории провёл беседу о вреде религии и сказал, что баптисты приносят в жертву детей. После этого возбуждённые одноклассники Надю побили, а Веру оплевали.

На следующий день Лина пошла в школу и спросила у преподавателя истории:

— На каком основании вы говорите ученикам, что баптисты приносят в жертву детей?

— Я слышал от милиционера,— невозмутимо ответил он.

Лина рассказала ему, что сделали одноклассники её дочерям после беседы, и заявила, что не пустит детей в школу, если подобная беседа повторится. Учитель рассердился и быстро вышел из класса, но бесед больше не проводил.

Этап и новая колония

А я на Тебя, Господи, уповаю; я говорю: Ты — мой Бог. В Твоей руке дни мои...

Пс. 30, 15–16

Больше полсрока осталось у меня за плечами, и вот как-то зимой приснился мне сон, из которого я понял, что меня отправят на этап. На следующий день, во время обеда, прибежал ко мне дневальный (тайный работник оперчасти) и крикнул:

— Иван Яковлевич, тебя освобождают! Вот обходной!

Я взял у него бумагу с надписью: «Освобождающемуся» — и сказал:

— Поверю этому только тогда, когда буду за пределами зоны.

С обходным листом я зашёл в спецчасть и спросил, куда меня отправляют. Мне сказали, что отправляют по спецнаряду как медработника в Райки Житомирской области. Собрав все подписи, я пришёл в секцию и обличил дневального в неправде, потом раздал нуждающимся лишние вещи и со всеми попрощался.

Вечером меня отправили в Одессу.

Мне не хотелось уезжать из Кировограда. Но заключённых

об этом не спрашивают. Я помолился и утешился тем, что Господь не оставляет меня и на новом месте я буду нужен и Богу, и людям.

Этап — это чуть ли не самое трудное для заключённого. Бесконечные обыски, грабёж как со стороны конвоя, так и со стороны воров, теснота и духота, отсутствие элементарных условий, тяжёлая моральная обстановка. Словами трудно описать самочувствие человека, которого отправили на этап.

На другой день мы были в Одессе. Воронок, обыск, проверка на вшивость, баня, прожарка и, наконец, распределение по камерам. В надежде хоть немного отдохнуть я переступил порог камеры и сразу же понял, что этого не получится. Нас завели в камеру, до отказа набитую инвалидами. Слепые, хромые, глухие и другие больные, в основном старики, сидели не только на нарах, но и на полу.

Я сел на мешок с вещами, попросил у Бога силы всё перенести и тут же заметил, что под столом место свободное. Я спросил у заключённых, можно ли мне занять его. Никто не возразил. Я забрался под стол и был рад и благодарен Богу за то, что можно лечь и вытянуть ноги, пусть даже на голом полу, и не мучиться сидя. На свободе вот уже сколько лет сплю на кроватях и мягких диванах и так мало благодарю за это Бога...

После короткого отдыха я засвидетельствовал инвалидам о Божьей любви и спокойно уснул. А наутро их куда-то отправили, и можно было лежать на деревянных нарах. Через несколько дней вызвали на этап и меня и в столыпинском вагоне повезли в киевскую пересыльную тюрьму. Снова пришлось терпеть обыски, духоту, смрад, унижение человеческого достоинства.

В этапной камере было так плохо, что я удивлялся, — худшего за все годы скитаний ещё не видел. Стёкла были выбиты, нары перекошены, везде — страшная грязь. Вдобавок ко всему в камере был бесноватый.

Я помолился и начал рассказывать заключённым о Боге. Бесноватый стал кричать, биться в истерике, рвать одежду.

Я попросил Господа, чтобы Он смирил этого несчастного человека. Один из воров взял доску и пригрозил ему. Бесноватый присмирел.

Здесь я встретил пожилого врача, армянина, которого тоже по спецнаряду везли в Райки. Через три дня нас вместе повезли поездом в Житомир. К счастью, недолго мы мучились в вагоне. В Бердичеве, по приказанию начальника колонии, нас пересадили в воронок и быстро привезли в лагерь.

Начальник колонии принял нас доброжелательно и хотел, чтобы мы сразу же приступили к работе — венерические больные, собранные из всех лагерей Украины, нуждались в срочном лечении.

Я попросил, чтобы дали нам хотя бы один вечер — помыться, привести себя в порядок, а утром мы уже приступим к работе. Начальник согласился. Нам выделили комнату на четверых — трёх фельдшеров и врача. Условия моей жизни изменились к лучшему.

В Райках заключённые работали на добыче камней из карьера. Мы лечили больных в отдельных бараках. Оказалось, что медиками тут были вольнонаёмные женщины, и они отказались лечить венерических больных. Поэтому нас и этапировали сюда. Трудностей в этой зоне было много, но Бог давал силы, мудрости и терпения, чтобы всё перенести и не потерять упования.

Уже через несколько дней, узнав о моём переезде, Лина со служителем из Винницы приехала на общее свидание. Её посещение укрепило меня и физически, и духовно. Она всегда приезжала и прилетала ко мне, где бы я ни находился. Через её служение и молитвы Господь много ободрял и укреплял мою душу, дух и тело.

Венерических больных было много — более ста сорока человек. В основном страдала молодёжь, пожиная последствия безнравственной жизни. Больные были злые, нервные, непослушные. У врача часто не хватало терпения отвечать на их назойливые вопросы и даже требования, и он всё бросал и уходил из больничного корпуса в жилую зону.

Лечение проводили круглосуточно, приходилось недосыпать,

я уставал. Хорошо, что начальник колонии освободил нас от общей проверки, это значительно облегчало жизнь.

Я не упускал случая рассказать несчастным о Божьей любви, но почва их сердец была так черства, что семя истины не принималось. Врач верил в Бога по-православному и относился ко мне с уважением. С ним мы тоже иногда беседовали.

В первые дни моего пребывания в Райках вызвал меня начальник отряда — молодой лейтенант. Заполнив карточку, он крайне удивился тому, что в наше время кто-то ещё верит в Бога, и стал доказывать мне, что Бога нет. Я рассказал ему, как у меня зародилась вера, и он прекратил убеждать меня, но говорить другим о Боге категорически запретил. Я сказал, что навязывать свои убеждения никому не хочу, а на вопросы заключённых отвечать буду.

Уже в конце беседы он спросил, познакомился ли я с пятидесятниками, которые отбывают уже второй пятилетний срок за отказ от присяги и оружия. Я ещё не слышал о них, но через несколько дней нашёл их, и мы познакомились.

Два христианина из Бердичева действительно получили уже по второму сроку за твёрдость в исполнении воли Божьей. В выходные дни и по вечерам мы встречались, беседовали, молились, иногда пели. Были у нас некоторые разногласия в отношении Духа Святого, но мы старались этих вопросов не касаться, радуясь, что можем вместе прославлять Бога за спасение в Иисусе Христе.

Евангелие у нас было, но читали мы его не всегда — книгу нужно было прятать от посторонних. Отрядные очень часто делали обыски и у пятидесятников, и у меня, но Бог хранил для нас Евангелие, и мы сердечно благодарили Его за это.

Иногда надзиратели заставляли нас вместе, когда мы молились или пели, но не разгоняли и даже не запрещали собираться. Бывало, они проходили мимо, делая вид, что не видят нас.

Отрядный же не оставлял меня в покое. Он часто приходил к нам в комнату и делал у меня обыск, стараясь найти

Евангелие. Периодически он вызывал меня в свой кабинет и запрещал писать в письмах о Боге, разговаривать с заключёнными на религиозные темы. Я понимал, что это ему нужно для отметки о проведённой со мной очередной беседе.

На мою просьбу официально получить Евангелие отрядный ответил категорическим отказом и заявил, что это недозволенная книга.

Оперуполномоченный ни разу не вызывал меня. По-видимому, моё перевоспитание было поручено отрядному, поскольку многие из начальства считали меня неисправимым. Сажать в ШИЗО или отправить в другую зону меня не могли, потому что здесь была большая нужда в фельдшере.

Однажды вечером нас — всех медработников — вызвал отрядный. В кабинете у него уже было несколько человек из больничной хозобслуги и вольнонаёмные медсёстры из санчасти. Неожиданно появились два майора из управления. Они поинтересовались работой в больнице и спросили двоих из хозобслуги, какой у них срок. Меня тоже спросили о сроке, и, когда я ответил, один поинтересовался:

— Почему вы не подаёте заявление на условно-досрочное освобождение?

Я сказал ему, что согласно их законам не исправился. Глядя на безнравственную жизнь окружающих, я ещё глубже уверовал, утвердился в истинности избранного пути. Поэтому меня никто не освободит раньше срока. Выслушав это, майор посоветовал всё же написать заявление, но я отказался.

В сентябре 1971 года меня вызвали в кабинет начальника колонии, где уже были А. Ф. Фисуненко из Киева и А. А. Бондарь из Кировограда. Фисуненко сразу начал обвинять меня и наше братство в том, что мы идём против власти, занимаемся клеветнической деятельностью, не выполняем законы. Он зачитал несколько выдержек из наших братских листов, из журналов, а также из бюллетеней Совета родственников узников. Более часа длилась его речь. Потом стал говорить Бондарь. Он более спокойно дополнял обвинения. Я молчал и мысленно взывал к Богу, чтобы Он дал мне мудрости правильно ответить на все обвинения и

послал сострадание к этим людям и желание молиться об их спасении.

Когда Бондарь кончил свою речь, наступило молчание. Молчали долго. Потом он с некоторой досадой заметил:

— Мы тут нервничаем, кричим, а он сидит себе спокойно-ненько. Почему вы молчите?

— Вы же начальники, а я заключённый, баптист. Если я тоже начну кричать, что тут будет?

Снова несколько минут молчание, потом Фисуненко спокойно спросил:

— Ну что, вы хотите условно-досрочно освободиться?

— Нет,— сказал я. — Мне осталось полгода, по окончании срока и поеду домой.

Задав несколько вопросов о работе и самочувствии, они отпустили меня. Особого значения этой беседе я не придал. Помолившись, доверил всё в руки Божьи и по-прежнему терпеливо ждал конца срока.

Вскоре после этой беседы в колонию привезли брата Даниила из Житомира. Встреча наша была тёплой, радостной. Узнав, что он не служитель и даже не проповедник, я спросил, за что же его посадили. Оказывается, он во время богослужения, когда приезжала милиция, становился за кафедру с Библией в руках, а служителя просил сесть. Так его и арестовали как проповедника. Я восхищался его смелостью и жертвенностью. Слава Богу, что есть в церкви такие христиане — незаметные, простые, готовые положить душу свою за братьев!

Даниил рассказал, что из их церкви судили двоих — его и ещё одного Даниила. Одного осудили на три года, другого — на два с половиной.

Мы вспоминали наши молодёжные общения, проповеди братьев, вспоминали, как милиция разгоняла нас, и благодарили Бога за право страдать ради Его имени. Со слезами мы молились о детях и молодёжи, чтобы никто из них не ушёл с истинного пути и не продал душу свою дьяволу.

Посредством страданий Господь испытывал нашу веру, желая видеть нас верными. Наблюдая за гонениями в нашей

стране, весь мир мог узнать, на что способно безбожие. Мы с Даниилом с великой скорбью вспоминали, как служители ВСЕХБ защищали действия атеистов и, разъезжая по другим странам, устно и письменно твердили, что в Советском Союзе полная религиозная свобода.

Многие заключённые удивлялись, как нас могли осудить за веру в Бога, а некоторые считали, что мы просто скрываем какие-то преступления. Однако мы с чистой и спокойной совестью могли смотреть людям в глаза и свидетельствовать о Господе, дающем свободу всем обременённым.

Заключённые и в этой зоне относились ко мне хорошо, с уважением. Я тоже старался любить их, помогать им, особенно в духовных вопросах.

Тяжёлые лагерные условия, несправедливое отношение начальства угнетало заключённых, и они злились, ругали правителей и начальников, некоторые даже хулили Бога. Я же во всех трудностях находил отраду в Господе. Молитвы родных и церкви, письма тоже приносили мне утешение и бодрость. Я часто пел. Более ста гимнов я знал наизусть, и самыми любимыми среди них были: «О Боже, Боже, дай мне силы», «Ты знаешь путь», «С хвалой к Отцу Небесному», «Земля бесплодная», «Закат обагрился», «Люблю, Спаситель, в Книге дивной», «Я усталый, изнурённый». Утром после молитвы я всегда пел гимн «От сна восставши», а вечером — «Я отдыхать на ночь ложусь» и какую-нибудь песню об узниках. Вспоминая наши собрания и большие общения, я часто пел: «Хорошо, когда вместе в общенье мы сольёмся единой хвалой...»

Раз в месяц, а особенно перед праздниками, в лагере делали тщательный обыск. В жилой секции всё переворачивали вверх дном. Забирали ножички, деньги, чай, наркотики и другие запрещённые предметы. Всех заключённых в это время загоняли в клуб или столовую, раздевали догола и осматривали тело и одежду, прощупывая на ней каждый рубец. Вся эта процедура длилась обычно около четырёх часов. После личного обыска можно было идти в секцию и наводить порядок в своих вещах.

Досрочное освобождение

*Храни меня, Боже, ибо я на Тебя
уповаю.*

Пс. 15, 1

В начале октября 1971 года один заключённый сказал мне, что я на днях выйду на свободу. Он подслушал разговор между начальниками и был уверен, что это правда. Я ответил ему, что досрочному освобождению не подлежу, потому что не исправился в том, за что меня осудили. Когда же я через несколько дней пошёл к отрядному с заявлением на личное свидание, он сказал:

— Личное свидание будет дома.

Хотя я и не писал заявления, как это положено по лагерным правилам, меня всё же вызвали на наблюдательную комиссию по условно-досрочному освобождению. Председатель комиссии — замполит колонии — спросил мою фамилию, имя, отчество, по какой статье осуждён и какой отбываю срок. Ответив на его вопросы, я уточнил:

— Вы на самом деле хотите представить меня на УДО?
Я же нисколько не исправился!

Начальник режима удивлённо посмотрел на меня:

— Ну хоть немного исправились же?

— Нет. Моя вера стала ещё глубже.

Тогда начальник спросил замполита:

— Как же его освобождать?

Замполит повернул ко мне голову и отчеканил:

— Мы лучше вас знаем, исправились вы или нет!

Он попросил меня выйти в коридор, а через несколько минут позвал.

— Комиссия решила предоставить ваше дело на суд для условно-досрочного освобождения,— объявил председатель.

Я понял, что слухи и разговоры были небезосновательны и суд действительно могут устроить и освободить меня. Атеисты хотели вызвать у верующих недоверие ко мне, поэтому решились на такой шаг. Мне не хотелось идти на

свободу этим путём, поэтому радости я не ощущал.

Свои переживания я рассказал Даниилу, и он посоветовал мне не отказываться от УДО.

— Что же подумают верующие, когда узнают, что меня, служителя Совета церквей, освободили досрочно, а тебя, рядового христианина, томят в лагере? — печально спросил я.

21 октября 1971 года меня вызвали на суд. Судья спросил, сколько мне осталось до конца срока, и предложил членам суда (их было человек семь) задавать мне вопросы. Наступила гробовая тишина. К удивлению, даже прокурор молчал. Тогда судья объявил, что суд освобождает меня от дальнейшего наказания.

Эту весть я принял без особой радости. Отказаться же от освобождения тоже не мог — это послужило бы соблазном для заключённых, которые решили бы, что я не в своём уме. Узнав о моём освобождении, Даниил радовался, как ребёнок, и просил меня заехать к его родным и сообщить о его благополучии.

22 октября меня и ещё семерых мужчин вывели из зоны. Документы и деньги на дорогу выдали сопровождающему офицеру, и он повёз нас на железнодорожный вокзал города Бердичева. Я попросил его отпустить меня в Житомир, но он не отпустил.

— Я знаю, что вам можно верить и вы ничего плохого не сделаете, но выдать вам документы не могу, потому что другие тоже потребуют, — сказал он. — Мне приказано отдать документы в поезде, чтобы вы все уехали из нашего города. На первой же станции вы можете сойти и ехать в Житомир.

Я так и сделал. С большими трудностями, уже поздно вечером, я разыскал квартиру Даниила и порадовался в общении с его семьёй. Как они были благодарны Богу за моё посещение! Они приняли меня, как Ангела Божьего!

На следующий день я посетил семью другого брата Даниила и там вместе с дорогими друзьями прославил Господа за Его водительство, охрану и безграничную любовь к нам.

Вечером я был уже в Кировограде. Домашним я ничего

не писал о досрочном освобождении, и меня не ждали. Два с половиной года я не был дома, и теперь сердце моё учащённо билось, а душа, предвкушая радость встречи, пела Богу хвалу.

Вот и наш домик — маленький, низенький. Здесь живут мои дорогие и любимые.

Как всегда, первым меня увидел Павлик. Ему уже четырнадцать лет.

Переступив порог дома, я счастливо произнёс:

— Мир вам!

Слёзы радости, объятия, поцелуи. У Лины радость смешана с некоторым испугом. Чувствую, что переживает: чистым ли, верным ли вернулся я из горнила страданий.

В первую очередь мы преклонили колени перед Богом, Которому были обязаны тем, что снова вместе, что встреча наша радостна. Потом мы спели гимн «Дорогие минуты нам Бог даровал», и я стал рассказывать о своём освобождении.

До глубокой ночи мы не могли разойтись, вспоминая о трудностях, о Божьих благодеяниях и Его утешении, об участии церкви в наших скорбях. Мне вспомнились в этот вечер слова В. Ф. Марцинковского, вернувшегося из Таганской тюрьмы после семимесячной разлуки с родными. Он сказал: «Ради такой радости стоило посидеть в тюрьме!»

После голых железных нар, тюремных и лагерных матрасов, я лёг в чистую мягкую постель и долго не мог уснуть от наполнявшей грудь радости.

В воскресенье было тепло и солнечно. Мы всей семьёй поехали на богослужение. В те годы церковь собиралась в домах верующих или просто под открытым небом — в саду, посадке или в лесу.

При встрече с церковью было много радости. Рассказав о досрочном освобождении, я спросил у братьев и сестёр:

— Верите ли вы, что я не дал никаких греховных обещаний и на отступление не пошёл?

— Верим! — в один голос ответили христиане.

«Как важно быть верным в слове, в жизни, в любви, в духе, в вере, в чистоте», — думал я, вспоминая пожелание

апостола Павла. Доверие церкви меня очень радовало, и я благодарил Бога за Его великую милость ко мне.

В тот день мы всей общиной около трёх часов славили Господа и утешались нашей общей верой. Многие христиане, как и в дни апостола Павла, узнав, в каких обстоятельствах находятся братья в узах, ободрились и стали с большей смелостью, безбоязненно проповедовать слово Божье.

Труд на свободе

Благодарю давшего мне силу, Христа Иисуса, Господа нашего, что Он признал меня верным, определив на служение.

1 Тим. 1, 12

Согласно существующим законам, я должен был со справкой об освобождении явиться в милицию, собрать все необходимые подписи и только после этого прописаться к семье. Мне пришлось побывать в пяти кабинетах. Офицеры категорически запрещали говорить о Боге, требовали соблюдать законодательство о культах, идти в регистрированную общину. Каждый предписывал в ближайшее время устроиться на работу. Беседы проходили мирно, лишь один молодой офицер угрожал и предупреждал об ответственности повышенным тоном. Я старался всем сказать, что Бог даёт смертным людям вечную жизнь и избавляет от зла обременённые грехом души. Только в пятом кабинете беседы не было — сотрудник милиции молча подписал мою справку.

Недели через две меня приняли фельдшером на прежнее место — в областную психиатрическую больницу. Приняли без всяких ограничений и напоминаний о судимости. Многие сострадали мне, и лишь некоторые относились с презрением, недоброжелательно. Я старался поступать благопристойно, как и учит Слово Божье.

Главврача за время моего отсутствия повысили в должности — он стал заведующим облздравотделом, а его место занял заместитель. При первой же встрече новый главврач передал мне, что прежний главврач очень хотел встретиться со мной. Через несколько дней я пошёл к нему в облздравотдел.

Бывший главврач встретил меня доброжелательно, расспросил о здоровье семьи, о моём самочувствии. Потом он поинтересовался, не нуждаемся ли мы в медикаментах или же в курортном лечении, в чём он охотно помог бы. Его внимание ко мне и моей семье было очень приятно и непривычно. Я сердечно поблагодарил этого человека за участие и сказал, что мы по милости Божьей здоровы и ни в чём не нуждаемся. А курорты мы не посещаем, считая лучшим местом отдыха деревню, где можно провести время на лоне созданной Богом природы.

Работал я в наблюдательной палате, где находились тяжелобольные, страдающие ужасными галлюцинациями, белой горячкой от употребления алкоголя, а также склонные к самоубийству. Я старался облегчить участь этих больных и нередко заступался за них перед санитарями, которые, потеряв терпение, начинали бить самых агрессивных.

С медработниками у меня были добрые взаимоотношения. Как мог, я помогал им в работе, участвовал в их личных переживаниях — старался утешить, указать на Бога, сильного менять наши жизненные обстоятельства и избавлять от зла.

Глядя на своих пациентов, я каждый день благодарил Бога за то, что Он даёт мне и моей семье здоровье, что окружает нас благополучием. А если Он иногда и допускает болезни, то Сам же и исцеляет.

Как служителю, мне нередко приходилось посещать верующих, которые переносили различные болезни. В первую очередь я советовал им исповедать грехи и попросить Бога об исцелении и укреплении. Так учит нас Слово Божье: «Болен ли кто из вас, пусть призовет пресвитеров Церкви, и пусть помолятся над ним, помазав его елеем во имя Господне. И молитва веры исцелит болящего, и восставит его Господь; и если он соделал грехи, простятся ему. Признавайтесь

друг пред другом в проступках и молитесь друг за друга, чтобы исцелиться: много может усиленная молитва праведного» (Иак. 5, 14–16). Верующим, прежде чем идти к врачу, нужно просить Божьего благословения и ожидать помощи от Господа, а не от людей.

Свободное от работы время я использовал для труда в церкви и в братстве. Нива Божья очень нуждалась в делателях. На работу в психбольнице у меня уходило много времени и сил. Слежки со стороны властей тоже были значительной помехой в служении.

Несмотря на гонения, и молодые, и пожилые обращались к Богу и присоединялись к церкви. Рискую свободой, служители совершали крещения, бракосочетания, рукоположения. Церковь жила, укреплялась в вере, хотя и много страдала.

Большой радостью для нашей семьи было крещение Нанди и Веры. Павлик вступил в завет с Господом немного раньше. Дети стали петь в хоре, и для меня это было особенной радостью, так как сам я не обладал музыкальными способностями, хотя и очень любил петь Господу.

Однажды меня пригласили в Знаменку сочетать молодых. В субботу я приехал в семью жениха, и его родители со слезами рассказали о том, что приходили представители власти. Они предупредили, что никакой свадьбы не будет, милиция не даст провести. Мы прочитали в Священном Писании напоминание о том, что в жизни любящих Бога не бывает таких ситуаций, о которых не ведал бы Господь, и попросили у Него помощи и защиты.

В воскресенье, несмотря на противодействие милиции, дежурившей на улице, христиане всё же собрались во двор жениха. Мы начали богослужение, затем совершили бракосочетание. Сотрудники милиции пришли, около часа посидели, попили компот и ушли.

После бракосочетания я решил сразу уехать домой в сопровождении одной сестры. Метров пятьдесят отошли мы от дома, как нас окликнула пожилая сестра. Догнав нас, она сказала, что два человека в гражданском, увидев, как я выходил со двора, дали кому-то распоряжение забрать меня на

дороге. Мы вернулись, и мне указали на женщину, которая сидела за столом недалеко от молодых и, наблюдая за верующими, что-то записывала. Хозяин предложил друзьям отвлечь её разговором, а мы с ним в это время незаметно ушли через соседский огород и благополучно миновали милицейские посты, расставленные на углах улиц.

Когда эта женщина увидела, что меня нет, она тут же сообщила об этом тем двоим в штатском. Они вызвали милицию и обыскали дом, сарай и даже помещение для скота. Я же благополучно приехал домой, благодаря Бога за услышанные молитвы. Так Господь испытывал нашу веру и учил полагаться на Него, посылая чудесную охрану и помощь.

Работники КГБ и милиции постоянно наблюдали за мной и на работе, и дома. Хорошо помогали им в этом деле соседи. Они следили за тем, кто к нам приходит, и сообщали в надлежащие органы — таким было повеление властей. Не один раз неподалёку от нашего дома останавливалась машина и, постояв минут десять, уезжала. Из неё никто не выходил, и в неё никто не садился. Мы понимали, что сотрудники КГБ прослушивали таким образом то, о чём говорят в нашем доме.

Однажды я автобусом поехал в Харьков на братское общение. В Знаменке в автобус вошёл представительный мужчина с чемоданчиком. Я вдруг понял, что это мой сопровождающий. Доехали до Днепропетровска, и шофёр объявил, что автобус сломался и дальше не поедет. Я быстро вышел и направился на железнодорожный вокзал. Узнав, что через несколько минут отправляется поезд на Харьков, я купил билет и побежал на перрон. Мужчина с чемоданчиком кинулся за мной. Я остановился и прямо спросил его:

— Вы почему преследуете меня?

Он резко остановился и от неожиданности не мог ничего сказать. Я сел в поезд и преследователя больше не видел. Подобные преследования были не редкостью.

Постоянное наблюдение властей и соседей, клевету и поношение от христиан из зарегистрированной общины — всё это приходилось переживать и нужно было побеждать верой в Господа. На поездки по городам и сёлам, на решение

всевозможных вопросов по домостроительству церкви тоже уходило много духовных и физических сил.

В начале 1973 года я решил оставить работу в психбольнице и всё время и силы отдать духовному труду на ниве Божьей.

Лина была мне хорошей помощницей во всех обстоятельствах. Воспитание детей, работа по дому и на производстве, забота о моей старенькой маме, приём гостей — всё это лежало на её плечах. Она делала всё с терпением, любовью и приветливой улыбкой. Её молитвенную поддержку я ощущал всегда, а в минуты опасностей — особенно.

Однажды братское совещание было назначено в Прибалтике. Мы собрались уже под вечер. Неожиданно пришёл местный брат и сообщил, что к ним приехала милиция и скоро будет здесь. Действительно, минут через десять после того, как мы ушли, приехала милиция. А на следующий день к другим хозяевам, которые приняли нас, пришёл агроном обмерить огород (дело было глубокой осенью). Это показалось очень подозрительным, тем более что у соседей обмера не делали. Более часа он занимался своим делом, а мы в это время молчали, опасаясь, что у него есть подслушиватель. По милости Божьей совещание прошло благополучно.

Мне в тот раз надо было уехать немного раньше, чем другим служителям, и один брат повёз меня в Ригу. Мы проехали уже около сорока километров, как брат заметил, что за нами следят:

— За нами уже долго едет чёрная «Волга» с двумя мужчинами. Что делать? — спросил он.

Я ответил, что нахожусь на нелегальном положении и если меня задержат, то дадут новый срок. Брат решил на одном из перекрёстков свернуть, не включая указателя поворота, чтобы «Волга» проехала прямо. Замысел удался — преследующие нас промчались мимо. Не доежая поста ГАИ, брат высадил меня. На автобусе я добрался до железнодорожного вокзала и благополучно уехал на поезде.

В другой раз мы с Михаилом Ивановичем Хоревым должны были ехать из Кишинёва в Одессу на членское собрание. Ночью во сне я получил предупреждение о смертельной

опасности в пути. Утром я рассказал об этом друзьям, мы помолились, попросили Господа избавить нас от несчастья и, предавшись в руку Божию, отправились в путь.

Билеты на автобус мы не смогли купить, потому что был праздничный день — 8 марта — и желающих ехать было очень много. Михаил Иванович нашёл частную машину: уже немолодые супруги ехали в Одессу и согласились взять нас за небольшую плату. По дороге случилось то, о чём меня предупреждал Бог во сне.

Навстречу нам шла грузовая машина. И вдруг из-за неё прямо на нас вылетели «жигули». Я только сказал: «Господи!» — и закрыл глаза, приготовившись к смерти. Ангел Божий умудрил нашего шофёра выехать на встречную полосу, и, когда «жигули» промчались мимо, за два-три метра от грузовика вывернул вправо. Машина от резкого поворота стала на два колеса и... только чудом мы не перевернулись. Шофёр затормозил и упал на руль с возгласом: «О Господи!»

Придя в себя от волнения, мы с Михаилом Ивановичем искренне поблагодарили Бога за чудесное избавление от смерти, испытывая искреннее желание служить Ему до последнего дыхания.

Хочу заметить, что среди верующих бытует неправильное понятие о сновидениях. Многие считают, что снам нельзя верить, так как на них основываются пятидесятники и ставят их даже выше слова Божьего. Да, здесь очень легко можно впасть в заблуждение. Бог через Иеремию порицал пророков, которые пророчествовали ложь, основываясь на снах. Однако в Книге Иова написано, что Бог может говорить с людьми во сне, в ночном видении. Поэтому необходимо иметь мудрость и различать, какой сон от Бога, а какой просто от переутомления или же от дьявола.

Некоторые ссылаются на то, что в Новом Завете о снах ничего не сказано. Это не совсем так. В Деяниях Апостолов приводится пророчество об исполнении Духом Святым, следствием чего является вразумление сновидениями. Иосиф, Анания, Пётр, Павел и другие мужи Божьи получали иногда наставление от Бога во сне.

Бог может говорить через сон в тех случаях, если нет возможности читать Священное Писание — в тюрьме, в больнице и в других подобных условиях. Мне в лагере иногда снилось то, что впоследствии происходило наяву. Открывая во сне то или другое, Бог облегчал мои переживания, утешал и вразумлял меня.

Однажды я заехал домой, и меня выследили. Во время завтрака пришёл участковый милиционер и увёз меня в отделение, где целый день начальник милиции и работник КГБ уговаривали устроиться на работу и зарегистрировать общину. Поздно вечером меня отвезли к председателю горисполкома, который потребовал подписку об устройстве на работу и отпустил домой.

Домашние уже думали, что меня посадили в тюрьму. Но мы снова могли радоваться возможности быть вместе и благодарили за это Бога.

Пришлось мне устроиться на стройку, но долго работать не смог. Нива Божья нуждалась в делателях, и, несмотря на угрозы работников КГБ, я снова ушёл на труд.

Арест и новый срок

И поведут вас к правителям и царям за Меня, для свидетельства перед ними...

Матф. 10, 18

Не долго наслаждался я общением с братством, церковью и семьёй. 19 декабря 1977 года меня снова арестовали.

Тюрьма дохнула своим зловонием. Оно было противно не только для тела, но и для души. И всё же, переступив порог камеры, я поблагодарил Господа за Его благую волю, искренне желая исполнять её до конца.

1 января 1978 года рано утром мне захотелось открыть форточку, но в камере нашлись возражающие, и я не открыл.

А в это время наша молодёжь недалеко от тюрьмы пела для меня христианские песни. Заключённые из других камер с наслаждением слушали их, удивляясь, откуда исходят такие красивые мелодии.

Днём во время прогулки надзиратель сказал мне, что утром молодёжь пела очень красивые Божественные песни. «Это, наверно, ваши были?» — спросил он. Я радостно кивнул, и у нас завязалась хорошая беседа о Боге.

9 февраля 1978 года меня судили как тунеядца. Ни жены, ни детей, ни друзей в зале заседаний не было. Чтобы создать видимость открытого суда, помещение заполнили пенсионерами. Я отказался участвовать в процессе, пока не приведут жену. Судья и прокурор решили всё же судить меня и вынесли приговор: один год лишения свободы в исправительно-трудовой колонии строгого режима.

На суде присутствовал наш сосед в качестве свидетеля, и я попросил его передать моей семье, что мне уже вынесли приговор. А перед посадкой в воронку я увидел проходящего мимо регента из нашей церкви. Я крикнул ему, что меня осудили на один год, и попросил сообщить об этом Лине.

В воронке Бог посетил моё сердце особой радостью, и я вспомнил стихотворение, посвящённое гонимой Церкви Иисуса Христа. Оно было очень близко и дорого всем страдальцам.

ГОЛОС В БУРЕ

Там, где неверия выюги
Рвутся к святыне стремительно,
Церковь, под ветром упругим
Голосу внемли Спасителя:

«Бедная, бросаемая бурей,
Штормы испытывшая борьбы,
Ты и в ссылках, и в суровых БУРах*
Побеждаешь силою любви.

* БУР — барак усиленного режима.

Осознав ответственность Невесты,
Ты, дерзая, радуешь Мой Дух,
Потому Я нераздельно вместе
От Голгофы в путь с тобой иду.

И когда судебным приговором
Дорогой лишаешься среды,
Я с тобой встречаю чёрный ворон
И колючей проволоки ряды.

И хоть нет Меня в тюремных списках
Ни теперь, ни в прошлые века,
Я к тебе в скорбях настолько близко,
Как к волне прибрежной берега.

Как и ты, иду в каменоломни,
Проникаю на лесоповал,
Радуясь, что дух в скорбях не сломлен
И в делах доказаны слова.

Ты на нарах — Я у изголовья,
На твой облик пристально смотрю
И, всю ночь прикованный, с любовью
Так встречаю раннюю зарю.

А когда желанная свобода
Распахнёт тюремные врата,
Первым Я приветствую у входа
Твою верность в трудные года.

Ты забыть желаешь зоны, вышки,
Ну, а если снова нары, строй?
Я уверен, что тогда услышу:
„Господи! Я и на смерть с Тобой!“

Твоя твёрдость стала всем знакома,
Только сердце всё равно скорбит,

Ведь услышишь: „Именем закона...“ —
И уйдёшь ещё не раз в Сибирь.

Дорогая! Потерпи немного,
Не предайся в горести слезам,
Я уже иду... Я у порога,
Чтобы взять тебя на небеса!»

В тюрьме я написал кассационную жалобу в областной суд.

«Приговор нарсуда Кировского района от 09.02.78 г. считаю незаконным по следующим мотивам:

1. На судебное заседание были собраны по усмотрению суда определённые люди, в основном пенсионеры, атеисты. Умышленно не допущены жена, дети, знакомые. С этой целью не были заранее разосланы повестки свидетелям П. Ф. Баркар и Н. И. Рыкову, их привезли в суд сотрудники милиции. По этой причине я отказался давать показания суду. Кроме того, оба свидетеля не беседовали со мной в отношении работы и здоровья, о чём они говорили в суде, а письменно они написали противоположное, как требовалось для моего обвинения.

2. Я подлежу Указу об амнистии от 04.11.78 г. как участник боевых действий по защите Родины с 05.03.42 г. по 11.11.44 г. Поэтому обвинение в туеядстве необоснованно, и дело должно быть прекращено на основании п. 7.

3. Совершенно не были затронуты мотивы моего увольнения с государственной работы, а эти мотивы следующие: как служитель культа я взят общиной ЕХБ на материальное обеспечение, о чём имеется протокол в деле, и как гражданин имею право исповедовать христианство на основании ст. 52 Конституции СССР, которая гласит: „Гражданам СССР гарантируется свобода совести, то есть право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, отправлять религиозные культы или вести атеистическую пропаганду. Возбуждение вражды и ненависти в связи с религиозными верованиями запрещается. Церковь в СССР отделена от государства и школа — от церкви“.

В ходе следствия мне предъявляли обвинение в том, что мы не зарегистрированы в горисполкоме. Мы подавали несколько раз заявление на регистрацию, но нам устно отказывали и предлагали исполнять законодательство о культах, которое противоречит свободе совести, гарантированной Конституцией.

В Киеве, Одессе, Харцызске, Чернигове и других городах (около тридцати) такие же верующие ЕХБ, как и мы, зарегистрированы без обязательства исполнять законодательство о культах. Разве законы по Украинской ССР не одинаковы для всех граждан?

Во времена госдеятельности В. И. Ленина не было законодательства о религиозных культах и верующих не судили.

Этой жалобой взываю к вашей совести и прошу справедливо разобрать её, хотя, по-видимому, она останется глазом вопиющего в пустыне. Пишу ради справедливости перед Богом и своей совестью. Если вы утвердите приговор, то за мной, моей семьёй и всеми верующими останется христианское право страдать за правду, молиться о своих гонителях и ожидать справедливого суда Божьего.

16 февраля 1978 г.

И. Я. Антонов»

Решением областного суда приговор был утверждён, и жалоба моя осталась неудовлетворённой.

Колония № 6

*Спасай взятых на смерть, и не-
ужели откажешься от обречённых на
убиение?*

Притч. 24, 11

С радостным и бодрым духом перешёл я в уже знакомое место — в колонию № 6 в Кировограде. Хорошо, что Лине не нужно будет далеко ездить на свидание. Родная церковь тоже рядом — я знал, что друзья молятся обо мне, и

это вселяло радость. А «весёлое сердце благотворно, как врачевство» (Притч. 17, 22). Поэтому я не болел. От унылого же духа очень много страданий! Таких страдальцев я встречал на своём пути немало, особенно в лагерях.

После десятидневного карантина меня отправили к начальнику колонии для распределения на работу. Начальник был новый, не знакомый мне. Полистав моё дело, он грозно посмотрел на меня и громко сказал:

— Я из тебя эту дурь выколочу!

— Вы думаете, что все верующие глупые? — спокойно спросил я.

Он подумал немного и тихо ответил:

— Вы обиделись? Простите меня, простите.

Меня направили в строительную бригаду разнорабочим. Работа была не тяжёлая, но грязная. Через время меня поставили плотником на строительстве жилого помещения для заключённых. Здесь условия были легче и работа чище.

Когда стройка закончилась, меня перевели в мастерскую по изготовлению металлических ящичков. Мой напарник оказался очень злым человеком, ярым противником Бога. Он делал мне много зла — оскорблял меня, воровал у меня заготовленные детали. Я молился и терпел. Однажды мы работали во вторую смену. Так получилось, что он сильно поранил руку и у него открылось кровотечение. Я с любовью подошёл к нему, остановил кровь, сделал перевязку своим бинтом. Этим участием я собрал ему на голову горящие уголья. После этого его отношение ко мне изменилось, и я радовался, что исполнил заповедь: «Не будь побеждён злом, но побеждай зло добром» (Рим. 12, 21).

Через короткое время произошёл ещё один случай, который живо напомнил мне, что Господь со мной, что Он оберегает меня от злых людей. Работали мы во вторую смену. Когда пошли на ужин, я оказался в строю последним. Неожиданно подбежал ко мне какой-то заключённый, схватил за руку и потащил за собой, умоляя помочь человеку. Мы забежали в помещение, а там на перекладине висит в петле молодой человек. Заключённый попросил поддержать

повешенного, а сам железкой перерезал верёвку и убежал. Я помолился и начал делать искусственное дыхание. Мужчина ожил. В это время пришли надзиратели и медсестра, и я, стараясь остаться незамеченным, ушёл в столовую. После ужина меня вызвали к оперуполномоченному, чтобы я рассказал о случившемся. Особенно их интересовало, кто подвёл меня к повешенному. Я сказал, что фамилии не знаю, потому что тот человек из другого цеха, а в лицо тоже не запомнил его — тут все похожи друг на друга.

Больше меня не вызывали по этому поводу, а потерпевшего отправили из санчасти в другую колонию. Ко мне после этого подошли двое заключённых и строго спросили:

— Зачем ты оживил повешенного?

Я ответил, что верю в Бога и считаю своим долгом помогать оказавшимся в беде. Тогда они сказали, что лишь по этой причине меня в этот раз не тронут, но если подобное повторится, то убьют и меня. Тот человек был бригадиром в колонии для несовершеннолетних и сильно издевался над заключёнными, за что его и повесили. После этого случая я с трепетом благодарил Бога за то, что Он на самом деле хранит меня и никто не может сделать мне зло!

Из мастерской меня перевели в сварочный цех уборщиком. Там я за два часа до конца смены убирал, а остальное время выдавал электроды. Как-то раз сварщики пригласили меня поесть жареной картошки. Я поел, поблагодарил их, но в следующий раз, когда узнал, что они воруют картошку со склада, отказался есть.

Осенью и зимой в цехе было холодно, и заключённые иногда разводили костёр, чтобы погреться. Это категорически запрещалось. Однажды мы грелись у костра и кто-то крикнул:

— Хозяин идёт!

Все быстро убежали, остался я один. Начальник подошёл, спросил меня, кто развёл костёр. Я не знал этого. Он постоял, подумал и пошёл дальше, хотя мог бы за разведение костра наказать меня.

Моим перевоспитанием в этот раз не занимались, но дру-

гим заключённым запрещали разговаривать со мной на религиозные темы. Господь по Своей верности укреплял меня, и я беседовал с людьми, наставлял приближённых, желая спасения каждому. У нас было Евангелие, и мы украдкой читали его и тщательно прятали.

По пятницам и воскресеньям я всегда постился. Нужды церкви были близки моему сердцу, и я молился о всех братьях и сёстрах, желая, чтобы они ходили в истине, укреплялись в вере и ни в чём не страшились противников.

На свободе

К Тебе прилепилась душа моя; десница Твоя поддерживает меня.

Пс. 62, 9

19 декабря 1978 года в десять утра меня вывели за вахту. Лина и дети, а также регент нашей церкви встречали меня с цветами, их глаза излучали неподдельную христианскую любовь. Благодарность всемогущему Богу! Мы живы, идём узким путём, принадлежим Господу,— что есть выше этого?

Сколько раз наш маленький, чисто убранный домик был свидетелем встреч и расставаний! А сколько их ещё впереди?

Мне пошёл уже шестидесятый год, то есть приблизился пенсионный возраст. Поэтому, отдав должное прописке и прочему документальному устройству, я решил на государственную работу не устраиваться, а посвятить время труду в братстве.

Началась уже знакомая мне жизнь: особое наблюдение властей, вызовы, угрозы, обольщения. Я старался меньше бывать дома, всецело посвятив себя на служение в других церквях.

Господь не оставлял без милостей, заботливо хранил меня и учил, хотя я, к сожалению, нередко вёл себя подобно своевольному дитяти.

Однажды приехал я в Брянск в воскресенье, перед вечерним собранием. Зашёл к друзьям по вере. Они сразу спросили, не сидел ли кто на лавочке у соседей, когда я проходил. Я ответил, что сидели две женщины и мальчик лет десяти. Друзья сказали, что эти люди всё доносят властям, поэтому мне на богослужение лучше не ходить. Я помолился Богу, и Он дал мне мир в сердце и понимание, что нужно идти. Собрание прошло спокойно, благословенно. Ночевал я у тех же друзей, к кому и приехал.

Утром брат ушёл на работу, а сестра собралась на пруд полоскать бельё. Дом она пообещала закрыть на замок. Я по-

Проповедь Евангелия была для Ивана Яковлевича делом всей жизни

молился и сел читать Библию. Через время в комнату вбежал соседский мальчик, которого считали предателем, но, увидев меня, испуганно выскочил и помчался вдоль улицы. Я решил, что он побежал в милицию. Вместо того чтобы помолиться и спросить у Господа, что мне делать, я взял сумку и, узнав у детей, играющих во дворе, где тропинка через поле, перешёл в другой дом. Часа через три пришла сестра, из дома которой я ушёл, и сказала, что мы с мальчиком испуга-

лись друг друга. Оказывается, он всегда следит за домом и, когда взрослые уходят и дверь остаётся незапертой, забегаёт и ворует деньги. В этот раз мальчик заскочил с тем же намерением, но, увидев меня, испугался и убежал. Сестра же забыла закрыть дверь на замок, хотя и обещала.

Мне стыдно было перед Богом, что дал место человеческому страху и принялся спасать себя сам, не попросив об этом Его. А вот Давид не так поступал, он говорил Богу: «Когда я в страхе, на Тебя я уповаю» (Пс. 55, 4).

Посетил я однажды двух сестёр в Макеевке. Они жили в одном доме, им обоим было уже за тридцать. Когда я пришёл, сёстры сидели за столом и о чём-то беседовали. Я поинтересовался, о чём они говорили. Сёстры переглянулись, немного помолчали, а потом поделились своими переживаниями.

Трудности их жизни усугублялись тем, что не было моральной поддержки со стороны церкви.

— У нас совершаются молитвы об узниках и их семьях, о больных, солдатах, детях, молодёжи, о служителях,— говорили сёстры. — И это очень хорошо. У нас проходят молодёжные и подростковые общения, родительские собрания. А об одиноких сёстрах вспоминают лишь тогда, когда нужно что-то сделать. Как будто у нас ни души нет, ни переживаний никаких — ни один служитель не спросит, как и чем мы живём...

Я выслушал сестёр с участием. Действительно, как мало мы заботимся о тех, кто остался одиноким! Я решил в сердце своём впредь уделять внимание таким сёстрам и всегда молиться о них.

Через время Господь послал этим сёстрам мужей, каждая из них обрела семью. А я ещё и сегодня молюсь о тех, кто по доброй воле отказался от семьи и посвятил себя на служение Богу, а также о тех, кто не по своей воле остался один. Силен Бог сохранить таких смиренных и верных христианок, поставивших волю Божию превыше всего. К сожалению, сегодня есть и такие, кто уступил плоти и искалечил свою жизнь, связав себя узами брака с неверующим человеком. Помилуй их, Боже!

Четвёртый арест и суд

Если бы не Господь был с нами, когда восстали на нас люди, то живых они поглотили бы нас...

Пс. 123, 2–3

Участковый милиционер выследил, когда я приехал домой, и тут же пришёл и увёл меня в отделение. Там оформили санкцию на арест, и я вновь оказался в хорошо знакомой тюрьме. Это было 29 июня 1979 года. Я просил Господа, чтобы Он укрепил меня и услышал молитвы родных и церкви.

Мне вновь предъявили обвинение в тунеядстве. Во время следствия работники КГБ предлагали мне уехать из Кировограда, утверждая, что на новом месте я смогу жить спокойно. Но я говорил им, что они вслед за мной пошлют соответствующую характеристику, и меня везде будут преследовать, штрафовать и судить. Потом я сказал следователю:

— Вы хоть и распространяете о нас слухи, что мы американские шпионы, но сами хорошо знаете, что это неправда! Вы знаете, что мы простые верующие и никому не желаем зла.

Следствие прошло быстро, и 31 июля 1979 года состоялся суд. Заключение утверждали, что суд оправдает меня, так как через три недели мне должно исполниться шестьдесят лет. Однако я чувствовал, что получу срок.

Хотя в приговоре написали, что суд был открытый, фактически проходило закрытое заседание. Меня ввели в здание суда с чёрного хода и завели в небольшую комнату, где, кроме состава суда и двух свидетелей-соседей, никого не было.

Я спросил судью:

— Суд открытый?

Получив утвердительный ответ, я потребовал привести жену и детей. Судья дал милиционеру указание выпустить жену, если она пришла. Через несколько минут она вошла с сумкой продуктов и вещей. На мой вопрос, знала ли она о суде, Лина ответила:

— Только вчера была здесь и мне сказали, что суд будет ещё не скоро. А сегодня увидела, что сосед не пошёл на работу, и поняла, что меня просто обманули.

Когда суд уходил на совещание, я попросил разрешения поест, потому что в тюрьме обед уже прошёл. Судья не разрешил. Однако милиционер проявил человеколюбие и позволил мне пообедать и даже взять что-нибудь из продуктов с собой.

Суд вынес приговор — два года лишения свободы в лагерях строгого режима. Мы попрощались с Линой, предали друг друга (в который раз!) в руку Божью и расстались.

Офицер, сопровождавший меня, сказал мне в воронке:

— Я вижу, что вас несправедливо осудили, но вы не унывайте, Бог вам поможет.

Да, я ожидал помощи Божьей, надеялся на неё, и только поэтому у меня хватало силы прощать недругов, молиться за обижающих и благодушествовать в стеснённых обстоятельствах.

Заключённые в камере были крайне возмущены несправедливым приговором. Угостив их домашними продуктами, я сказал, что и этот суд не случаен для меня, потому что моя судьба — в Божьих руках.

Когда меня перевели в рабочую камеру, я написал кассационную жалобу, на которую получил стандартный ответ: осуждён правильно, приговор остаётся в силе.

После напряжённого духовного труда тюрьма была своеобразным отдыхом: режим, отсутствие острых переживаний о служении. Теперь мне нужно было благовествовать окружающим и молиться об оставшихся на свободе: о семье, о церкви, о служителях, а также о правителях.

После утверждения приговора меня снова перевели через калитку в заборе в колонию № 6. Там приняли всех заключённых, которые были со мной, а меня отправили назад.

Недовольный начальник тюрьмы, возвращаясь со мной, сказал:

— Тебя и лагерь уже не принимает!

Меня завели в пустую камеру. Я склонился на колени и у ног любимого Господа получил несказанный мир и радость. Затем, глядя в тюремное окошко, я запел:

О нет, никто во всей вселенной
Свободы верных не лишит!
Пусть плоть боится цепи тленной
И пусть тюрьма её страшит,
Но мысли, тьмой порабождённой,
Сам Бог любви свободу дал,
И цепи ей, освобождённой,
Доныне мир не отковал!..

О нет, никто во всей вселенной
Не похитит богатств у нас!
Пусть на алтарь борьбы священной
От нас возьмут в жестокий час
И серебро, и что имеем,—
Мы совесть чистой сохраним,
Мы тайной счастья владеем
И ею мир обогатим!

Осмысливая всё происходящее, я понял, что в этот раз меня не оставят в Кировограде. Господь сказал мне, что здесь я уже свидетельствовал о Нём, теперь Он пошлёт меня в другую колонию.

Ночью меня вызвали на этап и воронком повезли в Знаменку. Оттуда столыпинским вагоном переправили в Белую Церковь, в колонию № 45.

Был воскресный день. После унижительного обыска и тяжких оскорблений меня поместили в жилой барак хозобслуги. Я помолился и крепко уснул.

После обеда я вышел во двор и от всей души поблагодарил Бога за солнечный свет и свежий воздух. Вспомнив, что за забором, в городе, живут мои друзья в Господе, которые молятся за меня и мою семью, я воспрянул духом, желая и на этом месте прославлять моего дивного Отца.

Стали подходить заключённые и узнавать, откуда меня привезли, за что посадили, есть ли семья. После первого знакомства на беседу приходили в основном пожилые.

Начальство, знакомясь с моим делом, сказало, что посадили

меня по какой-то злобе, потому что статья не подходит по возрасту. На производство меня не посылали, а предложили убирать в столовой и чистить картошку, если хочу. Я согласился.

На следующий день, когда мы чистили картошку, в столовую зашёл вольный и поздоровался со мной, назвав по имени. Я ответил на это приветствие несколько удивлённо, а потом он мне сказал, что его родной брат — служитель церкви. Я знал, что заключённые донесут начальству и этому человеку несдобровать за общение со мной. Так оно и было. Ему много угрожали, но с работы не уволили. После этого мы редко встречались и здоровались лишь кивком головы.

Начальник отряда один раз побеседовал со мной, что-то записал в мою карточку и больше не тревожил.

Размышляя о жизни заключённых, я пришёл к убеждению, что атеизм — это тяжёлая хроническая болезнь души. Человек без Бога — раб греха, поэтому он совершает самые разные преступления. Никакой режим не может его исправить. Только Христос освобождает от власти греха и даёт жизнь с избытком. Многие знают бывших преступников, которые, уверовав в Бога, стали добрыми, хорошими людьми. И всё же правители, вместо того чтобы поощрить верующих и разрешить проповедь Евангелия, стараются искоренить веру, навлекая на себя тем самым гнев Божий.

Некоторые заключённые искренне не понимали, почему Бог допускает мне такие же страдания, как и им, преступникам. Я обычно отвечал, что это отчасти ради них. Бог хочет, чтобы все люди спаслись, и для этого даже в такие места посылает Своих рабов, чтобы они засвидетельствовали об истине. Заключённые сами говорили, что со мной можно поговорить по душам, и я напоминал им это, добавляя, что всегда стараюсь дать им добрый совет, молюсь об их спасении. Эти слова обычно располагали заключённых ко мне, и они удивлённо переспрашивали: «Неужели на самом деле ты ради нас страдаешь?»

Беседуя с людьми и думая об их судьбе, я благодарил

Бога, Который избавил меня от безбожия и подарил жизнь с избытком, жизнь вечную. Атеизм же не принёс людям ничего доброго — человек продолжает жить во зле, мучить себя и других. Будущее безбожников тоже ужасно — их ожидает ад и озеро огненное. Правдиво выразился Ф. М. Достоевский: «Гибель народу без Слова Божьего, ибо жаждет душа Его Слова...»

Каждый день я питал свою душу теми запасами, которые собирал на свободе, заучивая стихи из Библии. Особенно ночью, когда всё затихало, можно было спокойно повторять житительные слова нашего Господа.

Несмотря на запреты, друзья всё же смогли передать мне Евангелие. Со слезами радости я тайно читал его и прятал, умоляя Бога сохранить книгу при обысках. Письма и поздравительные открытки сообщали мне о жизни братства, и я ликовал о том, что великий Бог не оставляет Свой народ: ни обольщения со стороны ВСЕХБ, ни угрозы атеистов не действовали на верных христиан, они покорялись Богу и продолжали идти узким путём по следам Христа.

Глубокой осенью меня направили в санчасть санитаром. Работы там было много, и я старался быть добрым самарянином для несчастных больных.

Ежедневно утром и вечером я должен был убирать палаты, три раза кормить больных, участвовать в амбулаторном приёме, помогать зубному врачу, а также приводить с производства травмированных и искусственно кормить заключённых в ШИЗО. Кроме того, каждую вторую ночь нужно было дежурить — в случае травмы на производстве оказывать помощь и два-три раза открывать надзирателям помещение санчасти для проверки.

Мой напарник — мужчина средних лет, осуждённый за кражу, — вначале хорошо относился ко мне и добросовестно выполнял свои обязанности, а потом всё его усердие куда-то исчезло, и мне приходилось работать ещё и за него, особенно ночью. Я поговорил с ним, и он пообещал исправиться, но слово не сдержал. И тогда я, отработав санитаром месяц, решил уйти с этого места.

Подойдя к начальнику санчасти, я попросил освободить меня от работы санитаря. Не спросив у меня причины, он вызвал моего напарника и, по-видимому, строго выговорил ему. Тот попросил у меня прощения и пообещал работать как положено.

В тот год наша дочь Надя выходила замуж за проповедника Костю Сысоева. Я духом присутствовал на бракосочетании и, глубоко смиряясь перед Богом, просил у Него благословения на новую семью. Свадебные фотографии, которые прислали мне дети, смотрели многие заключённые.

Один раз встретил меня оперуполномоченный и сказал:

— Мы рассматривали свадебные фотографии ваших детей. У вас что, на самом деле не бывает на столах даже вина?

— Нет.

— Счастливые... Ну да, вам же запрещено... — добавил он.

Я пояснил ему, что дело не в запрете. На зоне спиртное тоже запрещено, но каждый день несколько заключённых попадают в изолятор за пьянку. Начальник подтвердил, что это так.

— Счастье наше в том, что у нас нет желания пить спиртное, от которого бывает много горя,— продолжил я. — И если бы даже поставили на стол самое дорогое вино, никто из христиан к нему не притронулся бы. В этом и заключается истинная свобода, которую даёт Иисус Христос. Он освободил нас от греха, в том числе и от употребления спиртного, и вложил в нас прекрасное желание прославлять своего Господа.

— Не понимаю,— пожал плечами оперуполномоченный.

— Если поверите Господу, то поймёте,— закончил я. — Он и ваше сердце освободит от зла и греха.

На первое личное свидание в Белую Церковь приехали Лина, Павлик и Надя, удалось также увидеть и зятя Костю. Некогда апостол Павел, увидев братьев, ободрился и возблагодарил Бога. Такое же состояние было и у меня. Наша радость тоже выразилась в благодарственных молитвах и славословии Господа.

Трое суток пролетели мгновением, и свидание, как обычно, должно было закончиться расставанием. Но печаль наша не была безотрадной — мы верили в жизнь без разлук. По

молитвам многих святых Бог давал мне силы переносить все скорби и страдания без ропота, даже с радостью и благодарностью. «Благодарю давшего мне силу, Христа Иисуса, Господа нашего...» (1 Тим. 1, 12).

После трёхдневного фавора Господь снова повёл меня служить арестантскому народу.

Месяца за три до освобождения меня вызвали в кладовую для получения бандероли. Надзиратель спросил, кто из моих родственников живёт в Англии. Я ответил, что родных по плоти у меня там нет, а родных по духу, то есть верующих,— много.

Перечитав адрес отправителя, он удивлённо сказал:

— Бандероль прислали англичане. Как они узнали о тебе?

Я коротко рассказал о взаимоотношениях верующих, о родстве в Иисусе Христе и о Божьей любви, наполняющей сердце христиан.

Заключённый кладовщик, выслушав меня, сказал надзирателю:

— Видишь, как у них — лично не знают, а помогают. А у нас — совсем не так. Меня только посадили, жена тут же вышла замуж за другого...

В бандероли были шоколадные конфеты и записка на английском языке. Кладовщик перевёл её мне: «Дорогой брат Иван! Мы узнали, что вы находитесь в узах за Слово Божье. Мы молимся о вас и посылаем небольшой подарочек».

Получив конфеты, я угостил кладовщика, а надзиратель отказался — ему не положено по инструкции.

Заключённые, узнав о бандероли, в очередной раз должны были убедиться, что среди верующих царит удивительная любовь, основанная на вере в Бога.

Приближался день моего освобождения. Я передал работу другому санитару, раздал вещи нуждающимся. Последняя беседа с работниками санчасти прошла в добром расположении духа. Один из них с состраданием пожелал мне больше никогда не попадать в тюрьму, а лучше жить на нелегальном положении. Я понял, что он хорошо знал, как преследуют верующих на свободе.

Снова свободен

*...Уста наши были полны веселья
и язык наш — пения...*

Пс. 125, 2

Утром 29 июня 1981 года не было обычного объявления об освобождении по лагерному радио. Пришёл надзиратель и тихо спросил меня:

— Вы готовы к освобождению?

— Всегда готов,— радостно кивнул я.

Взяв сумочку с письмами, я пришёл на вахту. Дежурный офицер спросил, на чём я намерен ехать домой.

— На автобусе, который идёт в Кировоград,— сказал я.

В ответ он властным тоном отчеканил, что я должен дожидаться начальника отряда, который посадит меня на поезд, идущий через Знаменку.

Обыскивая меня перед выходом, капитан хотел отобрать письма, но я возразил — они ведь проверены лагерной цензурой! После некоторых переговоров письма отдали.

За воротами меня неизменно ждала Лина, а также сын, дочь и некоторые друзья.

До свидания, лагерь! Здравствуй, желанная свобода!

В административном здании я получил паспорт, справку об освобождении и заработанные двести сорок девять рублей. Здесь начальник тоже сказал, чтобы я ждал отрядного.

Подождав минуты три, я помолился и спросил у него:

— Я вольный человек или ещё заключённый?

— Конечно вольный,— с некоторым недоумением ответил начальник.

Тогда я сказал, что отрядного ждать не буду. Он пожал плечами и ничего не ответил.

Мы сразу пошли к христианам, жившим недалеко от лагеря, и провели радостное общение, свидетельствуя друг другу о милостях великого Бога и прославляя Его за неизреченную любовь.

Не прошло и часу, как пришёл участковый милиционер

и хотел войти в дом, заявив, что здесь есть посторонние люди. Хозяйка ответила ему, что посторонних нет, и в дом не пустила.

К вечеру мы собрались идти на вокзал, чтобы уехать домой, но сын наших друзей сказал, что Бог помог ему приобрести машину и он хочет её обкатать, проехав до Кировограда. Мы поблагодарили за такую жертву и с радостью воспользовались его радушием. Окольными путями брат объехал посты ГАИ и благополучно привёз нас в родной город.

Зная, что за домом следят, мы попросили водителя близко не подъезжать и вышли на соседней улице. Он уехал, а мы пришли в свой домик и склонились на колени.

Во время молитвы постучал участковый. Он велел мне утром прийти в отделение милиции. Там он настоятельно спрашивал, какими путями я выехал из Белой Церкви. Я понял, что они намерены следить за мной и дальше.

Вечером в нашем доме собрались друзья, чтобы вместе поблагодарить Бога за пройденный путь. После молитвы запели гимн: «Отраду небесную для сердец нам послал Отец». Заканчивая пение, мы увидели множество милицейских фуражек — непрошенные гости ринулись в дом, грубо прервав наше мирное общение. Заместитель начальника милиции приказал разойтись, угрожая отправить всех в отделение. Мы помолились, договорились встретиться в посадке, и друзья разошлись. Бог укрепил нашу семью, мы помолились и спокойно отдыхали в ту ночь.

Этими действиями власти хотели навести страх на соседей и отвратить их от веры в Бога.

Утром дети ушли на работу, а я пошёл в милицию — надо было прописаться. Пришлось выслушать грозные предупреждения и оскорбления. Мне вновь угрожали арестом и тюрьмой. Представители власти с гневом запрещали всякую религиозную деятельность, стараясь как можно чувствительнее унижить меня.

Я стоял и молился о них, понимая, что они — рабы греха и потому не знают, что делают. Когда начальник замолчал, я попросил выслушать меня. Спокойно и миролюбиво я сказал

ему, чтобы он не кричал зря и берёг своё здоровье, а меня, если можно, прописал к семье. Если же этого нельзя сделать, то я буду жить и без прописки.

Он уже более спокойно ответил, что не прописать он не имеет права, но если я буду продолжать религиозную деятельность, то меня будут наказывать серьёзнее — осудят уже по 209 статье, которая позволяет приговорить к пяти годам лагерей и ссылке.

Как ни стремились правители искоренить веру в Бога, церковь всё же росла и укреплялась. В воскресенье утром мы собрались в посадке, километра за два от города, и целый день провели в назидательном, радостном общении. Были гости из других городов, сёстры из Совета родственников узников. На удивление, власти не приехали. Бог слышал молитвы Своих детей и укрыл нас от врагов.

Я рассказал братьям и сёстрам, как Бог хранил меня, как беседовал со мной, утешал, защищал от дьявольских сил. Испытывая глубокое блаженство, мы вместе прославляли Бога.

Вечером мы разъехались по домам окрылённые, ободрённые Самим Богом, искренне желая и дальше идти узким путём.

Атеисты продолжали преследовать верующих, но вместе с тем через уполномоченного по делам религиозных культов и служителей из зарегистрированной церкви старались прельстить нас ложной свободой. Так, уполномоченный Крепак вызвал меня однажды и стал расхваливать законодательство о религиозных культах.

Я перебил его:

— Вы хотите, чтобы в Кировограде было больше верующих? Подумав, он сказал:

— Мы хотим, чтобы не было ни одного верующего!

— Вот поэтому для вас законодательство хорошее, а для нас — очень плохое, потому что мы хотим, чтобы христиан было много! А ваше законодательство не разрешает говорить людям о спасении и даже запрещает делать добрые дела.

Тогда он, стукнув кулаком по столу, закричал:

— Будем судить! — и выгнал меня из кабинета.

Служители из официальной церкви прислали нам письмо,

в котором просили встретиться для беседы о единстве. Мы отказали им. Тогда нас вызвал секретарь горисполкома и предложил регистрацию. Мы и это предложение отвергли.

Сотрудник КГБ А. Ф. Фисуненко тоже вызывал нас на беседу. Он говорил, что, по учению Маркса и Энгельса, церковь оживает от гонений и что наблюдения Кировоградских властей подтвердили это.

— Вы укрепляетесь в гонениях,— говорил он. — Весь мир называет вас мучениками за веру, а мы терпим позор. И хотя боязливые уходят от вас в зарегистрированную церковь, ваши ряды только очищаются от этого. Мы решили оставить вас в покое и посмотреть, что будет.

Сказав это, он спросил моё мнение по этому поводу.

— Хотя вы и понимаете, что лучше не гнать, но в сердце у вас дьявольский дух, и вы просто не можете не притеснять нас,— ответил я. — Мы и не рассчитываем на спокойную жизнь, ведь Сам Христос сказал: «Если Меня гнали, будут гнать и вас».

Фисуненко заверил меня, что гонений больше не будет. Однако через несколько месяцев меня снова арестовали.

Христиан не только штрафовали и сажали в тюрьмы, не только увольняли с предприятий и исключали из учебных заведений, но и помещали некоторых в психиатрические больницы, где проводили принудительное лечение. Всё это возможно было перенести лишь силой возлюбившего нас Иисуса Христа.

В нашу областную психбольницу поместили уверовавшую учительницу из района. Мы с Линой пошли посетить её, но свидания нам не дали. Тогда мы обратились за помощью к главврачу. Он позвонил лечащему врачу и велел нас впустить. Однако тот начал кричать на нас, всячески оскорблять и опять выставил за дверь ни с чем.

Главврач заверил нас, что здорового человека не могут держать в психбольнице. Я попросил его узнать у лечащего врача, в чём выражается сумасшествие нашей сестры. Лечащий долго что-то объяснял главврачу. Выслушав его, он сказал нам:

— Женщина молится Богу и поёт Божественные песни.

— Это делают все верующие, значит, мы все сумасшедшие? — удивился я и добавил: — Мы будем писать ходатайства в Киев и Москву, если учительницу не выпишут.

Главврач ещё раз позвонил лечащему и пообещал нам, что на следующий день учительницу выпишут, если за ней приедет муж (он был неверующим).

Своё обещание главврач исполнил.

А брат из Луганской области — Хайло Владимир — несколько лет томился в психбольнице закрытого типа. Его сильно лечили как сумасшедшего. Лишь благодаря усиленным молитвам народа Божьего он остался в здравом уме.

Однажды Лина напомнила мне просьбу парализованного брата — он хотел, чтобы я посетил его. За ним ухаживала неверующая дочь, и когда я пришёл, её не было дома. Мы провели в радостном сердечном общении около трёх часов, затем помолились, и я собрался уходить. Брат сказал, что хочет проводить меня. На удивление, он поднялся и неторопливо прошёл со мной до ворот.

Дома я рассказал Лине, как брат провожал меня, и она крайне удивилась: ведь он лежачий больной! А позже мы узнали, что у брата была такая вера — когда я освобожусь из заключения, мы вместе помолимся и он получит исцеление. По его вере Господь оказал ему великую милость. После этого покаялись две его дочери. Слава Богу!

Пятый арест

*Боже!.. К Тебе прилепилась душа
моя; десница Твоя поддерживает меня.*

Пс. 62, 9

Начало 80-х годов отличилось усилением бесчеловечных репрессий против христиан. 17 февраля 1982 года в Полтаве арестовали нашего сына Павла. Сфабриковав дело, 6 мая его осудили на три года.

Немного побыв дома после освобождения, я снова ушёл на нелегальное положение, потому что открыто совершать служение в братстве было просто невозможно. Я посещал церкви по сёлам и городам, бывал в семьях узников, встречался с сёстрами из Совета родственников узников, участвовал в молодёжных общениях, в братских совещаниях.

Укрываясь от преследований, я побывал во многих и многих домах моих братьев и сестёр. Сколько встретил я жертвенности и любви! Христиане охотно принимали тружеников в свои дома, кормили, создавали им уют, поддерживали материально и этим служили Самому Господу. Как приятно было в таких домах отдохнуть, побыть наедине с Христом!

Благодаря усердным молитвам многих христиан, в нашем братстве работало издательство «Христианин». Типографию укрывали в своих домах простые и жертвенные христиане. Бог слышал молитвы церкви и оберегал тружеников, защищал их, давал им силы и мудрости. Вечная слава и честь нашему Спасителю и Защитнику!

14 мая 1982 года я приехал в Кривой Рог на встречу с Линой. Дух подсказывал мне, что за нами наблюдают из соседнего дома и подслушивают. Мы были у друзей в коммунальной квартире. Через два часа после того как Лина ушла, пришёл участковый милиционер с мужчиной в штатском. Они обошли все комнаты, заглянули в туалет, кладовки и шкафы и, не обнаружив меня, ушли. Я помолился и решил тоже уйти в сопровождении хозяйки.

Мы недалеко отошли от дома. Неожиданно к нам с одной стороны подъехали «жигули» с двумя мужчинами в штатском, а с другой стороны — милицмейская машина. Меня посадили в милицмейскую и привезли в отделение.

Дежурный капитан, заполняя бумагу на арест, спросил: — Что ж так мало вы скрывались на свободе?

Это случилось в пятницу, я был в посте. Вечером меня привезли воронком в КПЗ и посадили в многолюдную камеру. После знакомства сокамерники предложили мне хлеб, соль и воду. Я с благодарностью съел предложенное, помолился и на цементном полу проспал в плаще до шести утра.

После подъёма и туалета выдали пайку хлеба и баланду. Я съел её без аппетита, но с благодарностью Богу. Часа через два меня вывели из камеры и офицер сказал:

— Сейчас вас повезут в лес на прогулку, а потом снова привезут сюда.

Я понял, что он хотел напугать меня, но я знал, что жизнь моя находится в руках Господа, а Ему дана всякая власть на небе и на земле. Вера в это наполняла моё сердце миром и покоем.

Два милиционера обыскали меня, забрали у меня вещи и деньги, посадили в милицейскую машину и повезли. Приехали мы не в лес, а в кировоградскую тюрьму. Там меня не приняли, и мы поехали в отделение милиции. Определили меня в КПЗ, в камеру, где уже был один мужчина. Я помолился, лёг на нары и заснул.

Через некоторое время дежурный разбудил меня и передал мне хлеб, масло и сахар. Я с удивлением спросил, от кого всё это.

— Мир не без добрых людей,— весело сказал дежурный и захлопнул кормушку.

Я склонился на колени и со слезами поблагодарил Бога за пищу и за жертвенность тех, кто её передал. Позднее я узнал, что друзья из Кривого Рога приехали к Лине и сообщили ей о моём аресте. Она незамедлительно разыскала меня и передала необходимое. Действительно, у любви свои законы,— как любил повторять наш дорогой брат и Божий служитель Николай Петрович Храпов.

Отрадно сознавать, что жена, дети и друзья помнят тебя, молятся о тебе. Их любовь и участие зажигает сердце ещё сильнее и крепче любить Господа, ревностно служить Ему, не отступать от Его заповедей.

Я поделился продуктами со своим сокамерником, ещё раз помолился и лёг отдыхать. В воскресенье целый день вспоминал тексты Писания и размышлял о слове Божьем, молился о всех гонимых и узниках, о церкви, детях и молодёжи, а также о гонителях.

На душе было мирно, хотя я хорошо сознавал, что атеисты

постараются исполнить обещание и по 209 статье дать мне самый большой срок. Однако Бог был со мной, и ни дьявол, ни люди не могли сделать мне зла без Божьего позволения. Я заботился лишь о том, чтобы остаться верным, ничего не утрашиться и ничем не обольститься.

Вспоминая родных и близких, которые со слезами молились и переживали обо мне, я думал над словами: «Блаженны плачущие, ибо они утешатся». Этим чудесным утешением является наш Господь, и только Он!

В понедельник к обеду меня вызвали к уже знакомому следователю. Он очень вежливо объявил мне, что будет вести моё дело. После короткого допроса мне возвратили часть моих вещей, взяли отпечатки пальцев и воронком перевезли в тюрьму — ещё не забытое, мрачное и зловонное жилище.

После бани и карантина меня поместили в небольшую камеру. Там уже сидел один заключённый. Коротко познакомившись со мной, он показал свой приговор — его осудили на двенадцать лет. Возмущаясь несправедливостью суда, он спросил у меня, что ему делать. Духом я почувствовал, что это «наседка». По внешнему виду, дорогим сигаретам и по вопросам, которые он задавал, я убедился, что мои подозрения верны. Отвечать ему на вопросы у меня не было желания.

Через несколько дней моего сокамерника увели, а вместо него привели троих. В камере стало слишком душно — заключённые варили чифирь, сжигая тряпки и бумагу.

Лина прислала мне деньги, и я мог отовариваться в ларьке на десять рублей в месяц. Голодным, можно сказать, не был.

Следователь вызывал меня несколько раз, но я сказал, что ни на какие вопросы о церковной жизни отвечать не буду. В моём деле было много обвинений по поводу документов Совета церквей и бюллетеней Совета родственников узников. Особенно отмечалось то, что я вовлекаю в веру детей, молодёжь и солдат и нарушаю законодательство о религиозных культах.

Через пять месяцев следствие закончилось. Мне вручили обвинительное заключение на десяти листах, и дело передали

в суд. Я хотел отказаться от защитника, но меня вызвала адвокат и передала просьбу Лины — не отказываться, чтобы она могла знать день суда. Тогда я согласился, но сказал адвокату, что мне всё равно дадут пять лет лагерей и пять лет ссылки с конфискацией имущества. Я советовал ей не защищать меня, чтобы не повредить своему положению и не лишиться должности. Она ответила, что будет действовать по закону и последствий не боится.

Суд назначили на 10 ноября 1982 года.

Перед судом я получил от Лины письмо, которое прибавило мне духовных сил. Оно сохранилось, и мне хочется привести его с некоторыми сокращениями.

«„Только будь твёрд и очень мужествен“.

Возлюбленный Господом, горячо любимый мною, детьми и друзьями, дорогой Ванечка! Да благословит тебя Господь в эти трудные минуты! „Да услышит тебя Господь в день печали, да защитит тебя имя Бога Иаковлева. Да пошлёт тебе помощь из Святилища и с Сиона да подкрепит тебя“.

Хочу, мой любимый, напомнить тебе, что с тобою Господь, с тобой я, дети, друзья, с тобой справедливость и правда. Не смущайся, только веруй и будь твёрд и очень мужествен. Борьба нелёгкая, но свет всегда побеждает тьму...

Хотя ты будешь выглядеть перед сильными мира как Давид перед Голиафом, как пастушок, не смущайся. Скажи своему сердцу, если оно станет подводить тебя: „Не дрожи от страха — Господь со мной! Он сильный ратоборец!“...

Помни, что ты несёшь на себе поношение нашего Господа, это Он в твоём лице оклеветан, поруган, брошен в тюрьму. Прошу тебя, Ванечка, не посрами Его святого имени, покажи на деле, что ты Его служитель. Хочу видеть тебя со знаменем любви в руках, твёрдым, непоколебимым...

Дома всё нормально. Павлик бодр, благодарит Господа за милости и любовь. Мы молимся о тебе. Мы с тобой. От многих, многих друзей сердечный привет. Я согласна принять всё, что Он допустит.

28.10.82 г.

Любящая тебя Лина».

Пятый суд

Ни одно орудие, сделанное против тебя, не будет успешно; и всякий язык, который будет состязаться с тобою на суде, ты обвинишь. Это есть наследие рабов Господа...

Ис. 54, 17

10 ноября 1982 года меня привезли в здание нарсуда Кировского района города Кировограда. Увидев жену, дочерей и друзей, я возблагодарил Бога и ободрился. Однако суд в этот день не состоялся. Судья объявил, что процесс переносится из-за отсутствия свидетелей Матвея и Семёна Волощенко. Это мой свояк с сыном из зарегистрированной общины. Я понял, что это не настоящая причина откладывания суда. И только когда меня привезли в тюрьму, я узнал, что умер Л. И. Брежнев (глава государства. — Прим. ред.). По-видимому, из-за этого отложили суд.

Суд состоялся 23 ноября в том же зале. Я попросил Евангелие, потому что меня обвиняли как верующего. Адвокат поддержала мою просьбу, но прокурор и судья отклонили.

Из свидетелей особенно отличился участковый. Заикаясь, он прочитал в угоду прокурору и судье клеветническую бумагу, в которой называл меня иудой, обзывал всякими непристойными словами. Через несколько месяцев после суда он умер от рака. Некоторые соседи говорили Лине, что это Бог наказал его за ужасную клевету на меня.

Когда вызвали моего свояка, он начал говорить:

— Это очень хороший человек. Не понимаю, за что его судят.. Судья перебил его и больше не дал ему слова.

У Семёна Волощенко судья спросил:

— Правда, что ваша церковь зарегистрирована и вас никто не судит?

— Нет, не судят,— ответил он.

— А кто правильнее живёт — они или вы?

— Они,— тут же ответил Семён.

— Почему же вы не живёте так, как они?

— Потому что вы сажаете в тюрьму, а я боюсь её.

Мне понравился ответ Семёна. Он сказал правду.

Прокурор много клеветал на меня. Адвокат доказывала, что я не подлежу осуждению по 209 статье, а только по 138 — за нарушение Законодательства о религиозных культах.

Перед моим последним словом судья предупредил:

— От вашего последнего слова зависит срок наказания.

Я знал это. Если бы я склонился на их сторону, меня вообще освободили бы. Но это было бы изменой Богу, Который подарил мне спасение и вечную жизнь.

— Хочу быть верным Христу,— сказал я. — Знаю, что вы осудите меня на пять лет лагерей, добавите пять лет ссылки, конфискуете имущество, отправите куда-то в Сибирь, где я могу умереть, а потом посмертно реабилитируете... Однако для меня мир с Богом дороже всего.

Свою речь я закончил словами песни:

Есть радость в том, чтоб люди ненавидели,
Добро считали злом,
И мимо шли, и слёз твоих не видели,
Назвав тебя врагом.

Есть радость в том, чтоб вечно быть изгнанником
И, как волна морей,
Как туча в небе, одиноким странником
И не иметь друзей...

Судья зачитал приговор — пять лет лагерей, пять лет ссылки и конфискация имущества.

Бог наполнил моё сердце совершенной радостью.

Когда меня, окружённого милицией, словно ужасного преступника, выводили из зала суда, Вера бросила мне на голову букет цветов и крикнула:

— Папа, это тебе за верность Господу!

Цветы схватил милиционер.

Из тюрьмы я написал в областной суд кассационную жалобу.

«ОБЪЯСНЕНИЕ-ПРОТЕСТ

Ознакомившись 08.12.82 г. с записью хода судебного разбирательства, протестую против того, что записано очень много обвинений и нет никаких доводов в оправдание. Некоторые факты извращены.

1. Я просил у суда разрешение получить для защиты Евангелие московского издания, а не „требовал религиозную литературу“, как записано.

2. Записано, что в 1954 году я стал служителем церкви, а я в то время стал лишь членом церкви.

3. Записано, что в 1961 году нас исключили из зарегистрированной общины. Фактически мы были исключены по указанию уполномоченного из Совета по делам религиозных культов за то, что выступали против его грубого вмешательства во внутренние дела церкви (он снял регента, запрещал некоторым братьям проповедовать, запрещал крестить молодёжь, присутствовать детям на собрании). Примерно через полтора-два года все эти действия были осуждены и грубое вмешательство прекращено.

4. Не записано, что большинство бюллетеней Совета родственников узников были изданы, когда я находился в лагерях, и к изданию их я не имел никакого отношения.

5. Почти нет записей о том, что я около трёх лет (с 05.03.42 г. по 11.11.44 г.) участвовал в Отечественной войне и спас жизнь сотням раненых, за что и был награждён орденом Красной Звезды. Я был осуждён 11.11.44 г., а не в 1943 году, как записано.

6. Я не требовал, чтобы экспертом был только верующий, я просил, чтобы экспертами были и неверующий, и верующий для объективного заключения о литературе.

7. Записано, что я учил верующих солдат отказываться от присяги, а я говорил, что это личное убеждение каждого на основании Евангелия, где сказано: „не клянись“.

8. Записано, что мой зять К. А. Сысоев был судим за отказ от службы в армии, а на самом деле он отслужил и был осуждён на 1 год за неявку в горвоенкомат по вопросу переподготовки, хотя это нарушение должно наказываться лишь в

административном порядке, как сказал в суде представитель из горвоенкомата.

9. Защитное слово адвоката Л. А. Лободзинской записано очень коротко. Отсутствуют мотивы, по которым я не подлежу обвинению по ст. 209 ч. I УК УССР.

10. Не записано, что мы имеем право воспитывать детей в религиозном духе на основании Указа Президиума Верховного Совета от 1962 года. Подробно же записаны слова общественного обвинителя, который без всяких доказательств заявлял, что я запрещал детям носить галстук.

Прошу областной суд учесть эти замечания при разборе кассационной жалобы и дописать в протокол судебного разбирательства необходимые данные.

09.12.82 г.

И. Я. Антонов».

Областной суд, состоявшийся 24 декабря того же года, утвердил приговор районного суда.

Уже из лагеря, 4 августа 1983 года, я написал более подробную жалобу в Верховный суд Украинской ССР и тоже получил ответ, что осуждён правильно.

В 1991 году, 25 сентября, когда я, отбыв пять лет лагерей и полтора года ссылки, был по помилованию уже на свободе, Президиум Кировоградского областного суда вынес следующее постановление:

«Приговор Кировского районного народного суда г. Кировограда от 23 ноября 1982 года и определение судебной коллегии по уголовным делам Кировоградского областного суда от 24 декабря 1982 года в отношении Антонова Ивана Яковлевича отменить и делопроизводство прекратить за отсутствием в его действиях состава преступления.

Признать, что Антонов Иван Яковлевич необоснованно осуждён и подлежит реабилитации согласно Закону УССР от 17.04.91 г.».

Мои скитания

Другие испытали поругания и побои, а также узы и темницу... скитались в милотях и козых кожах, терпя недостатки, скорби, озлобления.

Евр. 11, 36–37

Недели через две после суда меня вызвали на этап. Был поздний вечер. После тщательного обыска заключённых погрузили в воронок. Машина полностью закрытая, лишь вверху было два маленьких отверстия для воздуха. Ничего не видно, но по движению машины я догадывался, что везут в Знаменку, на узловую железнодорожную станцию. Мысленно прощаюсь с семьёй, с друзьями и... с гонителями. Вспоминаю слова любимого гимна: «Ты знаешь путь, хоть я его не знаю... Пусть неизвестно мне, куда иду я, но я спокоен — путь мой знаешь Ты».

Посадили в столыпинский вагон. Там, как всегда, душно, много людей. Двое заключённых обыскивают всех и забирают всё, что хотят. В моём мешке нашли тёплое нательное бельё. Зная, что я верующий, спросили, можно ли взять. Я сказал, что меня, очевидно, повезут в Сибирь и бельё мне будет очень нужно. Если бы я ехал домой, то всё отдал бы. Мужчины оставили мне бельё, но перед Днепропетровском снова пришли и, извинившись, забрали.

В Днепропетровске нас повезли в тюрьму. Там я попал в камеру, где было человек шестьдесят. Накурено, воздух тяжёлый, хотя стёкла в окнах все выбиты. На дворе холодно — стоит декабрь. Мне досталось место на нижних нарах, недалеко от окна. Спали не раздеваясь и в обуви.

Ночью воры стали проверять наши вещмешки и обыскивать каждого, заглядывая даже в рот, нет ли золотых зубов и коронок, чтобы снять. Узнав, что я верующий, меня не трогали и мой мешок не развязывали.

На следующий день они позвали меня в свой угол и спросили, правда ли, что в вагонзаке я лишился тёплого белья.

Я подтвердил это. Тогда они предложили мне взять новое бельё из отобранных ими вещей. Я отказался, пояснив, что не желаю быть соучастником грабительства. Они смутились и извиняющимся тоном попросили:

— Ну, ты на нас не обижайся.

Через несколько дней нас воронком перевезли в посёлок Мирный, в колонию строгого режима. Десять дней все жили в карантинном бараке и через забор знакомились с заключёнными. Я тоже подошёл однажды к забору и спросил, есть ли на зоне верующие. Мне тут же сказали, что есть, Анатолий Рубленко. Как я радовался и сердечно благодарил Бога за этого брата, хотя ещё ни разу в жизни не видел его! Встретившись, мы прямо на улице по-братски поприветствовались.

К сожалению, я попал не в тот отряд, где был Анатолий. А отряды отгорожены один от другого железной решёткой, чтобы заключённые не общались.

Меня определили в отряд, где начальником был парторг колонии. Как только я получил постельные принадлежности и место в жилой секции, меня вызвали к отрядному. Он посмотрел на меня с гневом и в присутствии оперуполномоченного громко сказал:

— Запомни, никакого Бога нет! Я здесь бог!

Вызывающе глядя мне в глаза, он ожидал ответа.

Я спокойно сказал, что он действительно похож на земного бога — может посадить в ШИЗО, лишит ларька, предоставит на УДО и так далее. Но если завтра его постигнет болезнь, от которой он умрёт, какой же тогда он бог? Бог живёт вечно и другим даёт вечную жизнь.

В конце концов отрядный стукнул по столу кулаком и отрезал:

— О Боге — никому ни слова! Иначе — ШИЗО и будем судить!

На работу меня определили в механический цех на одиночный пресс. Работали в три смены, но мне было не тяжело. Я благодарил Бога за то, что Он окружает меня Своей милостью и сглаживает горечи Своим присутствием.

С братом Анатолием мы встречались каждый день, беседовали, молились. Но недолго длилось наше общение.

Дней через десять после того как я устроился и всё пошло своим чередом, один заключённый сообщил мне:

— Отрядный не нарадуется, что тебя отправляют на дальний этап.

Я сразу же сказал об этом Анатолию, мы помолились и предали друг друга в невидимые руки любящего Отца.

Анатолий подарил мне старенький бушлат, который очень пригодился мне в этапе, а через несколько лет я отдал его тувинцам в ПКТ, чем доставил им немалую радость.

Утром после развода меня оставили на этап. Сдав постель, я пошёл к начальнику режима за разрешением отовариться в ларьке на десять рублей. Начальник объявил, что меня отправляют на Курилы, и я тут же вспомнил слова псалмопевца: «Взойду ли на небо — Ты там; сойду ли в преисподнюю — и там Ты. Возьму ли крылья зари и переселюсь на край моря,— и там рука Твоя поведёт меня, и удержит меня десница Твоя» (Пс. 138, 8–10).

Начальнику я сказал, что мне не страшно ехать даже на край света, потому что Бог обещал хранить меня везде. Он удивлённо проговорил:

— Что вы за народ? Вас ничем не испугаешь!

Подписав заявление на получение продуктов, он заметил:

— Не думайте, что это Бог заставил меня подписать, просто я добрый человек.

И вот я снова в пути. Воронок, столыпинский вагон, харьковская пересыльная тюрьма. Опять вагон, затем свердловская пересыльная тюрьма. На дворе зима, а в камере стёкла выбиты. Людей много, более ста человек. Места нет даже на полу, свободно только под нарами.

Старший по камере, которого звали Толиком, подозревал меня и, узнав, что я верующий, дал команду выделить мне место на нижних нарах у двери. Я стал отказываться, но другие заключённые убедили меня не противиться. Сразу же начались беседы, которые доставляли мне много радости.

Недели через две нас поместили в этапную камеру. Дым,

смерд, крик, драки, слёзы. В камере около трёхсот человек. Это было подобие ада не только для тела, но и для души. Я с трудом пробрался к двери и молил Бога о том, чтобы не потерять сознание. Вдруг открылась дверь и приказали всем выходить на обыск. Свежий воздух взбодрил меня, и я поблагодарил Бога за услышанную молитву.

Странствование по Сибири в столыпинском вагоне ничем особенным не скрасилось. Я молился, вспоминал места Священного Писания и мысленно пел: «По тундре, по суровой Сибири, за правду Божию наших братьев везут...»

В этапе до самого Кызыла Толик из свердловской пересыльной тюрьмы всегда давал мне самое удобное место — на средней полке. Я много беседовал с людьми и о Боге, и на медицинские темы. Как-то конвоир, проходя мимо, услышал, что я говорю о Боге, и удивлённо остановился. Озираясь, не слышит ли командир, он сказал, что тоже верит в Бога, Который однажды ответил ему во сне на очень важный вопрос. После этого разговора он старался сделать для нашего купе что-нибудь доброе: приносил воду, открывал окно для проветривания, рассказал, куда нас везут.

В Ачинске мне надели наручники, словно страшному преступнику, и перегрузили в другой вагон, идущий на Абакан. В Абакане пересадили в воронок и километров тридцать везли до Минусинска в пересыльную тюрьму. Воронок был так набит, что я не доставал ногами до пола и висел, зажатый между людьми.

— Дед, ты ещё живой? — и тут вспомнил обо мне Толик и командовал, чтобы меня перебросили к нему на колени.

Там, конечно, было намного лучше.

Через день нас таким же образом привезли назад в Абакан и самолётом, в наручниках, переправили в Кызыл — столицу Тувы.

В колонии Кызыла

*...Многими скорбями надлежит
нам войти в Царствие Божие.*

Д. Ап. 14, 22

Так в конце 1982 года я оказался в колонии Кызыла. Десять дней карантина прошли в холодном изоляторе. Стояли тридцатиградусные морозы, а окна в камере были забиты жестью, стёкол не было. После карантина меня определили в барак неработающих, так как мне уже исполнилось 63 года.

Когда мы получали постельные принадлежности в бане, тувинец спросил меня:

— Ты такой же верующий, как Кабыш?

— Да,— ответил я.

Тогда он принёс мне новое бельё, и я понял, что Николай Ильич оставил здесь хороший след. Мне было приятно, и я поблагодарил Бога за верность этого служителя.

В жилом бараке ко мне сразу же подошёл старый тувинец — шаман — и, ударяя себя в грудь, стал часто повторять:

— Я сатана, я сатана!

Я сказал ему, что он — человек, а сатана живёт в его сердце. После этих слов он упал на постель, заболел, а через короткое время умер.

Мне нашлось место на верхних нарах. Я поблагодарил Господа за то, что могу свободно отдыхать, выходить на свежий воздух, петь, молиться, беседовать с людьми.

Завхоз — пожилой тувинец — вызвал меня к себе в каптёрку для знакомства. Он задал несколько вопросов, что-то записал в карточку, а потом спросил:

— Правда, что у вас на Украине хорошее сало?

— Да, хорошее,— улыбнулся я.

— Передай жене, чтобы на свидание привезла побольше сала,— оживлённо попросил он. — Я постараюсь занести его в зону, и мы будем вместе есть.

Я написал об этом Лине, и она привезла сало, которое неизвестным образом оказалось в зоне, и мы с завхозом

Счастливые моменты в годы разлуки.

Пришло письмо от мужа — узника за дело Евангелия

долго ели его, подкрепляя свои силы.

Приехав ко мне, Лина остановилась в семье пожилых христиан в Кызыле. По сей день я благодарю Бога за эту семью, которая не стыдилась узников. Несмотря на поношения и угрозы, они всегда принимали моих родных, а раньше — родных Николая Ильича. Да воздаст им Господь и в этой жизни, и в вечности!

Вместо положенных трёх суток свидания нам дали только одни сутки. Двадцать четыре часа пролетели очень быстро, и я возвратился в зону печальный и огорчённый тем, что нас умышленно лишили двух суток свидания. Но после молитвы Господь утешил меня словами: «Покажи на мне знамение во благо, да видят ненавидящие меня и устыдятся, потому что Ты, Господи, помог мне и утешил меня» (Пс. 85, 17).

Месяца через два меня вызвали к начальнику и предложили работать кочегаром в бане. Я попросил сутки на размышление и молитву и на следующий день дал согласие. В колонии

половина работоспособных заключённых была без работы, и я понял, что меня начальство решило загрузить, чтобы я уставал и постоянно был на виду. А для меня работа была большим моральным облегчением, хотя физически мне было тяжело. Я радовался, что могу послужить людям, заработать пусть даже мизерные деньги и получить дополнительные два — четыре рубля на отоваривание в ларьке.

Работать нужно было через сутки. Ночью, во время дежурства, я мог спокойно молиться, а днём — беседовать с теми, кто получал и сдавал бельё. Правда, ночью часто приходили надзиратели с проверкой, но с этим я уже как-то смирился за годы неволи.

Недалеко от бани располагалась столовая, и хлеборез предложил мне рано утром помогать ему разгружать хлеб. Я согласился и получал за эту работу полбуханки. Теперь я мог уже помогать голодным. Так прошло более года. А потом случилось, что соповец (дружинник из заключённых) увидел, как я передавал хлеб нуждающемуся, и донёс начальству. Меня тут же отстранили от разгрузки хлеба.

В этом лагере начальство не раз угрожало лишить меня жизни за то, что молюсь Богу и говорю о Нём людям. Начальник колонии всегда называл меня врагом народа и государства, а замполит, не скрывая ненависти, подчёркивал: «Если бы мне дали право, я собственноручно расстрелял бы тебя!» Начальник режима, майор Гоголь (бывший участковый милиционер на Украине), злобно сверкая глазами, кричал: «Сами мы тебя пальцем не тронем, а уничтожим технически!»

В ответ на угрозы я молился Богу и был глубоко убеждён, что ничего не произойдёт со мной без Его воли. Их слова не были страшны для меня, потому что душа моя находила убежище в имени Господа. Заключённые относились ко мне в основном хорошо, даже тувинцы.

Самым трудным и мучительным для меня была утренняя и вечерняя проверка. Около часа мы стояли на улице — зимой на пятидесятиградусном морозе, а весной и летом на ветру, несущем пыль и песок. Ветры в Кызыле были настолько сильными, что на дорогах машины иногда заносило песком.

В этой зоне иметь духовную литературу или рукописи на религиозные темы было строго запрещено. Мне передали Библию и Евангелие, но сохранять их было весьма трудно. Библию прятали тувинцы, а Евангелие я держал при себе. Долгое время Бог сохранял для меня эту книгу. Однажды ночью, перед ноябрьскими праздниками, оперуполномоченный шесть раз делал обыск, но Бог скрыл от его глаз Евангелие, за что я был весьма благодарен моему Господу.

А в другой раз я не успел спрятать Евангелие в бане и мне пришлось взять его с собой на проверку. После проверки нас неожиданно завели в столовую на обыск. Вместе с приближённым тувинцем я усиленно молился, чтобы Евангелие сохранилось. Подошёл на обыск к нерусскому солдату. Обнаружив Евангелие, он спросил у меня:

— Что это?

— Я верю в Бога. Это моё Евангелие, Божья книга,— пояснил я и попросил: — Пожалуйста, не забирай её.

Он немного подумал и, убедившись, что на него никто из офицеров не смотрит, отдал мне книгу. Как я благодарил Бога! Мы с тувинцем просто ликовали, что Бог услышал нас.

Как-то раз во время очередного обыска я услышал в кочегарке ругань. Оказывается, дежурный капитан, разозлившись, бросал в огонь личные вещи заключённых. В печь полетели и мои вещи — бельё, записи, мыло. Я предложил заключённым написать жалобу начальнику колонии, но они отказались. Тогда я написал сам. Через время меня вызвал начальник и, расспросив о происшедшем, пообещал разобраться. Дня через два провинившийся капитан позвал меня в кабинет, извинился и предложил возместить ущерб. Я отказался, но попросил его больше не бесчинствовать. После этого он действительно вёл себя сдержаннее.

Большой радостью для меня были письма. Хотя их и не все отдавали, но всё же было достаточно, чтобы ободрить и утешить душу страдальца, которого лишили желанного общения со святыми. Когда нападки дьявола и злых людей были особенно сильными, умножалось и утешение от Господа через письма.

Однажды, находясь в тесных обстоятельствах, я получил из Томской области открытку, на которой старческим почерком было написано: «Будьте же верны заветам в этот решающий час! Пусть даже восстанет на вас вся планета, мы молимся, братья, о вас!»

Действительно, «народ, который умеет молиться,— непобедим, потому что его сила — во всемогущем Боге». Я тоже молился о многих и о многом.

В 1985 году, отбыв трёхлетнее заключение, мой сын вступил в брачный союз с Тамарой — сестрой из Полтавской церкви. На этом бракосочетании мне тоже не довелось побывать. Я мог только молиться, просить Божьего благословения на жизнь своих детей и в духе разделять общение с дорогими моему сердцу.

Как-то раз рано утром прибежал ко мне в кочегарку художник колонии. На свободе он работал учителем. В сильном волнении он рассказал, что во сне слышал Божье предупреждение: «Я умерщвлю тебя за то, что ты не слушаешь Ангелов Моих. Я присылал к тебе Кабыша, ты не слушал, теперь прислал Антонова. Если и этого не послушаешь,— умрёшь».

Я сказал ему:

— В Евангелии написано: «Веруй в Господа Иисуса Христа, и спасёшься ты и весь дом твой».

Затем я рассказал о разбойнике на кресте и о милосердном Спасителе. Художник упал на колени и раскаялся перед Богом.

Господь изменил жизнь этого тувинца. Он начал искренне молиться Богу, читать Евангелие, и у него появилось сильное желание звать свой народ к спасению. Он перевёл на тувинский язык пятую, шестую и седьмую главы Евангелия от Матфея и начал свидетельствовать тувинцам о Господе. Некоторые заинтересовались, несколько человек покалось. Об этом стало известно начальству.

Начальник колонии с гневом говорил:

— У нас было много всяких нарушений режима, но такого ещё не было: тувинцы начали молиться христианскому Богу! Мы это искореним! Будем наказывать, изолировать...

Услышав это по радио, я рассказал художнику об угрозах

начальника. Он ответил, что не один раз сидел в ШИЗО за злые дела, а за Христа готов страдать хоть сейчас. Вскоре его посадили в ШИЗО, а потом отправили в Томскую область, чтобы русские заключённые поиздевались над ним. Но там никто не сделал ему зла и даже двое уверовало.

После того как я отсидел в ШИЗО и ПКТ, начальник спросил меня:

— Как тебе удалось втянуть в христианскую веру язычника-тувинца?

Я ответил ему:

— Мне хочется и вас «втянуть» в эту веру, но вы «не тянетесь». Хотел бы брата родного «втянуть», но и он противится. А вот этот жалкий грешник захотел поверить Иисусу Христу, и Бог подарил ему спасение.

Из бесед с тувинцами я узнал, что у них нет вероучения. Их религия не приносит им ни радости, ни утешения. На всю Туву есть одно священное дерево в горах. Туда идут все желающие, молятся возле дерева и бросают в ущелье деньги.

Со мной в отряде было около шестидесяти тувинцев, пенсионеров, и все они, за исключением нескольких человек, попали в лагерь за убийство. Причём убивали не врагов, а своих близких — жён, детей, других родственников, убивали за то, что те не исполняли их желаний. В этом народе процветает колдовство и шаманство.

Начальство подсылало ко мне доносчиков — и из вольных, и из заключённых — с разными вопросами, но Господь давал мне мудрости и учил, как отвечать.

Однажды, чтобы найти обвинение и посадить меня в ШИЗО и ПКТ, подослали коварного человека, который пообещал приближённому тувинцу пронести для меня в зону деньги. От меня же требовалось только написать записку друзьям и попросить денег. Дух Святой подсказывал мне не делать этого, но тувинец так усиленно просил, что я не устоял. Тот коварный человек, получив деньги, отнёс их начальнику и всё рассказал.

С большим злорадством начальник режима и оперуполномоченный посадили меня в ШИЗО на пятнадцать суток.

В камере было холодно — пол цементный, стены покрыты инеем. Бушлат и безрукавку отобрали. Мне, как новичку, нужно было две ночи спать возле стены, но заключённые (их было четверо) проявили ко мне человеколюбие и дали место в середине.

В ШИЗО один день давали триста грамм хлеба и кружку кипятка, а на другой день — шестьсот грамм хлеба и жиденький супчик. Физически было очень тяжело, но Бог укреплял, и я не заболел.

Через пятнадцать суток пришёл в ШИЗО начальник оперчасти и, злорадствуя, объявил, что есть постановление поместить меня в ПКТ на четыре месяца.

Посадили меня к тувинцам, по-видимому, с намерением, чтобы они поиздевались надо мной. В камере было человек двенадцать. Пол деревянный. Под потолком — обледенелые щели, а в двери внизу — дыры, чтобы был сквозняк. Холодно. В девять часов вечера заносили матрасы, одеяла, бушлаты и безрукавки, а в пять утра забирали. Днём лежать не разрешалось. Кормили здесь три раза, на один час выводили во дворик, но была зима и почти никто не хотел выходить. Раз в десять дней с большим трудом можно было помыться в душе. С трудом — потому, что времени для мытья выделяли очень мало и воду пускали то горячую, то холодную. Впрочем, так было почти во всех лагерях.

В первый же день в ПКТ подошёл ко мне молодой высокий тувинец и грязными руками начал дотрагиваться до моего лица. Я попросил его не делать этого, а он возмутился: — Я могу убить тебя, и мне ничего не будет!

Я понял, что ему поручено делать мне зло, и спокойно сказал:

— Если Бог позволит тебе, то убьёшь, а если не позволит, то ничего не сделаешь. А если и убьёшь, что Бог будет с тобой делать?

Он отошёл от меня, что-то пробормотал по-тувински и больше не подходил.

На другой день ещё один тувинец подошёл ко мне:

— Дед, вы проклинаете тех, кто делает вам зло?

— Нет, наоборот, благословляем. Так учит Евангелие.

Он вопросительно посмотрел на меня:

— Почему же мы друг друга и монголов грабим безнаказанно, а как только у староверов что украдём, обязательно несчастье случится? Значит, они проклинают!

Я сказал, что и староверы не проклинают, это Бог вступает за верующих. После этого разговора меня никто не трогал.

Однажды ночью по моему лицу пробежала мышь, и я, схватив её, задушил и бросил к двери. Утром, увидев мёртвую мышь, тувинцы подняли крик: «Кто её убил?!» Они считают мышь священным животным, и её ни в коем случае нельзя убивать. Я объяснил, почему задушил её. Тувинцы предупредили, что в следующий раз побьют меня, если такое повторится.

Вечерами, перед сном, заключённые просили рассказать что-нибудь о Боге, и я с радостью говорил о Христе, о покаянии и жизни с Богом. Особенное расположение к себе я почувствовал после того, как Лина прислала мне бандероль — целый килограмм чеснока, и я перед едой раздавал каждому по одному зубчику. Многие благодарили и говорили: «Как хорошо, что ты верующий! Угощаешь нас чесноком, а мы получаем только табак, которым лишь вредим себе».

Была в ПКТ ещё одна возможность засвидетельствовать о Боге. Молодой татарин передал через повара письмо из ПКТ в зону, а оно попало оперуполномоченному. За это татарину грозил ШИЗО. Он подошёл ко мне с просьбой помолиться, чтобы его не посадили. Я предложил ему помолиться вместе, но он отказался. Тогда я сам стал просить об этом Господа и умолял Его услышать мою молитву ради свидетельства этим людям, чтобы они поняли, что Бог слышит тех, кто обращается к Нему. И Бог ответил: татарина не наказали. Через некоторое время он снова попал в такую же беду и пришёл ко мне с той же просьбой. Я опять помолился, и Бог и в этот раз сохранил его от ШИЗО. Тогда татарин сказал:

— Теперь я понял, что есть живой Бог. Вот через три месяца освобожусь и сразу же пойду в молитвенный дом и покаюсь.

Не знаю, исполнил ли он своё обещание, но для моих сокамерников этот случай был хорошим свидетельством.

Письма в ПКТ приносили редко. Но однажды добрый офицер принёс мне целую пачку писем и рождественских открыток. Сколько радости и утешения доставили они моей душе! Ещё и сейчас слёзы умиления выступают на моих глазах — как дивен наш Господь, как велика Его любовь!

Особую радость я получил, читая одно стихотворение, которое потом выучил в ПКТ и часто повторял:

Оделись сопки в хмурые туманы
И ткут печаль унылые дожди,
А где-то солнце золотит каштаны...
С тобой Господь! Надейся! Веруй! Жди!

Для тех, кто верит, всё приносит благо:
Осенний дождь и зимняя пурга,
Весенние потоки по оврагам
И майские зелёные луга.

Для любящих доступно совершенство
В терпении и верности святой,
Невозмутимый внутренний покой
И радости бескрайнее блаженство.

Я радовался, пел, молился, благодарил Бога, а «злобный Аман» — начальник режима — почти каждый день приходил в камеру и со злорадством спрашивал, как жизнь.

— Слава Богу, хороша! — отвечал я.

— Слава Богу? — с досадой удивлялся он.

— Да, слава Богу!

При этом в моём сердце звучали слова:

Суровый край ты, Север, но проклятья
От Божьих слуг тебе не услышать,
Зимы твоей холодные объятя
Мы тёплым словом будем согревать.

За месяц до освобождения из ПКТ меня привели к начальнику режима, и он, показывая Евангелие, торжествующе произнёс:

— Ну вот, нашли вашу книжечку!

— Отдайте её мне,— спокойно сказал я. — По закону вы не должны отбирать её.

— Отдам, если вы кое-что пообещаете,— лукаво заметил начальник.

Я сказал, что изменять Христу ни за что не буду, а с него, если он не покается, Бог однажды спросит за всё.

Освобождаясь из ПКТ, я оставил тувинцам свой бушлат и другие вещи, какие у меня были. Они искренне благодарили меня.

В зоне я узнал, что Евангелие лежит в кабинете начальника колонии и его читают все желающие. Слава Богу!

Из ПКТ я вышел сильно истощённый, и добрые люди поддерживали меня продуктами.

Получив предложение помогать дневальному в рабочей бригаде, я согласился. Здесь отрядный был добрее, к тому же появилась хорошая возможность послужить людям.

С приёмом пищи в столовой были свои трудности. Надзиратели понуждали есть быстро, а кто не успевал, оставался голодным. С собой брать ничего не разрешалось. Если же кто и пытался что-то пронести в барак, то при выходе из столовой надзиратели и соповцы всё отбирали. А потом за такое грубое нарушение режима нужно было не менее двух часов собирать по зоне камни и складывать их в кучу. Пришлось и мне однажды понести такое наказание. Как ни старался я объяснить, что у меня нет зубов и я не успеваю съедать то, что положено, меня никто не слушал.

А один раз, хоть я и не нарушал режима, меня вызвали в ШИЗО и велели носить на второй этаж бетон. Я отказался, потому что однажды пожилой заключённый упал вместе с носилками. Надзиратели немного покричали, но всё же освободили меня от непосильного труда.

В начале 1987 года, когда лагерный срок уже близился к концу, вызвал меня начальник колонии и весело сказал:

— Ну, Иван Яковлевич, садись к нам поближе, теперь

мы будем говорить с тобой по-хорошему.

В кабинете сидел и прокурор Тувы, русский. Он пригласил меня за стол, на котором лежали шоколадные конфеты и стоял ароматный чай. Я отказался от еды, сказав, что буду пить чай в столовой для заключённых.

— Что, боишься? — спросил прокурор.

— Да,— ответил я. — Подобные вам начальники не так давно напоили нашего единоверца чаем, тот еле выжил.

Прокурор взял конфету и стал есть, демонстрируя, что в ней нет ничего опасного.

— Ешьте на здоровье,— пожелал ему я, не притронувшись к угощению.

Начальник колонии сказал, что меня вызвали по вопросу освобождения.

— Петра Румачика, Ульяну Германюк и других уже освободили по помилованию. Напишите и вы в Верховный Совет просьбу о помиловании — и поедете домой.

Я ответил, что виновным себя не считаю, меня судили как верующего, а не как преступника.

Долго они уговаривали меня, а потом начальник заявил:

— Если вы не хотите писать, то напишет администрация. Тем более вы участник войны...

После этого разговора отношение начальства ко мне изменилось в лучшую сторону, многие уговаривали написать просьбу о помиловании.

На последнем личном свидании Лина рассказала о добрых переменах в нашей стране, и мы благодарили Бога за то, что Он посылает народу Своему облегчение в страданиях.

За два дня до конца срока меня вызвали с вещами на вахту и повезли в кызылскую тюрьму. Там привели к врачу, который стал расспрашивать меня о здоровье.

— Удивляетесь, что я ещё живой, и хотите, чтобы скорее умер? — спросил я.

— Нет, я хочу, чтобы вы жили,— сказал врач.

Я понял, что его задача — проверить, выдержу ли я этап. Самолётом меня доставили в красноярскую пересыльную тюрьму. Вспоминая беседу с начальником колонии, я ещё раз

убедился в его лживости. Действительно, они идут по следам своего отца — дьявола,— лжеца от начала. Как хорошо, что я надеюсь не на мирскую власть, а на Господа! Я радовался, что в сердце не было зла ни на кого, что мог всем простить.

В Красноярске меня поместили в камеру для ссыльных. Многочисленные клопы и тараканы наводили страх и не давали спать. Этапники начали просить, а потом и требовать уничтожить насекомых. Тогда нас вывели на прогулку, а камеру залили хлорной известью, так что даже дышать в ней было невозможно. Когда нас вернули в камеру, надзиратель принёс таз с водой, бросил на пол тряпки и приказал:

— Убирайте сами!

Многие возмущались, кричали, и в результате нас вывели и поместили в боксики — одиночные камеры, где можно только стоять. Часа через два завели всех в ту же камеру, и мы с одним стариком всё вымыли и убрали.

Меня долго не вызывали на этап. Где-то через месяц я написал заявление начальнику пересыльной тюрьмы, но ответа не получил. И только после второго заявления меня вызвали с вещами и вместе с другими двумя ссыльными привезли воронком в аэропорт. Наслаждаясь теплом и свежим воздухом, я спросил у офицера, куда нас отправляют.

— Летим в Северо-Енисейск, восемьсот километров на север,— сказал он.

«Не бойся, Я с тобою»,— засвидетельствовал мне Дух Святой, и сердце наполнилось радостью и хвалой.

Ссылка

Странствуй по сей земле, и Я буду с тобою, и благословлю тебя...

Быт. 26, 3

В Северо-Енисейске мы первым делом попали в милицию. Капитан, который занимался ссыльными, записал наши данные, объяснил обязанности и права ссыльных и пообещал

в понедельник (мы прилетели в субботу) устроить на работу, где нам выдадут аванс. Я попросил его дать мне хотя бы несколько рублей, чтобы отправить домой телеграмму и купить хлеба. Он немного подумал, посмотрел в личное дело и, узнав, что у меня есть на счету деньги, дал каждому из нас по десять рублей с условием, что я возвращу ему всю сумму.

В общежитии нам выдали постель и всех троих поместили в красном уголке, где было холодно и грязно, как в заброшенном доме. Я поблагодарил за всё Бога и поспешил на почту отправить Лине телеграмму. На обратном пути я купил хлеба и не переставал удивляться и радоваться тому, что могу ходить без конвоя.

Верующих в этом городе я не нашёл. Узнал только, что когда-то здесь была небольшая община, а сейчас никого нет. Через два дня пришли от Лины деньги. Я отдал долг капитану милиции, купил себе необходимое и со слезами благодарил Господа за Его любовь и милость ко мне. В милиции я заявил, что работать не буду, так как мне уже шестьдесят восемь лет.

— А как же вы будете жить? — удивился капитан.

Я сказал, что у меня есть семья, много друзей, они помогут мне.

В следующий раз, когда я пришёл отмечаться, один майор спросил:

— Ну что, дед, помогают тебе твои друзья?

— Да!

— Ну и слава Богу.

Жить в общежитии было трудно. Неработающие, полуголодные ссыльные беспробудно пили, дрались, доходило даже до смертных случаев. Я долго искал квартиру, но не мог найти — ссыльному все отказывали. Тогда я написал Лине, чтобы она не приезжала, пока не найду жильё.

Крыша в общежитии протекала, и в коридоре во время дождя всегда стояла лужа, через которую надо было перепрыгивать. Я спросил у женщины-коменданта разрешения посмотреть крышу и залатать дыры. Она с большим удивлением разрешила и дала инструмент. Я починил крышу, тем

самым вызвав недоумение у многих ссыльных.

В нашей комнате было очень грязно, и я предложил сделать уборку, но мои соседи не захотели и мне запретили: пусть, мол, комендант убирает. Когда они ушли, я всё же вымел всю грязь, помыл пол. Стало уютнее.

Получив две посылки, я сердечно поблагодарил Бога за участие близких и родных и угостил продуктами живущих со мной. Мужчины предложили мне отнести посылки в кладовую к коменданту, чтобы не украли. Но я помолился и решил оставить всё в комнате. Слава Богу, никто ничего у меня не украл.

Обслуживал себя я сам: готовил кушать, стирал, ремонтировал одежду. Когда я начинал молиться, соседи замолкали или вообще уходили из комнаты. О Боге беседовали коротко — жаждущих не было.

Лето было в разгаре, когда ко мне приехала Лина на бессрочное свидание. Какое это чудо! Мы могли вдоволь общаться, не переживая, что кто-то подслушает и что через два дня наше общение прервётся. Теперь всё было по-другому. Мы могли ходить по улице, петь, разговаривать, молиться. Только жить было негде. В гостинице мест не было, на квартиру не брали. Что делать?

Лина прилетела с братом Павлом из Полтавы. Радостная встреча, горячее приветствие. Как сильна Кровь Христа и как велика Его милость к нам!

С немалыми трудностями мы сняли комнату у бывшего надзирателя. Любитель выпить, он не дал нам ночью спокойно отдохнуть, и мы решили срочно искать другую квартиру.

Первый день нашего совместного общения мы провели в тайге. День выдался солнечным, тёплым. Тайга приняла нас гостеприимно. Мы пели и беседовали на свежем воздухе, наслаждаясь величием стройных сосен, щебетом птиц и прелестью распустившихся цветов.

В тайге мы совершили вечерю Господню, поделились друг с другом пережитыми радостями и скорбями и прославили Бога за обилие милости и благодати.

Домой пришли поздно вечером. Хозяин, узнав, что мы

решили уйти от него, стал вести себя тише, но мы всё же молились о том, чтобы найти хорошую квартиру. Утром мы с братом Павлом ушли в город и целый день провели в поисках жилья. Уже возвращаясь домой, увидели объявление, что в посёлке Тея (тридцать шесть километров от Северо-Енисейска) продаётся дом. На следующий день мы с Линой поехали туда и, к своему счастью, договорились с хозяевами о покупке дома.

Павел улетел домой, так как у него кончался отпуск, а мы с Линой переехали в Тею. Со слезами мы благодарили Господа за тихий уголок и за возможность быть вместе. Домик был деревянный, маленький — две комнатки, кухня и прихожая. Рядом с домом стояла баня, за ней сарай, во дворе лежало много дров, а за домом был большой огород.

В посёлке проживало около двух тысяч человек, в основном бывшие ссыльные и партийные работники. Мы купили с Линой необходимое, и она улетела на Украину, чтобы

Многолетняя разлука позади

выписаться и найти деньги на покупку дома. Казалось, можно было немного успокоиться, хотя и вдали от церкви и родных, но переживания не кончались — власти не оставляли в покое.

В середине августа меня посетили два брата из Симферополя. Они приняли живое участие в благоустройстве моего жилища, стали заготавливать дрова, ремонтировать то, что валилось. И вдруг пришёл участковый милиционер и приказал мне на следующий день явиться в отделение. Я почувствовал недоброе. Перед его приходом я был в магазине и продавец сказала, что приезжал милиционер и, показав мою фотографию, спрашивал, где я живу.

Утром я пришёл в кабинет по вопросам ссыльных и, увидев там лишь неизвестного мне человека в гражданском, хотел уйти. Однако он остановил меня и сказал, что хочет со мной побеседовать. Я понял, что это сотрудник КГБ.

— Где вы вчера были? — спросил он.

— Дома. Отлучался только в магазин...

Он возмущённо прервал меня и, называя обманщиком, заявил, что они прождали меня возле дома больше часа, а я так и не появился. В это время зашёл капитан милиции, и я объяснил ему, что целый день был дома, по улице Шоссейная, 14. Он открыл книгу, посмотрел и сказал, что они искали меня по улице Школьная, 14. Извинившись, он отпустил меня.

А на другой день капитан приехал в Тею и объявил мне, что я должен возвратиться на жительство в Северо-Енисейск.

Я напомнил ему, что он сам разрешил мне поселиться в Тее, а почему теперь такая перемена? Он ответил, что так приказало начальство — я должен быть всегда на виду, так как являюсь опасным для государства человеком. Мы остановились на том, что они найдут мне квартиру, и тогда я перееду.

Я сообщил о происшедшем Лине, и церковь начала ходатайствовать перед правительством о том, чтобы меня не ущемляли в правах. Мы с братьями из Симферополя тоже постились и молились.

19 августа, в день моего рождения, мы поблагодарили Бога за прожитые годы, за крепость и силу, дарованную мне

свыше, за все благословения. А потом я поехал в милицию, и капитан сказал мне, что Москва отменила принятое обо мне решение и я могу прописываться и жить в Тее.

Как мы были благодарны Богу! Он и в этот раз был очень внимателен к нашим молитвам и послал просимое! Слава Ему!

Вскоре разделить трудности моей ссыльной жизни приехала Лина, моя верная спутница. Мы рассчитались с хозяевами за домик, купили всё необходимое, заготовили на зиму картошку и другие овощи. Каждый день с глубокой благодарностью мы поклонялись милосердному Богу за Его благодеяния. Лина заметила однажды, что здесь, в ссылке, Господь дал нам настоящий отдых.

Молясь о пробуждении в посёлке, мы начали свидетельствовать людям о Боге. Были сочувствующие, были и противники.

Как только наш адрес стал известен христианам, многие

В суровом краю, но вместе

поспешили посетить нас словом приветствия, посылкой, а кто-то и сам приезжал. За восемь месяцев 1988 года мы получили около тысячи писем и открыток, в том числе триста сорок четыре новогодних поздравления, двести шестьдесят пять пасхальных приветствий, восемьдесят два поздравления с днём рождения, сорок четыре — с праздником Жатвы.

Скитания ссыльного облегчались сердечным участием братьев и сестёр

Пришло в Тею сто тринадцать посылок и сорок восемь бандеролей. Около шестидесяти братьев и сестёр посетили нас и разделили с нами радость общения. Как не благодарить за это Господа, ради Которого и происходило всё это?! Мы восхищались Его Божественной заботой и славили за право идти Его путём и пользоваться Его благоволением!

Кроме фруктов, овощей и всяких гостинцев, братья и сёстры привозили слово утешения и укрепляли нас надеждой на нашего Господа. Некоторые пожелания мы записывали на магнитофонную ленту, и мне хочется передать речь

Вениамина Хорева, который с сыновней любовью желал нам самого прекрасного: жить для славы Божьей.

«Дорогие Иван Яковлевич и Неонила Ивановна! Хочу оставить вам в пожелание текст из 91 Псалма: „Насаждённые в доме Господнем, они цветут во дворах Бога нашего; они и в старости плодовиты, сочны и свежи, чтобы возвещать, что праведен Господь...”

Обитатели дома Божьего сочны и плодовиты не только на юге, но и на суровом севере, где вера испытывается морозами, где упование проверяется одиночеством. Легко сохранять сочность, посещая многолюдные собрания, где можно сказать проповедь, провести беседу. Но ваша тропинка сегодня проходит через тайгу. Оторванные от церкви, от родных и друзей, сохраните духовную свежесть, чтобы была сила возвещать, что праведен Господь!

Придёт однажды и ваш день освобождения. И хотя у вас уже солидный возраст — шестьдесят восемь лет,— мне хочется сказать: будьте сочны, плодовиты, будьте свежи!

Сочная старость — большой дефицит в наши дни. Но кто остаётся посаженным в доме Господнем, тот будет цвести и плодоносить!

Иван Яковлевич, почти тридцать лет назад вы проводили молодёжное общение в Молдавии и говорили о Господе так, что молодые сердца загорались огнём жертвенности и самоотдачи, загорались желанием больше любить Искупителя и идти узким путём. Желаю, чтобы до конца своей жизни вы оставались другом молодёжи и её наставником, чтобы слово ваше было вдохновенным, живым, сильным. Конечно, ваши физические силы обязательно ослабеют в старости, но пусть не истощится сила Духа Святого, вера и упование на Бога.

Мы будем молиться о вас и ждать на наши молодёжные общения, как когда-то ждала молодёжь в селе Трушены в Молдавии.

Я рад, что смог посетить вас в этом далёком краю. Признаюсь, иногда жалею, что моего папу ни разу не сослали — в Молдавии к ссылке не присуждают. Моя жизнь проходила в разлуке с отцом. Самое большее — четыре месяца мы жили вместе, когда папа был под надзором. Поэтому мне

и хотелось бы пожить с ним, пусть даже в ссылке.

Возможно, Господь сократит время вашего скитания — ведь Он ведаёт судьбами святых Своих. Прошу вас, не забывайте Молдавию! Наша молодёжь хотела бы вместе с вами поклониться живому Богу и насладиться живым общением».

Мне особенно запомнилось это пожелание, потому что оно было созвучно моему сердечному стремлению — возвещать о любимом Господе и до самой смерти служить Ему.

А вот ещё одно свидетельство искреннего участия в скорбях страдальцев — самобытное, нескладное, но исходящее из самого сердца стихотворение Николая Нестеровича Яковенко. Этот брат посетил нас глубокой осенью.

Меня не тянет на курорты,
Я ехать в Ялту не хочу.
Туда, где белые медведи,
Я к нашим братьям улечу.

Туда, где крепкие морозы,
Где ссыльным братьям нелегко,
Они от родины далёко,
Антонов, Бойко и Пушков.

Они свободу отстаивали.
И ныне в городе, в селе
Идут собрания большие
Свободно на большой земле.

Блаженны изгнанны за правду!
Хотя вины здесь вашей нет,
Вы, как ни странно, отсидели
За правду Божью много лет.

Сейчас другая обстановка,
Безбожья кончился лимит.
Во время этой передышки
Примите скромный мой визит.

Не только мой. От всей Мерефы
Друзья послали вам привет,
Из Соколова, Краснограда...
Поверьте, безучастных нет!

Мы были некогда чужие
И речь была у нас не та,
Теперь же близкими, родными
Мы стали Кровию Христа!

Я просил и прошу Господа, чтобы Он воздал Своей милостью всем, кто старался разделить переживания страдальцев своим живым участием. Именно таким христианам скажет некогда наш Господь: «Приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира: ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы

Любовь, проявленная на деле

одеди Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне... Истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне» (Матф. 25, 34–40).

* * *

Как-то раз зимой, в воскресный день, к нам пришли три женщины.

— Вы верующие? — осторожно спросили они.

— Да.

— А мы ищем Бога и не знаем, как Его найти.

Мы с великой радостью приняли этих женщин, помолились и начали с ними беседовать. С какой жадной воспринималась весть о спасении! Они стали регулярно приходить к нам, и вскоре все три покаялись — Анна Ивановна, Галина Александровна и Аня.

По пятницам и воскресеньям мы стали проводить богослужения.

Они стали членами церкви

жения, а в другие дни встречались просто для беседы. Хотя нас было и мало, Господь радовал и укреплял в вере.

Жизнь этих женщин резко изменилась, и окружающие, заметив это, восстали на них, особенно на Аню. Она раньше занималась ворожбой и некоторых больных исцелила дьявольской силой. Уверовав, она отреклась от прежнего занятия и перестала лечить. Люди угрожали её побить, а «баптистского попа», то есть меня, убить. Грозилась сжечь нашу избу, но мы просили у Бога защиты, и Он сохранил нас.

В августе 1988 года нас посетили два служителя и крестили обращённых к Богу сестёр. Так в Тее образовалась маленькая церковь.

Когда весть об этом дошла до начальства, двое пришли к нам на беседу. Один представился уполномоченным по делам религий в Красноярском крае, а другой отказался называть себя.

— Значит, из КГБ,— просто сказала Лина. — Они всегда скрываются.

Уполномоченный на все лады расхваливал верующих, убеждал, что времена поменялись и теперь нас все будут уважать. Затем он предложил зарегистрироваться, чтобы в Тее был молитвенный дом и люди приходили и калялись.

На мой категоричный отказ уполномоченный угрожающе произнёс:

— Если не согласитесь зарегистрироваться, я сейчас пойду к вашим членам и расскажу, кто вы. Они больше не захотят ходить к вам.

На этом беседа закончилась.

Они и правда зашли к Галине Александровне, которая раньше работала в комнате несовершеннолетних при милиции. Но она им так мудро ответила, что к другим они уже не пошли.

Собрания наши продолжались. Через несколько дней мне сказали в отделении милиции, что с Красноярска прилетали товарищи и учили по-новому бороться с верующими: в тюрьмы не сажать, а отвращать от веры убеждениями.

Начальник милиции предложил мне написать в Верховный

Совет Украины просьбу о помиловании. Я отказался. Тогда он начал кричать, настойчиво повторяя:

— Это же распоряжение Верховного Совета!

— Зачем вы сердитесь? — спокойно сказал я. — Напишите, что я отказался, вы же не можете меня заставить!

Через некоторое время меня вызвал районный прокурор и тоже побуждал написать просьбу о помиловании.

Прошло совсем немного времени после всех этих бесед, и я получил срочную телеграмму о трагической смерти моего свояка Матвея Волошенко.

С большими трудностями я получил документы и разрешение съездить на похороны. Уже в аэропорту, когда я был готов к посадке в самолёт, ко мне подошли сотрудник КГБ и капитан милиции. Они забрали у меня билет, возвратили деньги и заявили, что Москва запретила мне выезжать из ссылки. Огорчённый, я сказал, что буду жаловаться, и вернулся домой.

На мою жалобу от прокурора пришёл ответ, что со мной поступили крайне несправедливо, за что начальник милиции был наказан.

Зима в этих краях длилась десять месяцев. Морозы доходили до -60° . Лина на морозе задышалась, и потому на улицу почти не выходила. Она готовила и убирала в доме, а я утром и вечером топил печь, ходил в магазин.

Два раза у Лины был сердечный приступ: исчезал пульс и прекращалось дыхание. Я взывал к Богу, и Он по милости Своей возвращал её к жизни.

К нам в дом приходили разные люди, и Бог давал мудрости правильно относиться ко всем. Как-то ночью в дверь постучал пьяный. На стук вышел брат, бывший у нас в гостях, и сказал ему, что в дом его не пустит, а переночевать он может в сарае на сене. Утром в сарае мы обнаружили пережжённые спички и удивлялись, как не случился пожар.

За полтора года, которые мы прожили в Тее, злые люди сожгли девять домов. Не один раз угрожали сжечь и наше жилище, но Бог не допустил этого.

Как-то раз днём я сжёг сухую траву в огороде, потом всё обильно залил водой. Ночью прибежала соседка и сказала, что

из-под угла нашего дома виден огонь. Я тут же затушил его. Если бы она не предупредила, мы сгорели бы из-за моего недомотра. Слава Богу, что Он наблюдает за нами во благо для нас!

Много времени уходило на письма — я старался ответить всем, от кого получал. Посылки я привозил на санках, почта находилась в семистах метрах от дома. Один раз пришлось семнадцать посылок, и заведующая почтовым отделением — очень добрая женщина — нашла грузовую машину и отправила посылки прямо домой. Я предложил шофёру три рубля, но он удивлённо воскликнул:

— Дед, ты разве не знаешь, что мы всё делаем бесплатно?!

Я, конечно, не знал, что среди ссыльных был заведён такой добродетельный порядок. Лина посоветовала мне угостить шофёра и заведующую почты мёдом. Это ещё больше расположило их к нам, и они всегда были готовы помочь.

Когда я читал слова апостола Павла: «Умею жить и в скудости, умею жить и в изобилии», то всегда думал: «Чего в изобилии не жить? Вот в скудости — да, надо научиться быть довольным». Но когда у нас появилось изобилие, я понял, что нужно уметь им пользоваться. Поешь немного лишнего, и уже клонит в сон, хочется полежать. Чтобы противостоять угождению плоти, я стал воздерживаться от лишнего, потому что оно опасно для духовного человека.

Обычно мы с Линой три раза в день читали Слово Божье, молились, по пятницам и воскресеньям постились. После собрания в дни поста мы совершали вечерю любви. Лина с сёстрами готовила что-нибудь, и мы в простоте и веселии сердца с благодарением принимали посылаемое Богом.

Как-то раз ранней весной Лина сказала мне, что всю ночь не могла уснуть из-за лая собак. Наверное, снова где-то был пожар. А днём выяснилось, что во вторую избу от кладбища ночью влез медведь-шатун. Хозяин ударил медведя по голове горшком с цветами и, когда тот немного попятился, выскочил из дому, залез в машину, включил фары и светом отогнал зверя. Тогда медведь пошёл к другому дому и, выломав окно, влез в комнату. В том доме жил охотник, и он убил медведя.

Муж нашей сестры Ани был охотником и убил сорок

девять медведей. Аня рассказывала, что ей самой не один раз приходилось встречаться с медведем в лесу, когда она собирала ягоды. Зверь тоже ел ягоды, но её не трогал. Аня говорила, что на людей и животных нападают только те медведи, у которых забрали детёнышей. Неприятно было думать, что в наш дом тоже может пожаловать этот страшный гость. Мы молились, и Ангелы Божьи охраняли наше жилище и от пожаров, и от медведей, и от других опасностей.

Когда мы получили письмо от Николая Петровича Полищука и узнали, что его освободили из ссылки, наши сёстры стали молиться, чтобы меня не освобождали. Мы с Линой рассуждали, на чьи же молитвы Бог будет отвечать: на Украине молятся о моём освобождении, а здесь наоборот, просят оставить подольше. Сами мы всегда говорили: «Боже, да будет воля Твоя!» Потом сёстры поняли, что они неправильно молятся, и стали просить, чтобы меня освободили, а сюда приехал другой брат.

Прошло немного времени, и мы получили письмо от брата Виктора из Куйбышева. Он писал, что после долгих рассуждений и молитв в нём утвердилось желание переехать в Тею. Я ответил ему, что сначала нужно приехать посмотреть, а потом уже решать. Написал ему о трудных природных и жилищных условиях. Через время Виктор прислал письмо, в котором сообщил, что уволился с работы, выписался и собирается ехать в Тею.

Он прилетел в конце октября 1988 года. Сёстры очень обрадовались, что Бог услышал их молитвы.

А 4 ноября, во время молитвенного собрания, приехал из Северо-Енисейска капитан милиции и сообщил, что меня освободили по помилованию Верховного Совета СССР. Ходатайства о помиловании писали какие-то комиссии.

Трудно передать печаль сестёр, остающихся в Тее, и наше переживание за них. Утешало то, что Господь по Своему верному обещанию не оставит этих немногих овечек и Виктор будет проводить собрания.

В слезах радости и печали мы провели прощальное собрание. Друзья помогли нам упаковать необходимые вещи, а дом и всё остальное мы оставили Виктору. Он с благодарностью

всё принял и пообещал со временем выплатить сумму, которую мы уплатили за дом. Обещание своё он исполнил.

Многие жители посёлка, узнав о моём освобождении, разделяли нашу радость. Сосед даже вызвался отвезти нас на своей машине в аэропорт, чему мы были очень рады.

С благодарным сердцем мы покидали Тею. Прощай, таёжный край! Межи наши прошли по прекрасным местам, потому что великий Бог был с нами!

Встреча в Кировограде была слёзной. Дети, внуки и друзья не меньше нас радовались милостям Божиим, и мы вместе прославляли нашего доброго Пастыря за то, что Он не оставил нас среди неистовства безбожников и сохранил, как овец среди разъярённой стаи волков. Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему вечная честь и слава!

Церковь в новых условиях

Церкви же... были в покое, назидаясь и ходя в страхе Господнем; и, при утешении от Святого Духа, уможались.

Д. Ап. 9, 31

С некоторым опасением и не очень явно в январе 1989 года служители Совета церквей съехались на совещание. Прежних слежек уже не было. Во всех регионах страны прекратились разгоны богослужений. Народ Божий возрадовался. Повсеместно собрания начали проходить на одном месте, многие церкви принялись строить для этого палатки. Пользуясь наступившим затишьем, руководящие братья на своём совещании решили начать подготовку к съезду.

По Своей великой милости Бог давал мне силы, и я посещал большие и малые церкви с назиданием и утешением, совершал священнодействие. До 1982 года Бог позволил мне

рукоположить сто тридцать служителей по разным церквам, а после ссылки, до общебратского съезда в 1993 году,— ещё семьдесят семь служителей. Слава, слава Господу!

Началась свободная проповедь Евангелия. Христиане стали строить молитвенные дома, по местам возникали новые общины и группы. К Богу обращались не только простые люди, но и высокопоставленные, образованные. Даже один уполномоченный по делам религиозных культов нашёл прощение у ног распятого Христа и получил дар вечной жизни. Слава Господу нашему, слава!

Бог открыл дверь для благовестия, и глашатаи истины пошли в сёла и города, в школы и больницы, в тюрьмы и колонии. Бог по Своей милости продолжал прилагать спасаемых к церкви. Во многих местах, где годами, а может, и никогда не было верующих, образовались общины. Появилась острая нужда в тружениках.

В июле 1989 года в Ростове-на-Дону братья организовали расширенное совещание служителей братства. На нём впервые за многие годы присутствовал председатель Совета церквей Геннадий Константинович Крючков. Приехали делегаты со всех регионов и объединений братства. В первый день в совещании участвовало около семисот братьев, а на второй день собралось около двух тысяч братьев и сестёр. Подходящего помещения не нашлось, и совещание проходило во дворе, под брезентовой крышей.

Официального запрета властей на проведение столь представительного собрания не было. Два дня мы провели благословенно и радостно, совершили вечерю Господню.

Я всем своим сердцем разделял и разделяю служение братства, радуюсь, что многие и многие братья и сёстры стоят в истине и не преклоняются под чужое ярмо с неверными.

Избавленная от многих переживаний и трудностей, связанных с преследованиями, церковь вступила в новую полосу, где испытание её верности продолжается. И дал бы ей Бог верно перенести всё и встретить своего Господа с радостью и дерзновением!

* * *

Оглядываясь на пройденный путь, я благодарю Господа за милости, явленные мне и моей семье. Мы все спасены, мы принадлежим Богу! Трудным, но прекрасным путём мы шли. Надеюсь, что скоро придём в обетованный край, и это произойдёт только по неизъяснимой милости нашего Бога!

В октябре 1994 года наша семья увеличилась — Вера вышла замуж за Вениамина Горецкого — хориста кировоградской общины. Вместе с церковью мы с Линой благословили детей на семейную жизнь.

К сожалению, вскоре Вера должна была покинуть Украину и уехать в США, куда переселились родные Вениамина. Мы с Линой очень не хотели отпускать её и молились об этом, но Бог на нашу молитву не ответил так, как мы хотели. В разлуке нас всегда утешало и утешает живое и действенное слово Бога — Он обещал хранить нас и ввести в Своё Царство.

Лина уходит домой

*Дней лет наших — семьдесят лет, а при большей крепости — во-
семьдесят лет; и самая лучшая пора
их — труд и болезнь, ибо проходят
быстро, и мы летим.*

Пс. 89, 10

Тяжёлые тюремные и лагерные условия, другие скорби и страдания, выпавшие на долю моей подруги, сделали своё дело — она серьёзно заболела. Болезнь сердца и печени привела к тому, что в брюшной полости начала скапливаться жидкость. Лина лечилась травами, соблюдала диету, дважды над ней совершали молитву с помазанием, но жизнь её близилась к закату.

С мыслью о кончине мы вызвали участкового врача. Лина в больницу не обращалась, и медицинской карточки у неё не было. Врачу мы объяснили, что верим в загробную жизнь и смерти не боимся, а её позвали с единственной целью — чтобы знала о болезни и после смерти выдала справку.

Пожилая врач выслушала нас внимательно и стала убеждать, что больную можно вылечить, нужно только лечь в больницу. Лина согласилась.

Доктора значительно облегчили страдания больной, удалили жидкость. Однако месяца через два жидкость снова начала собираться, и дошло до того, что Лине стало трудно дышать. Два раза жидкость откачивали в домашних условиях. А потом Лина попросила: «Не мучьтесь возле меня и меня не мучьте. Не молитесь об исцелении, я хочу домой».

И всё же нам хотелось, чтобы она ещё жила. Мы открывали Богу своё желание, но наша молитва обязательно заканчивалась искренним согласием: «Да будет воля Твоя».

Последний месяц Лина уже не могла ходить в молитвенный дом. Молодёжь и друзья посещали её, мы вместе молились.

Мы старались исполнять все её желания, хотя их было совсем мало. Она даже в болезни была очень терпелива и кротка.

Служители Совета церквей посоветовали мне больше быть дома, чтобы Лина переходила в небесные обители в моём присутствии.

В последние сутки Лина сильно страдала. Вся наша семья собралась у её постели. Не в силах смотреть на её мучения, мы начали просить Господа, чтобы Он взял нашу любимую к Себе.

Земной путь Неонилы Ивановны завершён

Бог не замедлил исполнить нашу просьбу. 24 сентября 1998 года в шесть утра дух моей подруги переселился в лучший мир. Произошла долгожданная и весьма желанная встреча Лины с Искупителем и Господом.

Накануне смерти Лина сказала мне, что она собрала немного денег на похороны, а также написала завещание, которое хранится в шкатулке.

Мне хочется опубликовать это завещание и тем самым хотя бы отчасти осветить внутренний мир христианки, которая с юности старалась жить по Слову Божьему.

ЗАВЕЩАНИЕ

Мои родные, соберитесь перед моим погребением и все вместе прочтите моё завещание.

Моё пожелание вам всем:

«Живите в любви, как и Христос возлюбил нас и предал Себя за нас в приношение и жертву Богу...» (Еф. 5, 2).

«Итак, облекитесь, как избранные Божии, святые и возлюбленные, в милосердие, благодать, смиренномудрие, кротость, долготерпение, снисходя друг другу и прощая взаимно, если кто на кого имеет жалобу: как Христос простил вас, так и вы.

Более же всего облекитесь в любовь, которая есть совокупность совершенства. И да владычествует в сердцах ваших мир Божий, к которому вы и призваны в одном теле, и будьте дружелюбны.

Слово Христово да вселяется в вас обильно, со всякою премудростью; научайте и вразумляйте друг друга псалмами, славословием и духовными песнями, во благодати воспевая в сердцах ваших Господу. И всё, что вы делаете, словом или делом, всё делайте во имя Господа Иисуса Христа, благодаря через Него Бога и Отца» (Кол. 3, 12-17).

Прошу вас, запечатлите эти слова в своём сердце, и пусть Господь поможет вам исполнять их в жизни.

«Итак, люби Господа, Бога твоего и соблюдай, что повелено Им соблюдать, и постановления Его, и законы Его, и заповеди Его во все дни» (Втор. 11, 1).

«Почитай отца твоего и мать твою, как повелел тебе Господь, Бог твой...» (Втор. 5, 16).

«Пред лицом седого вставай, и почитай лицо старца, и бойся Бога твоего» (Лев. 19, 32).

Исполняя эти повеления Самого Бога, окружите своего отца и дедушку — Ивана Яковлевича Антонова — вниманием, любовью и заботой. Особенно завещаю это Надечке, как дочери, не исключая, конечно, и всех остальных детей и внуков. Смотрите, чтобы он всегда был сыт, обстиран и чист. Предоставьте ему уютный угол вашего жилья, где он мог бы в тишине и спокойствии побыть в общении с Богом через

чтение святого Слова и молитву. Он достоин получить от вас всё это!

Ваня, тебе завещаю: пиши письма Вене, Вере и их деткам, хотя бы раз в месяц. Как любящий отец, наставляй, поучай, утешай. Наша Верочка одинока в чужой стране, пусть хоть через письма она почувствует теплоту отцовской любви. Поступай с детьми не по их поступкам, а по заповедям Божиим.

Не печальтесь и не плачьте сильно о моём уходе с земли, как не имеющие надежды.

Гроб мой обейте материалом любого цвета, только не красного. Красный цвет — символ крови, пролитой в борьбе за коммунизм — новое безбожное общество, а я — христианка.

Во время прощального богослужения спойте мой любимый гимн: «Красота Иисуса, светись во мне». Преображаться в образ Христа было девизом всей моей жизни.

От моего имени прочтите как стихотворение слова гимна: «На небе нет больше страданий».

Очень хочу, чтобы погребение моё сопровождалось духовым оркестром. Но если исполнить это желание будет трудно, не печальтесь.

Напишите большими буквами слова Священного Писания: «Для меня жизнь — Христос, и смерть — приобретение» (Фил. 1, 21). Хочу, чтобы этот текст несли перед гробом.

Если возможно, напишите и следующие тексты:

«Верующий в Сына имеет жизнь вечную» (Иоан. 3, 36).

«Я есмь воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрёт, оживёт» (Иоан. 11, 25).

Всем моим возлюбленным братьям и сёстрам во Христе, Церкви Христовой, моё искреннее пожелание:

«Радуйтесь всегда в Господе; и ещё говорю: радуйтесь. Кротость ваша да будет известна всем человекам. Господь близко.

Не заботьтесь ни о чём, но всегда в молитве и прошении с благодарением открывайте свои желания пред Богом, и мир Божий, который превыше всякого ума, соблюдёт сердца ваши и помышления ваши во Христе Иисусе.

Наконец, братия мои, что только истинно, что честно, что справедливо, что чисто, что любезно, что достославно,

что только добродетель и похвала, о том помышляйте. Чему вы научились, что приняли и слышали и видели во мне, то исполняйте,— и Бог мира будет с вами» (Фил. 4, 4–9).

«Посему, возлюбленные, препоясав чресла ума вашего, бодрствуя, совершенно уповайте на подаваемую вам благодать в явлении Иисуса Христа. Как послушные дети, не сообразуйтесь с прежними похотями, бывшими в неведении вашем, но, по примеру призвавшего вас Святого, и сами будьте святы во всех поступках. Ибо написано: „будьте святы, потому что Я свят“» (1 Петр. 1, 13–16).

«Сам же Бог мира да освятит вас во всей полноте, и ваш дух и душа и тело во всей целостности да сохранится без порока в пришествие Господа нашего Иисуса Христа» (1 Фес. 5, 23).

Сердечно благодарю Бога и вас, мои дорогие, за всё хорошее, что сделали вы для меня. А за всё нехорошее, что было с моей стороны,— прошу прощения, я тоже простила всем.

Расстались на время

Похороните мой прах на любом кладбище, где это будет удобнее и принесёт меньше затруднений и расходов.

Одежду мою раздайте в деревнях нуждающимся сёстрам во Христе.

До свидания в вечности, мои милые!

Всех вас буду ждать у ног Христа!

Любящая вас жена, мама, бабушка, наименьшая сестра во Христе Лина Антонова».

Она ушла домой, к Отцу, а прах её 26 сентября 1998 года мы предали земле.

Я скорбел и плакал не только во время похорон. Отсутствие любимой спутницы отразилось глубокой болью в моей душе. Но Господь по милости Своей утешал и утешает меня через детей, внуков и друзей. Я теперь ещё глубже понимаю слова, сказанные однажды Творцом: «Не хорошо быть человеку одному» (Быт. 2, 18).

Мне хочется сказать каждому мужу: люби свою жену! Исполняй её добрые желания, бери на себя всю тяжёлую работу и помогай ей в труде. Не скупись на доброе слово — хвали жену за порядок в доме, за хозяйственность, за воспитание детей, за доброту, нежность и ласку. Неси бремя своей жены!

Мой жизненный путь по милости Господа ещё продолжается. Бог даёт мне здоровье и силу, и я тружусь физически и духовно; очищаюсь, освящаюсь, чтобы в радости встретиться с любящим Богом, Ангелами Его, родственниками и друзьями, умершими в Господе. Это — славная цель нашего земного странствования, о которой Иван Вениаминович Каргель в своей книге «Свет из тени будущих благ» написал так:

«О, мои братья, да не исчезнет из глаз ваших эта цель, истинная цель земного странствования! Купите глазной мази у шествующего с вами Господа, чтобы сделаться весьма дальнозоркими, потому что, чем больше и лучше вы смотрите на эту цель, тем сильнее и скорее будет стремиться к ней сердце ваше. Да, только там наш окончательный и совершенный покой, где мы увидим Его лицом к лицу. Там наш страннический посох превратится в пальму мира; этот дом, наша хижина,— в дом нерукотворенный, вечный; надежда наша сменится действительностью и наша вера — видением. Ещё один шаг и, если надо,— ещё один, и тогда, да, тогда придёт последнее —

Тогда я брег чужой покину,
Отдав себя в руки Творца,
Страну желанную достигну,
И это — родина моя!»

Аминь.

Послесловие издателя

Четвёртого октября 2009 года заветное желание автора этой книги исполнилось — Бог переселил его в обетованный край. То было раннее воскресное утро. Иван Яковлевич намеревался вместе с церковью вспоминать страдания Господа Иисуса, но Бог распорядился по-другому. Он положил конец земным скитаниям Своего раба и взял его в лучший мир, обещанный всем любящим Господа.

Иван Яковлевич Антонов никогда не покидал узкого пути, любил Господа на деле, никогда не избегал страданий за верность Божиим заповедям. А страданий на его долю выпало много. Как служитель церкви, он стоял впереди народа Божьего и одним из первых принимал на себя натиск врагов Господних.

Иван Яковлевич — многолетний труженик на ниве Божьей и страдалец за веру в Бога. Двадцать два года он провёл в неволе, восемь лет был на нелегальном положении, но от дела Божьего не отстранился, заповедям Божиим не изменил. Всем сердцем разделяя стремление святых жить угодной Богу жизнью, он до последнего дня своей жизни был в числе передовых служителей братства и старался словом и делом подтверждать свою веру и любовь к Богу.

Народу Божьему Иван Яковлевич известен как самоотверженный, добрый, скромный, любящий пастырь. Обладая крепким здоровьем, он многие годы расточал себя ради Евангелия. Он был неутомимым тружеником. Поздно ложась и рано вставая, путешествуя по сёлам и городам, он с молитвой к Богу совершал вверенное ему служение, не жалея для этого абсолютно ничего.

Служение пастыря Иван Яковлевич исполнял с большим усердием. Посещая церкви, совершая дело домостроительства, он не выпускал из виду и самые обычные, каждодневные нужды христиан. «Может быть, у вас есть нужда, о которой нужно усиленно помолиться Богу?» — ласково спрашивал он у многодетных и одиноких, у пожилых и молодых, всегда готовый разделить трудности, походить за ними перед Господом о друзьях.

Все, кто близко знали Ивана Яковлевича, видели в нём исполненного любовью душепопечителя. Какие бы ни были проблемы у кого-либо, Иван Яковлевич всегда находил и утешение, и мудрость, и совет в Слове Божьем, которое ценил превыше всего, которому искренне покорялся.

Священное Писание заповедует нам подражать вере таких христиан, каким был Иван Яковлевич: «Поминайте наставников ваших, которые проповедовали вам слово Божие, и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их» (Евр. 13, 7). Иван Яковлевич жил верой и служил Богу в глубокой вере. Он любил Господа всем сердцем и всецело доверял Ему. Ни угрозы, ни соблазны не смогли увлечь его с истинного пути. Трудности и скорби только укрепляли его в вере, побуждая более ревностно любить и служить.

«В вечной памяти будет праведник» (Пс. 111, 6), потому что был верным Богу до самой смерти!

Содержание

Моя семья	3
Жизнь в деревне	6
Моя учёба	10
Служба в армии и война	18
Знакомство с истиной	21
Арест	28
Суд	33
Тюрьма	36
Этап на север	38
Знакомство с зонами	40
Скитание по лагерям	47
Новые страдания	60
Новое место пребывания	67
Первые месяцы на свободе	74
В деревне	81
Освобождение Лины	83
Наше бракосочетание	85
Жизнь в церкви	87
Семейные радости и скорби	90
Исключение из общины	92
Служение Богу в условиях преследования	96
Гонения продолжаются	108
Второй арест	111
Новый приговор	118
Жизнь в лагере	122
Страдания родных	133
Этап и новая колония	134

Досрочное освобождение	141
Труд на свободе	144
Арест и новый срок	150
Колония № 6	154
На свободе	157
Четвёртый арест и суд	160
Снова свободен	167
Пятый арест	171
Пятый суд	176
Мои скитания	180
В колонии Кызыла	184
Ссылка	195
Церковь в новых условиях	210
Лина уходит домой	213